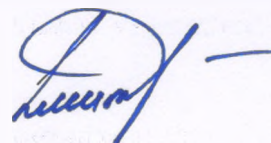

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет»

На правах рукописи

Дмитрина Светлана Геннадьевна

**ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА НА ЦАРСТВО
КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

Специальность 07.00.09 – «Историография, источниковедение и методы
исторического исследования»

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент, профессор кафедры
отечественной истории и
права Уваров Павел
Борисович

Челябинск-2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА	21
1.1. Отечественная историография эпохи ранней классики (конец XVIII в. – 60-е гг. XIX в.).....	21
1.2. Отечественная историография эпохи поздней классики (вторая половина 60-х гг. XIX в. - начало XX в.).....	35
ГЛАВА 2. СОВЕТСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ.....	75
2.1. Феномен избрания Михаила Романова в историографии советского периода.....	75
2.2. Современная историография (начало 1990 -х гг. – 2010-е гг.)	109
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	189

ВВЕДЕНИЕ

В начале XVII века Московская Русь переживала тяжелейший кризис, получивший название Смутное время. Пресечение легитимной династии князей Рюриковичей привело к кровопролитной борьбе за московский престол, переросшей впоследствии в социальный конфликт, повлекший за собой иностранную интервенцию. Избрание новой династии Романовых стало существенным шагом к прекращению розни между людьми и становлению государственности. В связи с этим проблема избрания Михаила Федоровича Романова неоднократно вызывала интерес у исследователей разных эпох.

В отечественной историографии было создано большое количество работ очень разных по своим выводам. Актуальность анализа историографического наследия по этой теме определяется важностью осмысления отечественными историками процессов духовной и политической жизни России в эпоху конца Смутного времени. Значимость изучения проблемы смены династии состоит в том, что, несмотря на глубокий социальный конфликт в стране быстро была сформирована структура, обеспечивающая преемственность власти. Обобщение результатов исторических исследований, посвященных концу Смутного времени, важно и в связи с существенным расширением теоретико-методологических подходов в современной российской исторической науке.

Период конца Смуты в историографии исследовался на основе различных научных (мировоззренческих) концепций. Как отмечала Л.П. Репина, «оценка исторического смысла события не может быть абсолютно объективной и исчерпывающей. В историческом сознании явления прошлого всегда формируются под влиянием идей, представлений, осознанных и неосознанных предпочтений, актуальных для изучающего или воссоздающего их общества»¹. Исходя из этого необходимо обратиться к словам В.Н. Чакшова

¹ Репина Л.П. История исторического знания: Пособие для вузов. М., 2004. С. 15.

относительно историографии, посвященной династии Романовых: «Литература о династии Романовых обширна и разнопланова. Большой вклад в освещение темы сделали дореволюционные историки. В советское время история монархии и судьбы монархов не относились к актуальной проблематике, однако подход к ним марксистских историков был во много схож с подходом дворянской историографии, но только с разными знаками. Если дворянскую историографию следует считать апологетической, то марксистскую – антицаристской (или антиромановской). Лишь деятельность некоторых российских царей (в зависимости от вкуса очередного коммунистического правителя) получила положительную оценку в советской историографии. В постсоветской России на читателя хлынул поток литературы о Романовых, разной по научному уровню и идейной направленности»¹. В такой историографической незавершенности заключается теоретическая актуальность темы. Изучение проблемы актуально и с социально-политической точки зрения, так как в нашем обществе примерно с середины 80-х гг. XX в. стал ставиться вопрос о возможности возвращения к монархической форме правления, существующей в некоторых государствах. Анализ изменения позиций историков на протяжении нескольких историографических периодов позволяет представить более точную оценку перспектив эволюции монархической идеи на современном этапе развития.

Степень научной изученности проблемы. В историографии изучаемой проблемы условно выделяется несколько этапов. Первый этап – классическая историография дореформенного периода с конца XVIII в. до 1861 г. Второй – классическая пореформенная историография с 1861 по октябрь 1917 гг. Третий – советская историография октябрь 1917 – 90-х гг. XX в.. Четвертый – современная историография с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время.

¹ Чакшов В.Н. Романовы: кто они? // Отечественная история. 1998. №1. С. 167.

На первом этапе классической историографии дореформенного периода с конца XVIII в. по 1861 г. в процессе зарождения и развития отечественной исторической науки в историографии исследуемой темы сложилось несколько направлений. Консервативное течение в конце XVIII в. – первой половине XIX в. являлось доминирующим. Его яркими представителями были «отец» русской истории В.Н. Татищев¹ и Н.М. Карамзин, который суть своей теории изложил в труде «История государства Российского»², при этом тематика избрания получила отражение в статье «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях»³. Так же в русле данного направления писал и Д.П. Бутурлин⁴.

В 1820-е гг. в российской исторической науке сформировалось «критическое направление», сутью которого стало оппонирование научной концепции Н.М. Карамзина и основание новой «прагматической истории», ставившей во главу не только факты, но и причинно-следственные связи. В рамках нашей темы оно представлено работами Н.Г. Устрялова⁵.

В середине XIX в. появилось течение, деятели которого считали, что именно сильное государство является движущей силой всего исторического развития. Яркими представителями этой школы были К.Д. Кавелин⁶ и С.М. Соловьев⁷.

В 1830-е – 1840-е гг. зарождается также революционно-демократическое направление, выразителями которого были преимущественно А.И. Герцен⁸ и Н.П. Огарёв⁹.

¹ Татищев В.Н. История Российская. Т.1-8. М., 1994-1996.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1-12. СПб., 1816-1829.

³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1991.

⁴ Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII века. Ч.1-3. СПб., 1839-1846.

⁵ Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. Петрозаводск, 1997.

⁶ Кавелин КД. Взгляд на юридический быт Древней России // Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 11-67.

⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1-29. М., 1851-1879.

⁸ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М., 1956.

⁹ Огарев Н.П. Расчистка некоторых вопросов. Статья вторая. Конституция и Земский Собор // Избранные социально-политические произведения. Т. 1. М., 1952. С. 630-632.

На данном этапе развития историографии осуществлялись поиск, сбор и обработка первоисточников, посвященных тематике избрания Михаила Романова на царство. Впервые подверглась интерпретации Утверждённая грамота¹, на основе которой складывались представления историков об этом событии, стали выдвигаться версии, связанные с причинами и ходом избирательного процесса. Но эта тема получила отражение только в контексте общего хода Смутного времени. В целом для дореформенного периода классической историографии характерно нарративное изложение исторического сюжета.

На втором этапе классической пореформенной историографии (1861 – октябрь 1917 гг.) в условиях смягчения цензуры происходят изменения в концепциях историков. Исследуемая проблема в трудах либеральных мыслителей получает новые трактовки. Подход к вопросу избрания Михаила Романова на царство становится более критическим. Монарху начинают даваться достаточно противоречивые оценки (Н.И. Костомаров², В.О. Ключевский³, С.Ф. Платонов⁴, П.Г. Васенко⁵, А.И. Маркевич⁶, П.Н. Жукович⁷, Д.В. Цветаев⁸, А.А. Кизеветтер⁹ и др.). Но и представители консервативного направления продолжают отстаивать свои позиции (Д.И. Иловайский¹⁰, К.Н.

¹ Утвержденная грамота об избрании на Московское Государство Михаила Феодоровича Романова. URL: https://ispovednik.org/официальные_документы/utverzhdannaya-gramota-ob-izbranii-na-moskovskoe-gosudarstvo-mihaila/ (дата обращения: 23.06.2019).

² Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т.2. СПб., 1874.

³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 3. М., 1988.

⁴ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в московском государстве XVI – XVII вв. СПб., 1899; Он же. К вопросу об избрании М.Ф. Романова в русской литературе // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. №2. С. 177-191; Он же. Полный курс лекций по русской истории. Пг., 1917.

⁵ Васенко П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913.

⁶ Маркевич А.И. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 277. С. 176-203.

⁷ Жукович П.Н. Россия под скипетром Романовых: Очерки из русской истории за время 1613-1913. Симферополь, 1991; Он же. Смутное время и воцарение Романовых. М., 1913.

⁸ Цветаев Д.В. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. М., 1913.

⁹ Кизеветтер А.А. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова // Голос минувшего. 1913. №3. С. 231-236.

¹⁰ Иловайский Д.И. История России: в 5 тт. Вып.1. Смутное время Московского государства. Вып.2. Эпоха Михаила Феодоровича Романова. Т. 4. М., 1894-1899.

Бестужев-Рюмин¹ и др.). Необходимо отметить, что к 300-летию юбилею избрания династии Романовых в печать выходит большое количество научных статей, посвящённых Михаилу Федоровичу.

Взгляды историков первой половины XIX в. на монархию были связаны с абсолютным признанием истин религиозного характера, а также принципа незыблемой легитимности монархической формы правления.

В целом для пореформенного этапа классической историографии продолжало оставаться характерным нарративное изложение проблемы избрания первого представителя новой династии. Особенности теоретико-методологической проработки темы являлись, с одной стороны, естественная лояльность исследователей к институту монархической государственности, а с другой – определенные цензурные ограничения, которые не оставляли большого пространства для развития критического отношения к данной проблеме.

На третьем этапе – советская историография (октябрь 1917 – начало 1990-х гг.) – вопросы истории дореволюционной России и монархической формы власти рассматривались в основном в обличительном ключе, с точки зрения марксистской философии истории, для которой было присуще представление об эксплуататорской и классовой сущности государства, где монархия являлась выразителем интересов только узкого класса феодалов-землевладельцев, что заведомо противоречило идеи ее общенародной поддержки в условиях Смутного времени. Эта тенденция особенно сильно проявляется в трудах таких исследователей эпохи становления советской науки, как И. М. Василевский², М.Н. Покровский³.

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1-2. СПб., 1872-1885; Он же. Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. №252. С. 245-295.

² Василевский И.М. Романовы. Портреты и характеристики. Пг.-М., 1923.

³ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения: в 4-х кн. Т.1-2. Кн. 1. М., 1966.

Более объективно феномен избрания оценивался в контексте общего хода Смуты в специальных работах советских историков Р.Г. Скрынникова¹, В.Б. Кобрин², А.В. Черепнина³, А.Л. Станиславского⁴, которые считали, что представители семьи Романовых были достаточно подходящей кандидатурой для избрания, отмечали, ключевую роль казачества в этом вопросе.

Таким образом, избрание Михаила Федоровича на этом этапе историографии изучалось только в контексте событий Смуты и с учетом концепции классовой борьбы. Любые попытки дать оценки, отличные от официальной позиции сталкивались с жестким идеологическим прессингом.

На четвертом этапе (с начала 1990-х гг. по настоящее время) происходит активизация исторических исследований по проблеме воцарения Михаила Федоровича. Это было вызвано попыткой преодолеть идеологические штампы, а также тем, что после распада СССР начинается изменение «мышления эпохи», происходит общественное переосмысление и переоценка исторического наследия, становится иным отношение к монархии в целом, к правителям и их роли в жизни царской России.

Представители «омской историографической школы» В.П. Корзун и В.Г. Рыженко отмечали, что в новых условиях на перекрестке различных интеллектуальных сетей на уровне конкретных исследований происходит становление новых моделей научности⁵.

В этот период возрождается интерес историков к институту монархии, который отождествлялся с законным основанием управления государством в

¹ Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988; Он же. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988; Он же. Русь. X – XVII века. СПб., 1999; Он же. Смутное время: Крушение царства. М., 2007.

² Кобрин В.Б. Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX века. М., 1991. С. 163-185.

³ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978.

⁴ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.

⁵ Корзун В.П., Рыженко В.Г. Коммуникативное поле современной исторической науки: от размышлений историографов к опытам описания // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 26.

обществах традиционного типа¹. Легитимность связывали «с истинностью и справедливостью действий и решений власти, что обеспечивает ей принятие и согласие с ее требованиями»². На основе этого историки в данной области исследования частично возвращаются к концепции классического историописания, обращая внимания на важность идеи царской власти и ее восприятия людьми. Историки и обществоведы И.В. Поздеева³, Л.Б. Сукина⁴, Е.В. Пчелов⁵, В.Н. Балязин⁶, С.Ю. Шокорев⁷, Н.М. Рогожин⁸, Д.Г. Давиденко⁹, Г. Коваленко¹⁰, С.Ю. Егоров¹¹ и др., – обращались к проблеме избрания первого Романова, пытаясь по-новому осмыслить данные события. Л.Е.

¹ Мартынов А.С. Представление о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы Азии и Африки. 1972. №5. С.72-82; Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего востока. М., 1986; Ильин И.А. О монархии // Собр. соч.: в 10 т. М. 1994. Т. 4; Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995; Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. Власть // Полис. Политические исследования. 1997. №6. С. 146-165; Баландые Ж. Политическая антропология. М., 2001; Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003; Блок М. Феодалное общество М., 2003; Варьяш И.И. Священное право короля – творить право // Священное тело короля. Ритуалы и мифология. М., 2006. С. 52-77; Годелье М. Загадка дара. М., 2007; Ванина Е.Ю. Средневековое мышление: индийский вариант. М., 2007; Бэшем А. Цивилизация Древней Индии. Екатеринбург, 2007; Грачев Н.И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практики государственного строительства традиционного сообщества. М., 2009; Фавье Ж. Столетняя война. СПб., 2009; Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов раннесредневековой западноевропейской историографии: монография. Новосибирск, 2009; Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010; Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015.

² Грачев Н.И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практики государственного строительства традиционного сообщества. М., 2009. С. 55.

³ Поздеева И.В. Первые Романовы и царистская идея (XVII век) // Вопросы истории. 1996. №1. С. 41-52.

⁴ Сукина Л.Б. Первые Романовы. Жажда власти и любви. СПб., 2007.

⁵ Пчелов Е.В. Генеалогия Романовых. 1613 – 2001. М., 2001; Он же. Рюриковичи. История династии. М., 2003; Он же. Романовы. История династии. М., 2003.

⁶ Балязин В.Н. Неофициальная история России. Иван Грозный и воцарения Романовых. М., 2007.

⁷ Шокарев С.Ю. Смутное время в Москве. М., 2013.

⁸ Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М. Россия после Смуты – время выбора // Отечественная история. 2008. №5. С. 39-50.

⁹ Давиденко Д.Г. Московский Симонов монастырь в годы Смуты // Вопросы истории. 2009. №10. С. 153-160.

¹⁰ Коваленко Г. Карл Филипп или Михаил Романов? // Родина. 2013. №2. С. 24-26.

¹¹ Егоров С.Ю. Судьба Михаила Федоровича Романова в истории России // Культура народов Причерноморья. 2013. №260. С. 47-51.

Морозова¹ и В.Н. Козляков² на основе источников и глубокого историографического анализа подробно рассматривали феномен избрания, стараясь не просто описать его, но и объяснить с позиций менталитета человека традиционного общества важность этого события для Московской Руси XVII в.

Часть авторов продолжали утверждать малозначимость традиционалистских основ при выборе новой династии³.

Таким образом, в современной отечественной исторической науке сложилась историографическая ситуация, которую характеризует эклектичное соединение идей и традиций классической эпохи и советского времени (со смягченными марксистскими историософскими построениями), появление новых трактовок на основе современных концепций.

Однако, комплексного историографического исследования по проблеме избрания Михаила Романова на царство не было создано.

Хронологические рамки исследования датируются временем с конца XVIII в., так как именно в этот период происходит зарождение и становление исторической науки в России, до начала XXI в., что позволяет проследить изменения во взглядах историков, а также выявить прирост историографического знания, особенности концептуальных оснований исследовательских подходов.

¹ Морозова Л.Е. Михаил Федорович // Вопросы истории. 1992. №1. С. 32-47; Морозова Л.Е., Демкин А.В. История России в лицах: Государственные деятели XVII века. М., 2001; Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. М. 2005; Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на Российском престоле. М., 2011.

² Козляков В.Н. Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича // Отечественные архивы. 2006. №2. С. 109-114; Он же. Смута в России. XVII век. М., 2007; Он же. Михаил Федорович. М., 2010.

³ Широкопад А.Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября. М., 2005; Он же. Тайны великой Смуты. М., 2005; Он же. Бояре Романовы в Великой смуте. М., 2010; Лисейцев Д.В. Демократия Смутного времени. Как проходил Земский собор 1613 года // Родина. 2013. №2. С. 14-17; Он же. Легитимность верховной власти в России в эпоху Смуты: к вопросу о статусе «выборных людей» // Российская история. 2014. №4. С. 146-154.

Территориальные рамки работы. Темой избрания Михаила Федоровича Романова интересовались в масштабах всей российской исторической науки, поэтому территориальные рамки исследования охватывают университетские центры Российской империи конца XVIII – начала XX вв., СССР и современной России.

Объект – исследования, посвященные избранию Михаила Федоровича Романова на царство.

Предмет – особенности исторических интерпретаций избрания Михаила Федоровича Романова на царство в отечественной историографии.

Целью диссертации является анализ идей, положений и концептуальных подходов в отечественной историографии в трактовке проблемы избрания на царство Михаила Фёдоровича Романова.

Цель исследования предопределила решение следующих **задач**:

– проанализировать и квалифицировать труды дореформенной историографии об избрании Михаила Федоровича Романова на царство с конца XVIII в. – до 60-х гг. XIX в.;

– выявить специфику классической историографии пореформенного периода по вопросу избрания Михаила Федоровича Романова на царство;

– определить факторы, оказывающие воздействие на интерпретацию темы избрания Михаила Федоровича Романова на царство в советской историографии и с учетом их природы выявить степень изученности темы;

– проследить изменения во взглядах отечественных историков после распада Советского Союза, отразившихся на становлении современной историографии.

Источниковая база исследования. Историографический источник есть произведение творческой деятельности человека, позволяющее обозначить целеполагание автора, сознательно осуществлявшего акт

историописания¹. Критический анализ и интерпретация историографических источников на современном этапе предпринимается с учетом того, что история нужна «не только для того, чтобы описать, “как было”, но главным образом для того, чтобы понять, “почему так было”»².

В основу источниковой базы диссертации положены научные труды историков (научные монографии, диссертационные исследования и авторефераты, научные статьи, материалы конференций, публицистика, рецензии и отзывы), связанные со спецификой нашего исследования. Они имеют первостепенное значение, поскольку считаются отдельной видовой группой историографических источников³. Это является важным, так как конкретно-исторические исследования направлены на сбор и обработку материалов, а содержащиеся в них авторские теоретические конструкты первичны для историографа.

На наш взгляд, необходимо дать краткую характеристику источникам, которые будут использоваться в рамках данного диссертационного исследования. Монография – это историографический источник в виде научного сочинения, написанного с использованием строго научной лексики по какому-либо одному вопросу, где выдвигается новая гипотеза или теоретическое построение, обосновывается новизна теоретического подхода, проводится тщательный анализ источников по данной теме, то есть происходит глубокое изучение конкретного вопроса. Материалы конференций – это особый вид историографического источника, где прослеживается отношение исследователей к спорным или сложным вопросам истории, а также на конференциях используется в основном новейший материал, в рамках которого можно проследить новые концептуальные подходы.

¹ Алеврас Н.Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2017. С. 115-116.

² Сверчкова Л.П. Субъект духовного производства: методологический анализ. Л., 1988. С. 11.

³ Алеврас Н.Н. Историографический текст как эго-документ: к постановке и обсуждению подхода // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 46.

Диссертационные исследования и авторефераты – это источник, имеющий цель доказать какое-либо новое научное положение, в соответствии с определенными требованиями и структурой, то есть диссертация должна иметь четко сформулированную гипотезу и соответственно ее доказательство, должна опираться на репрезентативную базу источников, на ранее изложенные научные положения (и, соответственно, соотнесение диссертационных выводов с ними) и должна свидетельствовать о личном вкладе диссертанта в науку. Научная статья также является историографическим источником, где кратко, но доказательно изложена позиция автора по проводимому исследованию. Рецензия и отзыв – это тип историографических источников, дающих научную оценку рецензируемому изданию, например, монографии, диссертации, научной статье и др. Публицистика является также своеобразным источником, которым достаточно активно пользуется современное научное сообщество, хотя его уровень не всегда высокий. В данном источнике достаточно ярко популярным языком, но зачастую бездоказательно или ошибочно, описывается проблема, что формирует у читателя определенное представление о мире и в дальнейшем приводит к бессознательным ошибкам. Ряд выбранных нами первоочередных источников связан со спецификой нашего исследования, носящего историографический и историко-теоретический характер, рассуждение которого опирается на материалы первичных конкретно-исторических исследований, направленных на сбор и обработку материалов.

Остальные источники, используемые нами, носят вспомогательный характер. Это нормативно-правовые документы, летописи, литературные произведения.

Теоретико-методологическая основа исследования. Изучаемая историографическая реальность является определенной конструкцией, созданной историком с учетом различных факторов. В современной историографии, устоявшийся линейно-ориентированный подход в истории изучения отдельных вопросов или истории исторического знания постоянно

дополняется и корректируется. Поэтому наше исследование векторально совпадает с интеллектуальной историей, которая познает мысли, идеи, доктрины через социально-культурное окружение их носителей. Такое рассмотрение исторического процесса стало актуально после критики исторической науки 1970-х гг. Именно тогда историю обвинили в том, что она «очень интеллектуализирована, сосредоточена на идеях и формах, слишком узко рассматривает исторические процессы и совсем не учитывает культуру, традиции и менталитет народов».¹ Современная историография активно наполняется исследованиями историко-антропологического характера, где большое внимание уделяется исследованию «историографического быта»², мировоззрению исследователя, коммуникативным связям как между учеными так и между ними и окружающей действительностью. При изучении историографии, ученые данного направления пришли к выводу, что политическую историю и непосредственно понятие власти, интересующие нас в рамках вопроса избрания М.Ф. Романова на царство, необходимо рассматривать с учетом тех реалий, ценностей эпохи, которые действовали на момент изучаемого события, а не из предпочтений историка, что часто прослеживается в историографии³.

При осуществлении историографического анализа и интерпретации историографических подходов также был использован исследовательский потенциал коммуникативной теории исторического процесса П.Б. Уварова⁴,

¹ Федоров Р.И. Интеллектуальная история как направление в методологии исторических исследований // История. Экономика. Геополитика. 2016. №2. С. 47-60.

² Алеврас Н.Н. Что такое «историографический быт»? Из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. М., 2011. С. 516-534.

³ Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 200-262; Он же. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 311-392; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 216-305.

⁴ Уваров П.Б. Исторические методы исследования интеллигенции: концептуальные основания и когнитивные возможности: Автореф. дис. ... док. ист. наук. Челябинск, 2010; Он же. Исторические методы исследования интеллигенции: концептуальные основания и когнитивные возможности: Дис. ... док. ист. наук. Челябинск, 2010. Он же. «Дедуктивная археология» как принцип исторического познания: сущность и когнитивные возможности реконструкции прошлого // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. №3. С. 54-68;

которая вызывает интерес у ряда исследователей¹. Применение дедуктивно-методологического подхода и дедуктивно-моделирующего метода позволило критически отнестись к историографическому наследию по теме избрания первого Романова, способствовало более всестороннему воссозданию мировоззренческой структуры традиционных обществ и реконструкции исторических реалий. В.С. Балакин и С.С. Загребин соглашаются с концептуальной основой автора теории и подчёркивают, что она «объясняет исторический процесс гораздо более объемно, сбалансированно, последовательно, логично и гибко, нежели до сих пор господствующая виталистская модель исторического познания, крайне односторонняя и редуционистская»². Дедуктивно-методологический подход включает наличие понятийно-категориального аппарата, общепризнанного и широко используемого в научном сообществе; наличие специфической дедуктивной модели исторического процесса, в основе которой лежит религиозноцентристское понимание истории и характеризуется предельной лояльностью к общенаучным методологическим нормам и ценностям³. Перспективы коммуникативной теории исторического процесса при историографическом анализе работ, касающихся феномена избрания Михаила Федоровича Романова на царство, позволяют обратиться к понятию «картина мира»⁴. Именно «картина мира» формирует взгляды историков на ту или иную

Он же. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М., 2005; Он же. Уваров П.Б. Коммуникативный формат как матрица исторического процесса // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Челябинск, 2008.

¹ Тимошук А.С. Онтология и аксиология традиционной культуры // Ориентиры. 2006. №3. С. 133-163; Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. М., 2007; Он же. «Общество знания»: подавление этики. М., 2009; Рыбаков В. И руль истории нам сладок и приятен // «Нева». 2009. №4. С. 114-137; Соколов А.В. Поколение русской интеллигенции. СПб., 2009; Пашков И.С. Роль земли в этногенезе и развитии национального самосознания // Культурологічний вісник Нижньої Наддніпрянщини. 2010. №25; Кара-Мурза С.Г. Россия не Запад, или что нас Ждет. М., 2011.

² Балакин В.С., Загребин С.С. Русь и Россия: теория и история цивилизационной эволюции в XI – XX вв. Челябинск, 2018. С. 41-42.

³ При этом религиозцентризм понимается не только как утверждение реальности бытия Бога, но и как осознание первостепенной роли религии в истории мировых цивилизаций.

⁴ Соколов К.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С. 156.

проблему, а сама проблема непосредственно является следствием картины мира живущих в исследуемую эпоху людей. Обращение к «картине мира» изучаемой эпохи позволяет минимизировать исследовательские издержки, возникающие с учетом хронологической дистанции, более точно выявить сущность явления и объяснять причинно-следственную связь событий и процессов. Понимание «картины мира» историков и историками позволяет определить особенности трудов ученых, выявлять субъективизм, возможные анахронизмы и т.п., проявляющиеся в исследовательских трактовках.

Мы используем идеи о мировоззренческих особенностях традиционных обществ таких авторов, как М. Блок, Э. Канторович, И.Л. Солоневич, И.А. Ильин, Л.А. Тихомиров, К.Н. Леонтьев и др.¹ Это способствует более эффективному критическому историографическому анализу и помогает выявлять интерпретационные концепции, более приближенные к реалиям XVII в., а также данные теоретические концепты помогают увидеть в исследованиях степень наложения контекста исследователя на контекст исследования.

Использованы принципы историзма, объективности, всесторонности, а также общенаучные (классификации и типологизации) и специальные (историко-генетический метод, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, метод текстологического анализа, метод ретроспективного анализа) методы познания.

На основе принципа историзма события изучаются с учетом конкретно-исторических условий. Избрание Михаила Романова рассматривается в единстве с происходящими событиями Смуты. Применение принципа объективности позволяет рассмотреть историографические

¹ Тихомиров Л.А. Носитель идеала [электронный ресурс] // Московские ведомости. 1894 г. № 298. URL: <http://monarhist.info/RP/Tikhomiroff/Tikhomiroff-5.htm>. (дата обращения: 15.06.2018); Ильин И.А. О монархии // Собр. соч.: в 10 т. М. 1994. Т. 4; Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010; Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М. 2010; Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015.

источники и само событие избрания Михаила Романова, отраженное в них, исключив по возможности всякую субъективность, искажающую реальную картину, рассматриваемого явления. На основе принципа всесторонности мы стремились выявить и проверить все возможные версии и трактовки феномена избрания Михаила Романова на царство в исторической литературе. Историко-генетический метод выявляет генезис и взаимодействие подходов, направленных на понимание феномена избрания Михаила Федоровича Романова на царство, на основании чего можно сделать вывод о преобладании тех или иных подходов в тот или иной период. Проблемно-хронологический метод выявляет тенденции развития отечественной историографии, посвященной избранию Михаила Романова, на протяжении всего временного отрезка существования науки в хронологической последовательности. Выявлению общего и различного в существующих историографических источниках способствует сравнительно-исторический метод. Метод текстологического анализа позволяет выделить особенности научных исследований с точки зрения правил и традиций текстуальной формализации. Метод ретроспективного анализа заключается в поступательном движении изучения темы избрания первого царя из династии Романовых от современного состояния историографии к прошлому для выявления особенностей прежних концепций. Общенаучный метод классификации и типологизации позволяет выявить из многочисленных авторских подходов самые оригинальные, а также типичные подходы, которые лежат в основе большинства интерпретаций.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. В дореформенный период с конца XVIII в. по 1861 г. появился научный интерес к теме избрания Михаила Федоровича Романова на царство. Уже в эпоху зарождения исторической науки историки начали впервые освещать события окончания Смутного времени и к середине века стали задаваться вопросом о причинах и значении избрания первого Романова на царство, что дало достаточно серьезный импульс к изучению данной темы.

2. Изучение историографических источников позволило прийти к выводу, что после реформ 1860-х – 1870-х гг. в связи с изменением социокультурных условий, с привлечением новых источников, поиском теоретико-методологического основания и ослаблением цензуры тема избрания Михаила Федоровича Романова на царство получила большее раскрытие. Появились не только многотомные нарративы, но и вышли отдельные проблемные статьи и монографии, посвященные факту избрания и характеристике личности первого Романова.

3. В советский период произошло огосударствление науки, формируется новая картина мира. Исследования, связанные с императорской Россией, выбором царей были неактуальны, а тема избрания Михаила Федоровича удостоилась лишь незначительных упоминаний в рамках контекста Смутного времени. Теоретически это было сопряжено с тем, что советская наука, базировавшаяся на характерном для формационного подхода главенстве материально-вещественного (экономического) основания, которое предопределяло характер всего общества, не рассматривала специфику российских политико-юридических факторов как преимущественно самостоятельные процессы.

4. После распада Советского Союза в историографии вновь возобновился интерес к теме избрания Михаила Романова на царство. В свет вышли статьи и монографии, специально посвященные вопросу избрания, и работы, в которых был рассмотрен данный феномен в общем контексте. В исследованиях этого периода можно выделить два подхода. Первый связан с попыткой вслед за историками-классиками составить положительный психологический портрет первого Романова и объяснить значимость как данной фигуры, так и самого факта избрания в контексте завершения Смуты. Второй связан с попыткой вслед за советскими историками опровергнуть важность данного события и самой фигуры Михаила Федоровича, опираясь на другое мировоззренческое коммуникативное основание. В целом, вопрос избрания Михаила Романова оказался тесно сопряжен с идеей легитимности

власти, но историки часто недооценивали этот аспект – они пытались объяснить события конца Смуты, используя положения традиционной концепции.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном исследовании историографических источников, посвящённых теме избрания царя, положившего начало новой династии. Был не только проанализирован пласт историографических источников, созданный по прошествии задаваемого временного отрезка, но и показан прирост историографического знания. В процессе анализа предложено оригинальное видение исторических образов Михаила Федоровича и определения места избрания нового царя в российской исторической литературе сквозь призму теоретических конструкций модели традиционного религиозноцентристского общества на основании коммуникативной теории исторического процесса.

Практическая значимость исследования состоит в приращении научного знания об избрании Михаила Федоровича Романова на царство. Фактический и теоретический материал, обобщения и выводы могут быть использованы при подготовке лекционных и семинарских занятий в высшей школе, при разработке и проведении различных элективных курсов, а также при разработке уроков в средней школе.

Степень достоверности и апробация диссертации. Результаты диссертации были представлены в работах, соответствующих выбранной теме. Рассмотрены и одобрены на кафедре отечественной истории и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет». Апробация результатов диссертации нашла свое отражение в 6-ти статьях персональных научных публикаций автора, в том числе 3-х журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ. Также результаты исследования обсуждались в ходе научно-практических конференций: Традиционные общества: неизвестное прошлое. X Международная научно-практическая конференция, 21-22 апреля

2014 г. (Челябинск, 2014), Двенадцатый Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Кирилло-мефодиевская традиция: история в современности (Челябинск, 2014), Традиционные общества: неизвестное прошлое. XIII Международная научно-практическая конференция, 19–20 апреля 2017 г. (Челябинск, 2017); и при выступлении на заседании научного общества «Философия истории» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно- педагогический университет».

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка источников и используемой литературы.

ГЛАВА 1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

1.1. Отечественная историография эпохи ранней классики (конец XVIII в. – 60-е гг. XIX в.)

Изучение трудов историков-классиков, писавших о проблеме избрания Михаила Федоровича Романова, позволяет выявить особенности работ историков той эпохи, в которой проживали исследователи, определить ее влияние и показать, как процессы вестернизации взаимодействовали с сохранившимися в сознании традиционного общества патриархальными представлениями о действительности. Первыми исследованиями в отечественной историографии проблемы избрания Михаила Федоровича Романова на царство стали труды ученых, созданные с момента зарождения и оформления исторической науки, т. е. в период с конца XVIII в. до отмены крепостного права.

Следует отметить то, что XVIII век стал периодом становления исторической науки в России, у истоков которой стоял В.Н. Татищев, хотя профессиональным историком его назвать сложно. Он впервые сделал попытку осмысления исторического процесса, указал на то, что у всего происходящего имеется причинно-следственная связь, а также создал периодизацию, в основу которой заложил идейное развитие общества, истории и культуры. На его становление в профессиональном плане во многом оказали влияние, распространившиеся на Западе: рационализм и практицизм. Развивая идеи французских просветителей об общественном договоре и «естественном праве», он утверждал, что общественное устройство регулируется естественным законом, который заложен человеческой природой. По сути своей человек недостаточен, ему необходимо общество. Изначально обществом является семья, которая перерастет в род, затем род – в государство, а то, в свою очередь, - в монархическое государство, являющееся наивысшей точкой общественной организации. Свои мысли и

идеи он оформил в исследовании «История Российская»¹, которое является актуальным для нас, поскольку в тексте был затронут вопрос о восстановлении российской самодержавной власти в годы Смуты, то есть вопрос об избрании на царство Михаила Романова.

Поскольку В.Н. Татищев, по своим взглядам и убеждениям являлся сторонником сильной самодержавной власти, для которого было само собой разумеющимся восстановление легитимного порядка после долгих лет Смуты, он фактически не заостряет внимание на причинно-следственных связях феномена избрания суверена, а лишь довольствуется кратким описанием происходящего. Стоит отметить, что он все же акцентировал внимание на том, что все население станы, включая духовенство, хотело видеть на престоле Михаила Федоровича Романова: «<...> не могли более оных послов и всего народа прозбы и слёзы презреть, соизволили на их предложение склониться и престол российский возпринять»². Также он указывает на великую всенародную радость после избрания монарха: «<...> сердечно обрадовались и все без всякого отрицания крест целовать хотели»³. В целом, явной оценки этому акту он не дает, но в рамках данного контекста, да и в рамках всего исследования видно, что он отводит особую роль монархии в жизни российского общества. Тем более еще раз подчеркнем, В. Н. Татищев считает эту форму правления наилучшей для развития России, поскольку в стране существует «низкий уровень просвещения, и сепаратизм отдельных областей, преодолеть который в состоянии только сильная центральная власть»⁴.

В рамках такого контекста он осветил проблему избрания Михаила Романова на царство, при этом, фактически не раскрыв ни причин, ни следствий данного события, а лишь изложив ход, опираясь на достаточно обширную источниковую базу (об этом свидетельствуют многочисленные

¹ Татищев В.Н. История Российская. Т.1-8. М., 1994-1996.

² Татищев В.Н. История Российская. Т. 7. М.1996. С.151.

³ Там же. С.151.

⁴ Цит по: Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под. ред. М.Ю. Лачевой. Т. 1. М., 2004. С. 106.

ссылки на летописи, хронографы и иные документы). Хотя как раз именно В.Н. Татищев одним из первых заявлял о необходимости установления причинно-следственной связи, но свое исследование во многом свел лишь к описанию тех или иных исторических личностей и фактов.

На рубеже веков потребность в изучении истории среди образованных людей возрастала. Вследствие этого среди грамотного населения появлялись исторические кружки и сообщества. Известный историк М.Н. Карамзин являлся одним из членов исторического кружка «Московское общество истории и древностей Российских», который занимался изучением ряда вопросов. Необходимо отметить, что исследования М.Н. Карамзина написаны в тесной взаимосвязи с литературным взглядом на историю, пропитанным рационализмом, что в свою очередь повлияло на оценку исторических событий. Он, как и В.Н. Татищев, будучи ярым крепостником и монархистом, считал, что историческим прогрессом движет власть государства. Разрушение единовластия всегда приводит к гибели, а его восстановление к спасению¹. Он писал, что только самодержавное правление может привести Россию к порядку и безопасности: «Самодержавие основало и воскресило Россию: <...>»². Эти идеи были удачно продемонстрированы при освещении событий Смуты и избрании новой династии в статье «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях»³. По этому поводу он отмечает, что само население после тяжёлого бремени, павшего на него в начале XVII века, стремилось к узакониванию оснований жизни, а «личное избрание Михаила доказывало искреннее намерение утвердить единовластие»⁴. В тоже время при столь ярых монархических взглядах и убеждениях у него впервые звучит мысль, несколько несоответствующая идеалам данной формы правления, где он указывает, что причиной избрания

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 22.

² Там же. С. 48.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 29.

Михаила Федоровича в большей степени послужил авторитет его отца Филарета, а не кровное родство с династией Рюриковичей: «но сей юноша, свойственник царский, имел отца, мудрого, крепкого духом, непреклонного в советах, который долженствовал служить ему пестуном на троне и внушать правила твердой власти. Так строгий характер Филарета, не смягченный принужденною монашескою жизнью, более родства его с Федором Иоанновичем способствовал к избранию Михаила»¹. Данные соображения неслучайны, так как на развитие отечественной мысли так или иначе оказывали влияние идеи просвещения с их превозношением личности в целом. Относительно фигуры самого монарха, с подачи М.Н. Карамзина, в литературе надолго за Михаилом закрепился статус «почти безродного», «невинного юноши», «агнца», «жертвы»². Таким образом, стиль написания работы остается также нарративным с сильным патриотическо-идеологическим основанием, что на тот момент являлось само самой разумеющимся, поскольку в российском обществе были достаточно сильны традиции. Новшеством в историографии М.Н. Карамзина было лишь то, что он вслед за прагматизмом Юма ставил во главе личность как движущую силу исторического процесса. Все остальные элементы и особенности написания исторических текстов заимствованы у исследователей XVIII века.

Большую работу в области истории Смутного времени провел отечественный военный историк Д.П. Бутурлин. В своей книге «История Смутного времени»³ он впервые достаточно подробно и последовательно изложил весь ход событий начала XVII века, хотя завершающий этап Смуты так толком и не был рассмотрен, поскольку его исследование заканчивается 1610 годом. Историк смог показать в своем произведении, что именно род Романовых имел полное право претендовать на русский престол, поскольку являлся одним из ближайших к Рюриковичам. Он отметил, что именно эта

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М.,1991. С. 30.

² Там же. С.29.

³ Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII века. Ч.1-3.СПб.,1839-1846.

фамилия угрожала Годунову потерей власти: «Борис уже и на престоле тревожился еще мыслию, что по смерти его, молодой Федор, сын его, может найти опасных соперников в Романовых, отличавшихся собственною знатностию сильно подкрепленною родственными связями с первейшими фамилиями в государстве»¹. Поэтому, по его мнению, Борис Годунов и приказал постричь в монахи вышеупомянутую семью, тем самым убрав основных соперников с политической арены.

Доктор русской словесности Н.А. Лавровский в статье «Избрание Михаила Федоровича Романова на Царство»², написанной в 1852 году постарался дать ответ на вопрос о том, почему избрали на царство именно Михаила Федоровича. Он одним из первых указывает, что на Земском соборе сначала обсуждали кандидатуры иностранных принцев и королей, а потом решили, что царя нужно избирать из представителей русской знати. Причину избрания именно этой кандидатуры он видит в знатности рода и любви к его представителям. Данные заявления историк делает на основании не только грамот об избрании царя, но и других актовых материалов тех лет (например, Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел, Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией и др.), найденных и осмысленных к этому времени. Кроме того, исследователь одним из первых поставил вопрос о том, какую власть получил Михаил: полную или ограниченную, впоследствии придя к выводу, что никаких ограничений не было. Необходимо отметить, что данный посыл в той или иной мере закрепился в сознании исследователей вплоть до крушения российской государственности.

В рамках данного дискурса, нас, безусловно, интересует взгляд на историю представителя «государственной школы» С.М. Соловьева, признанного классика отечественной историографии, который оставил

¹ Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII века. Ч.1. СПб., 1839. С. 33-34.

² Лавровский Н.А. Избрание Михаила Федоровича на Царство // Опыты историко-филологических трудов студентов Главного педагогического института VI выпуска. СПб., 1852. С. 255-256.

потомкам много интересных идей, а самое главное, 29-томное фундаментальное историческое исследование «История России с Древнейших времён»¹. Следует отметить, что на формирование и развитие историческо-философской мысли С.М. Соловьёва большое влияние оказала немецкая философия, в частности Гегель с его «Философией истории». При изучении трудов западных коллег, он был возмущен тем, что они умаляют значимость влияния русской истории на историю мировой цивилизации. Поэтому он пришел к выводу о необходимости изучения и переосмысления истории нашего государства, что в дальнейшем привело к отказу от гегелевской диалектики. Далее выдвинул свою философско-историческую концепцию, в которой подчеркнул важность русской государственности и религии. Что естественно в той или иной мере отразилось на осмыслении феномена избрания.

В своих трудах С.М. Соловьёв выделяет следующие причины избрания монарха: во-первых, разруха в стране после тяжёлого Смутного времени. Его продолжительность он считает своеобразным насильственным принудительным перерывом в ходе русской истории, который необходимо было завершить для дальнейшего нормального функционирования государства. Также отмечает и самосознание населения Московской Руси, выросшее за годы беспорядков, прекращение которых оно видело в избрании нового царя: «Но без государя Московскому государству стоять нельзя, печься об нём и людьми божими промышлять некому, без государя в досталь Московское государство разорят все: без государя государство ничем не строится и воровскими заводами на многие части разделяется и воровство многое множится».² Поэтому социальной опорой нового царя, по его мнению, было именно все население страны, уставшее от самозванства, а также увидевшее угрозу православной вере, которая являлась гарантом их мироустройства и привычного сосуществования. Рассуждая на тему становления Московской государственности, он подмечает нежелание

¹ Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Т. 1-29. М., 1851-1879.

² Соловьёв С.М. Об истории Древней России. М., 1992. С. 321.

православного населения видеть на престоле царей-иноземцев и иноверцев: «Литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать <...>»¹. Кроме того, историк подчеркивает, что «ближе всех по родству с прежними царями был Михаил Фёдорович Романов, его и надобно избрать в цари»². Обстоятельства родства, безусловно, являлись важным для населения Средневековой Москвы, традиционного по своей сути, так как именно потомок законного монарха или его ближайший родственник, по логике древних обществ, мог наследовать престол. Л.А. Тихомиров писал по данному поводу: «Посему-то монархия получает свой полный смысл только в наследственности. Еще и нет будущего самодержца, еще не имеет он своей воли, своего желания выбирать между долей царя или пахаря, а уже предназначено ему отречься от себя и возложить на себя крест власти. Не по желанию, не по призванию способностей своих, а по Божию назначению ставится он на служение свое»³. Помимо этих вопросов С.М. Соловьев обратил внимание на деятельность Земского собора, описав его участников и их предпочтения. Но оценку его работе историк дает не очень высокую, заострив внимание на внутренних разногласиях: «Стали выбирать своих: тут начались козни, смуты и волнения; всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели и сами престола, подкупали и засылали <...>»⁴. У С.М. Соловьева мы не встретим явной характеристики Михаила Федоровича Романова, поскольку личностные качества монарха для того времени были неважны по своей сути.

С избранием Михаила Федоровича на царство, по мнению историка, заканчивается Смутное время и возобновляется привычный для всех традиционных обществ порядок мироустройства: «Смутное время окончилось

¹ Соловьев С.М. Об истории Древней России. М., 1992. С. 321-322.

² Там же. С. 322.

³ Тихомиров Л.А. Носитель идеала // Московские ведомости. 1894. №298. URL: <http://monarhist.info/RP/Tikhomiroff/Tikhomiroff-5.htm> (дата обращения: 15.06.2018).

⁴ Соловьев С.М. Об истории Древней России. М., 1992. С. 322.

избранием царя, и престол молодого Михаила был поддержан вследствие стремления большинства.<...>С новой династией начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь России среди европейских держав»¹. Особенно отметил, что «церкви в прежнюю лепту облеклись и божие имя славиться в них по-прежнему»². Это является одним из важнейших аспектов в завершении данного периода, поскольку был реконструирован основополагающий элемент московского патриархального общества, а также перестала существовать угроза перехода к католической вере, что мирило умы людей. Изучая, данную тематику, стоит подчеркнуть, что С.М. Соловьевым была выпущена статья «Обзор царствования Михаила Федоровича Романова»³, где он отметил значимость избрания, но, к сожалению, подробно не раскрыл сущности самого факта, лишь описав процедуру моления Михаила на царство, а также отметил, что московский люд осознавал и принимал это как дар божий.

Таким образом, мы можем отметить, что в концепции истории С.М. Соловьева Смутное время и последующий за ним факт избрания занимает особое место, так как в этих событиях он видит борьбу русского народа за православную веру и привычный образ жизни, в котором может жить и функционировать данное общество, не теряя своей идентичности. В целом, С.М. Соловьев основное внимание уделил фактографическому материалу, а не вопросам аналитического характера.

По нашему мнению, необходимо отметить взгляд на данную проблему церковного историка Митрополита Макария (М.П. Булгакова). В своем исследовании «История русской церкви»⁴ митрополит Макарий четко обозначил, что в период Смуты создалась явная конфессиональная угроза православной вере, которая непосредственно угрожала целостности

¹ Соловьев С.М. Об истории Древней России. М., 1992. С.322-323.

² Там же.

³ Соловьев С.М. Обзор царствования Михаила Федоровича Романова // Современник. 1852. № 1. С. 1-50; № 2. С. 79-122.

⁴ Митрополит Макарий. История русской церкви. Т.1-12. СПб., 1857-1883.

государства. Именно поэтому, по его мнению, «по обстоятельствам времени, главная деятельность патриарха Гермогена была посвящена на служение царю и отечеству в их борьбе сперва с самозванцем, потом с польским королем Сигизмундом. Но, служа отечеству, Гермоген тем самым служил Церкви: потому что за самозванцем и Сигизмундом стояли иезуиты с их темными орудиями против православия, с их замыслами ввести в Россию латинство или, по крайней мере, унию. И эту службу отечеству и православной церкви Гермоген совершал не один: ему подражали и другие достойные члены отечественного духовенства»¹. Отсюда, отмечает М.Н. Булгаков, важной задачей, если не основной, для клерикального сословия в этот период было избрать царя «христианской веры», поэтому патриарх Гермоген в этом свете предложил две фигуры: «князя Василия Голицына и четырнадцатилетняго Михаила Федоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича»², склоняясь больше ко второму претенденту. Сам историк разделяет ту же позицию по отношению к кандидатурам на престол, что и духовное сословие того времени, считая, что на Московский престол должен взойти только русский православный государь, каковым и являлся Михаил Фёдорович Романов. Значимость и правильность этого события он подчеркнул тем, что «в 21-й день февраля 1613 г., в неделю православия, избран был всею русскою землею новый православный государь, сын ростовскаго митрополита Филарета, Михаил Федорович Романов»³. Факт избрания именно в православную неделю является крайне важным и смысловым для традиционного общества. Так же необходимо отметить, что положительное отношение к молодому царю формируется в связи с ношением его отцом духовного сана, т.е. в ситуации смены правителей и различных притязаний иноземцев на престол, он априори выступал гарантом сохранения веры. Историк подвел к выводу, что церковь была заинтересована не только в

¹ Митрополит Макарий. История русской церкви. Т.10. СПб., 1881.С. 130-131.

² Там же. С. 147.

³ Там же. С. 168.

легитимном монархе, приближенном к династии Рюриковичей, но и в правителе, который поддержит православную веру. Важным значением избрания монарха, безусловно, кроме завершения Смуты было и то, что «мало по малу начали возобновляться монастыри и церкви, как и все прочее в разоренной и опустошенной России. <...>. Кое-где начали даже возникать новые обители; так, основаны: *дорофеева южская пустынь*, в пятнадцати верстах от Рыбинска, около 1615 г., преп Дорофеем; *троицкая пустынь* в Елабуге около 1616 г.; *козверуцкий спасский монастырь* близ Холмогор в 1618 году»¹. Таким образом, можно отметить, что митрополит Макарий по своей логике изложения исторического процесса оказался более приближен к ментальной основе XVII века, чем его современники. И именно он, в большей степени, отразил суть того общества, описав мировоззренческую сторону проблемы избрания царя.

Интересные мысли и идеи по данной теме мы находим у сторонника прагматической консервативной историографии Н.Г. Устрялова, который считал, что главной задачей историка является, прежде всего, отражение развития общественной жизни, изображение переходов общества из одного состояния в другое с учетом раскрытия условий и причин изменений, так как все события связаны между собой. Кроме этого, он одним из первых утверждал, что все исторические знания необходимо привести в систему, так как знания фактов без строго выстроенной логики не принесут никакой пользы. Историк должен вникнуть в ход событий и распределять их по значимости².

Причину избрания юного царя он видел во влиянии благословения патриарха Гермогена: «К счастью, Ермоген и по смерти хранил Россию. Все знали, кого желал благословить на царство великий мученик за веру и отечество; мысль его озарила все умы ярким светом: земский совет, внимая замогильному голосу его, как гласу неба, решился признать государем того,

¹ Митрополит Макарий. История русской церкви. Т.10. СПб., 1881. С. 218-219.

² Устрялов Н.Г. «О системе прагматической русской истории» СПб., 1836. С.7.

кто уже самым рождением был исключен из круга подданных, и 21 февраля 1613 года единодушный выбор пал на Михаила Романова, *благоцветущую отрасль благородного корня*¹.

Н.Г. Устрялов в своем исследовании более отчетливо отразил представление о решающем характере народной поддержки. Особое внимание заострил на феномене выбора монарха, указав на то, что к власти его привел народ, который осознал необходимость этого, а не боярство, имеющее корыстные цели: «Не крамола, не приступные замыслы немногих лиц или сословий, надеявшихся воспользоваться слабостью юного венценосца, чтобы увеличить права свои, возвели Михаила на царство: он признан общим, единодушным голосом всего народа, который наконец десятилетними страданиями убедился, что престол есть святыня, доступная только тому, кого избрало Провидение, что никакие таланты, никакие заслуги не спасут державы от неурядиц, если верховная власть будет вручена лицу не царской крови»². Действительно, печать сверхъестественного накладывалась не на отдельного монарха, а на род в целом. Отсюда легитимность правителя подтверждалась родством с прежним сувереном. По словам известного немецкого и американского медиевиста преподавателя крупнейших вузов (Франкфуртского университета, Оксфорда, Калифорнийского университета) Э. Канторовича: «Отдельный король может умереть, но Король, представляющий высшее Правосудие и представленный верховными судьями, не умирал; он непрерывно продолжал осуществление своих полномочий в действиях своих официалов, даже если его природное тело гибло»³. В рамках нашей работы эту идею необходимо подчеркнуть, так как в ней историк очень точно отразил особенность политической конъюнктуры средневекового общества, а это является важнейшим ключом к пониманию происходящих событий того времени, а особенно акта избрания монарха.

¹ Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. Петрозаводск, 1997. С. 307.

² Там же. С. 309.

³ Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015. С. 543.

Главным итогом, по мнению Н.Г. Устрялова, было то, что «русские не изменили своей клятве: поддержали юного царя, спасли себя и царство и обрели под скипетром Михаила мир и тишину, как пловцы после яростной бури»¹. Новой династии была дана наследная самодержавная власть, то есть форма государственного устройства осталась прежней. При этом целью последующих правителей было сохранение традиционности Московского государства для его нормального функционирования в рамках привычной системы координат.

Классическая историография середины XIX века на фоне развития общественной мысли, на которую повлияли все либерально-революционные процессы, протекающие в Западной Европе, деятельность декабристского движения, также идеи социализма, пополнилась трудами революционно-демократических деятелей, внесших свою лепту в изучение темы избрания Михаила Романова. Русский философ и публицист Н.П. Огарев в феномене избрания Михаила и деятельности Земского собора 1613 года видит зачатки конституционного строя, поскольку «Михаил Федорович Романов был избран Земским собором на конституционных условиях», но по причине «дворянской корысти» «в ущерб народу» конституцию принесли в жертву². Необходимо отметить, что в ситуации того времени, мы не можем говорить о понятии конституционная монархия, так как такой формы правления в начале XVII века просто не существовало. Средневековому московскому обществу, не подготовленному к восприятию иной мировоззренческой и политической матрицы, жизненно необходим был легитимный монарх с неограниченной властью, дарованной божественной волей. А любой документ, ограничивающий власть царя, противоречил мировоззренческому основанию несовременного общества и соответственно не принимался населением Руси, так как «принцип единовластия логически проистекает из функций древних

¹ Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. Петрозаводск, 1997. С. 310.

² Огарев Н.П. Расчистка некоторых вопросов. Статья вторая. Конституция и Земский Собор // Избранные социально-политические произведения. Т. 1. М., 1952. С. 631-632.

правителей как легитиматоров земного пространства, подразумевающих огромную ответственность и точность, выверенность действий. В силу этого, совершенно недопустимым являлось какое-либо стороннее влияние на правителя, помимо влияния со стороны верховного источника миропорядка – Бога. Его свобода не может быть стеснена никем кроме Абсолюта»¹. Тем более стоит отметить, что даже в начале XIX в. попытка введения подобного проекта вызвала широкий общественный резонанс, а воплотить эту идею в жизнь в начале XVII в. было фактически невозможно, так как общество даже не могло допустить подобной мысли.

Один из самых радикальных мыслителей середины XIX в. А.И. Герцен не придавал большого значения политическим процессам начала XVII века, в том числе и факту избрания Михаила Романова. По его мнению, народу было все равно, кто будет стоять у власти, а все события, связанные с феноменом избрания, продиктованы усталостью населения от разорения страны: «Народ, уставший от смуты, от претендентов на престол, от войны, от грабежа, хотел покоя любой ценой. Тогда-то и было проведено это поспешное избрание, вопреки всякой законности и без согласия на то народа, — царем всея Руси провозгласили молодого Романова. Выбор пал на него потому, что, благодаря юному возрасту, он не внушал подозрений ни одной партии. То было избрание, продиктованное усталостью»². Он впервые открыто пишет о том, что Михаила Федоровича избран незаконно без учета мнения народа, тем самым поставив под сомнение работу Земского собора. Своим заявлением А.И. Герцен опровергает важные ценности традиционного общества, где легитимность монарха стояла на первом месте. Интуитивно осознавая тот факт, что московский народ «восстал во имя православия и народности», мыслитель все же подчеркивает, что это случилось лишь потому, что общество зажигало мятежное боярство. Находясь под влиянием революционных идей, где большую роль отводили личности с ее выдающимися способностями, он

¹ Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М., 2005. С. 97.

² Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 165.

делает заявление, что Михаил Федорович был избран лишь по причине юности и не внушал подозрений, этим фактически признавая его неполноценным деятелем, которым можно легко манипулировать.

Отходя от традиционалистского подхода, свое мнение о событиях Смуты и факте избрания он формирует на основе сочинений бежавшего в Швецию Котошихина, который, в свою очередь, был прозападнонастроенным и считал нравы Московского государства устаревшими и преисполненными предрассудками¹. Источники подобного рода были привлекательны для радикально мыслящей интеллигенции, поскольку они, по их мнению, обличали пороки существующего порядка и благотворно готовили почву для изменения государственного строя.

Историография первой половины XIX века по данному вопросу делится на три большие блока: это официально-охранительная и официально-церковная историография, где историки по своей логике размышления были наиболее близки к мировоззрению общества Средневековой Москвы, они определили важность избрания Михаила Федоровича Романова на царство для сохранения государственности и православной веры, ссылаясь на его легитимность и права на трон, не ставя при этом под сомнение его личностных качеств. Вторая группа – это либеральная историография, которая по большей части согласна с выводами консервативной, но при этом историки более свободно рассуждают о ходе избрания, показывая, как положительные, так и негативные стороны, оценивая монарха с точки зрения личностных качеств правителя. И третий блок – это революционно-демократическая историография, для нее характерно отрицательное отношение к самодержавной власти, попытка найти в деятельности Земского собора зачатки конституционного строя. Такие идеи характерны для современных обществ, где размывается императивный тип поведения и ставятся под

¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/kotoshih.htm> (дата обращения: 23.07.2019).

сомнения идеалы традиционного общества, в том числе и сакральность власти монарших особ. В этих условиях фигура правителя приравнивается к управленцу, лишаясь в понимании народа (исследователя) высшей ценности, и, соответственно, становится целью критики и обсуждения. Идеологи данной историографии полностью игнорируют логику Московского общества XVIII в., объясняя протекающие на тот момент политические процессы не реальными, а желаемыми причинами.

Таким образом, вопрос избрания Михаила Федоровича Романова на царство в исторических трудах, созданных в период с конца XVIII в. до отмены крепостного права, раскрывается не в полной мере, поскольку они носят нарративно-описательный характер и не имеют четко выстроенной методологической основы. Именно в этот период наблюдается начавшийся процесс расхождения контекстов исследования и исследователя, что непосредственно приводит к частичному нарушению принципа историзма с вытекающими отсюда последствиями. Но при некоторых недостатках именно дореформенная историография задавала определенный вектор в изучении вопроса избрания Михаила Федоровича, став своеобразной платформой для дальнейших исследований.

1.2. Отечественная историография эпохи поздней классики (вторая половина 60-х гг. XIX в. - начало XX в.)

Своеобразие исторических исследований второй половины XIX в. определено тем, что в этот период происходила смена политической конъюнктуры общества, связанная с отменой крепостного права и последующими либеральными реформами, которые привели к расширению границ гласности, что способствовало отчасти пересмотру исторических событий с точки зрения меняющегося мировоззренческого аспекта. Безусловно, в связи с этим, историография второй половины XIX в. более

полно раскрывает и тему избрания Михаила Романова на царство, с одной стороны, а с другой, с учетом процессов озападнивания частично дистанцируется от логики патриархального общества Московской Руси.

В 1863 году в связи с 250-летием избрания первого представителя рода Романовых была написана работа М.Д. Хрымова «Избрание и вступление на царство Михаила Федоровича Романова»¹. Интересно, что в ней содержится ряд фактов, которых нет в других исследованиях. Уделив большое внимание предкам Михаила Федоровича, историк отметил, что Федор Никитич, отец Михаила Федоровича, получил царский скипетр из рук умирающего царя Федора, но Борис Годунов его перехватил. Далее, описывая ход Смутного времени и возможных кандидатов на престол, он делает достаточно смелое утверждение, что «выбор думы - а за нею Москвы и половины России - остановился на королевиче Владиславе», только патриарх Гермоген указал на кандидатуру «сына Филаретова, Михаила Федоровича; происхождением русскаго, верою православнаго, саном не боярина, кровию родственнаго благодушной царице Анастасии»². При этом историк подчеркивает активную деятельность Филарета Никитича, который совместно с патриархом Гермогеном выходил на Лобное место и призывал не избирать иноземцев, что косвенно повысило его авторитет и соответственно авторитет его сына.

При описании деятельности Земского собора М.Д. Хрымов повторил мнение С.М. Соловьева о том, что решающим аргументом в пользу Михаила стали писания галичского дворянина и донского атамана. Он сделал вывод, что Утвержденная грамота была написана и подписана уже 14 апреля 1613 года. Необходимо обратить внимание, что при всей нарративности изложения М.Д. Хрымов делает очень важное заключение, в котором особенно подчеркивает значение данного феномена для традиционного общества:

¹ Хрымов М.Д. Избрание и вступление на царство Михаила Федоровича Романова: исторический очерк // Северное сияние: русский художественный альбом. СПб. 1863. Т. 2. С. 688-720.

² Там же. С. 693.

«событие избрания и воцарения Михаила Федоровича Романова, <...> останется навсегда одним из знаменательнейших событий русской истории»¹.

Известный историк и публицист, автор популярных учебников Д.И. Иловайский попытался дать свои ответы на спорные вопросы. Дмитрий Иванович был сторонником охранительно-патриотического направления, выступавший «с позиций убежденного монархиста и националиста, страстного поборника укрепления национальных основ русской самодержавной государственности»². В 1883 г., в связи с 25-летним юбилеем научной деятельности, ему за заслуги присвоили чин действительного статского советника и звание потомственного дворянина, хотя он являлся мещанином по происхождению. Необходимо отметить, что отношения с научным сообществом складывались достаточно сложно. Вслед за Н.М. Карамзиным он считал, что история и искусство должны быть в тесном взаимодействии. И прежде всего история должна носить нравственно-воспитательный характер, для того чтобы росло нравственное самосознание народа. Эти идеи легли в основу его концепции.

Рассматривая период окончания Смуты и избрания новой династии, в труде «История России»³ он писал, что на престол претендовали многие кандидаты из знати: Д.М. Пожарский, Д.Т. Трубецкой, Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский и другие, но реальных соперников, по мнению Д.И. Иловайского, у Михаила Романова не было⁴. Михаил Федорович, поддерживаемый Ф.И. Шереметьевым, имел значительные преимущества перед всеми: был молод, не был замешан в интригах Смутного времени,

¹ Хрымов М.Д. Избрание и вступление на царство Михаила Федоровича Романова: исторический очерк // Северное сияние: русский художественный альбом. СПб. 1863. Т. 2. С. 720.

² Цит по: Историография история России до 1917 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под. ред. М.Ю. Лачевой. М., 2004. Т. 2. С. 98.

³ Иловайский Д.И. История России: в 5 тт. Вып. 1. Смутное время Московского государства. Вып. 2. Эпоха Михаила Федоровича Романова. Т. 4. М., 1894-1899.

⁴ Иловайский Д.И. История России. Смутное время Московского государства. Т. 4. Вып. 1. М., 1894. С. 244.

принадлежал к знатному роду и являлся ближайшим родственником царя Федора¹.

Важную роль в факте избрания сыграла социальная поддержка самодержавия. Историк уделяет большое значение деятельности высшего сословия. Он считает, что именно на плечи этого сословия на протяжении многих веков ложилась вся тягота сохранения и восстановления русской государственности, а точнее «государственного быта». Казачество он считал асоциальным звеном существующей социальной структуры, называя их чернью и вообще хищными элементами², поэтому основополагающей силой в вопросе избрания монарха оно не являлось.

Рассматривая актуальный и неразрешенный вопрос об ограничении власти Михаила Федоровича, который, по мнению историка, активно обсуждался на Земском соборе, он пишет, что это особенно волновало Боярскую Думу, так как за годы правления Василия Шуйского «боярство <...> успело высоко поднять свою голову»³. Данным обстоятельством искусно пользовались Филарет и Ф.И. Шереметьев, которые вели переписку между собой, чтобы склонить на свою сторону большую часть представителей боярского сословия. Однако никаких точных данных на этот счет нет, как и нет самих писем Шереметева ни к Филарету, ни к В.В. Голицыну. По мнению историка, вопрос об ограничительной записи был поднят лишь для того, чтобы привлечь на сторону юного царя боярство, которое претендовало на управление страной. «Если руководителям стороны Романовых удалось привлечь к себе большинство даже неподатливых и завистливых бояр, то другая сословия склонились к ним еще легче»⁴. Д.И. Иловайский не отрицает то, что, возможно, существовали документы, ограничивающие власть самодержца, при этом подчеркивая, что «боярство заботилось о своих

¹ Иловайский Д.И. История России. Смутное время Московского государства. Т. 4. Вып. 1. М., 1894. С. 246.

² Там же. С. 263.

³ Там же. С. 248.

⁴ Там же. С. 249.

привилегиях, измученный бедствиями Смуты народ оставался чужд всяким ограничительным условиям и, не любя боярского многовластия, жаждал бесхитростного восстановления самодержавной царской власти; а потому таким умным людям, как Филарет Никитич, не трудно было предвидеть недолговечность подобных условий, шедших в разрез с потребностями, привычками и понятиями Великорусского племени»¹. По мнению историка, духовенство, «верное завету Гермогена», заранее поддерживало данную кандидатуру, так как видело в нем Филаретова сына. Отношение к духовенству у исследователя было особое, поскольку, по его мнению, оно так же, как и дворянское сословие, играло основополагающую роль в сохранении и поддержании порядка в обществе. Это и неслучайно, потому что православие было системообразующим стержнем матрицы российского сознания.

Д.И. Иловайский подвергает сомнению достоверность сведений о том, что писание галичанина и донца стали решающими аргументами в пользу юного монарха. Историк впервые поставил вопрос о достоверности Утвержденной грамоты, поскольку обнаружил, что Б. Салтыков и И. Одоевский на грамоте значатся боярами, а этот чин они получили лишь в 1614 году. Если следовать данной логике, то процедуру избирательного процесса можно считать фактически незаконной.

Стоит отметить, что, по его мнению, монархи XVII в., в том числе и первый представитель династии Романовых, с точки зрения личностных качеств были наиболее безупречны, так как в период своего царствования укрепляли самодержавие, ту единственную форму правления возможную для традиционной России: «Что касается личности новоизбранного царя, правда, его смиренная фигура непохожа на обычные типы основателей новых династий, типы энергических честолюбцев, неразбирающих средств для достижения целей; тем не менее в этой простодушной, почти детской фигуре

¹ Иловайский Д.И. История России. Смутное время Московского государства. Т. 4. Вып. 1. М., 1894. С. 267.

было что то симпатичное для Русского человека, особенно после того как он вдоволь насмотрелся на разных беспокойных и беспощадных честолюбцев Смутного времени. Эта фигура с ее ясным, добродушным выражением производила успокоительное впечатление на современное общество и напоминала ему последнего Рюриковича Федора Ивановича, который пользовался самую светлую памятью в народе и почитался им за святого человека»¹. Кроме того, он подчеркивает, что среди высшей знати у Михаила было много родственников: Шереметьевы, Салтыковы, Черкасские, что значительно укрепляло его позицию, поскольку он был их ставленником.

И.Д. Иловайский не пренебрегал принципом историзма, он один из немногих исследователей, который сделал попытку объяснения мировоззрения народа традиционного общества. Историк на примере избрания Михаила Федоровича Романова еще раз показывает консервативность русского народа, где главную роль в обществе играет самодержавие и церковь: « <...>избранием царя могла окончиться Смута и наступить умиротворение земли; ибо Русский народ, собранный воедино Москвою, успел уже настолько проникнуться монархическим началом, что без царя не мог себе представить никакого гражданского порядка; да и сама Смута поднята была, как известно, главным образом во имя «прирожденного» государя»². Но веяние эпохи также нашло отражение в трудах историка, при описании темы он часто использует категории (классы и партии), которые на тот промежуток исторического времени сложиться еще не могли.

Либеральная позиция в изложении событий прошлого встречается у Н.И. Костомарова – автора сочинений «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей»³ (первые три тома, интересующие нас, выходили в 1873-1888 годах) и «Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 году

¹ Иловайский Д.И. История России. Смутное время Московского государства. Т. 4. Вып. 1. М., 1894. С. 270.

² Там же. С. 265.

³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. М., 1991.

и избрании царя Михаила»¹. На него сильное влияние оказал преподаватель всеобщей истории М.М. Лунин с явно прозападными демократическими взглядами. Позицию Н.И. Костомарова крайне не одобрял сторонник охранительного направления Н.Г. Устрялов, считающий, что неприемлемо критиковать в такой резкой манере традиционные устои Российского государства, тем более православное духовенство. Такое критическое отношение к старым устоям России было вызвано у Н.И. Костомарова тем, что он придерживался навеянной временем федеративной теории и искал в истории российского государства зачатки демократических основ, которые по логике своей не могли существовать в обществе с господствующим патриархальным началом.

В своей работе Н.И. Костомаров уделяет внимание и Михаилу Фёдоровичу Романову. Причины его избрания он выделяет следующие. Прежде всего, это упадок московского государства, которому требовался царь для восстановления порядка: «Внутри государства многие города были сожжены дотла, и самая Москва находилась в развалинах»². Историк очень ярко описывает эту причину, называя её «бедственной», указывая на то, что русский народ устал от раздора с Польшей и Швецией, которые претендовали на территорию страны и выдвигали своих представителей на русский престол. Показывая своё отношение к этому, он называет обстоятельства «крайне печальными». Вторую причину, по которой был избран Михаил Фёдорович Романов, а не другие кандидаты, он видит во всенародной любви к данному роду.

Н.И. Костомаров в своих исследованиях большую роль уделяет народу, считая, что именно он является двигателем исторического прогресса. Поэтому акцентирует свое внимание на том, что собор приведён к избранию Михаила Фёдоровича под давлением народных масс, где одну из главенствующих ролей

¹ Костомаров, Н.И. Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 году и избрании царя Михаила. М., 1989.

² Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. М., 1991. С. 2.

играет казачество, к которому исследователь проявляет чрезмерное сочувствие. При этом Н.И. Костомаров фактически дает недостойную оценку как высшему сословию, действовавшему, по его мнению, исключительно только в своих интересах, так и духовенству. Ход Земского собора и сам избирательный процесс Н.И. Костомаров практически не осветил в своем исследовании.

Личность царя, на его взгляд, неоднозначна. Он выделяет как положительные, так и отрицательные черты, тем самым подчёркивая противоречивость этой фигуры: «Сам Михаил был от природы добраго, но, кажется, меланхолическаго нрава, не одарён блестящими способностями, но не лишён ума; за то не получил никакого воспитания и, как говорят, вступивши на престол, едва умел читать»¹. Для усиления позиции, характеризующей правителя, Н.И. Костомаров приводит «суждение одного голландца <...>: «Царь их подобен солнцу, которого часть покрыта облаками, так что земля московская не может получить ни теплоты, ни света <...>»². Данные аргументы показывают неопределенное отношение историка к фигуре монарха, что свидетельствует о наложении либеральных взглядов самого исследователя на еще не искоренившееся традиционное сознание.

Избрание Михаила Фёдоровича Романова на царство, по мнению Н.И. Костомарова, являлось своеобразной попыткой изменения государственного строя, не увенчавшейся успехом: «<...> сделало большую перемену в строе государственнаго правления против прежних времён: оно выдвинуло значение собора всей земли русской. <...> Такое участие земской силы в правлении не могло обратиться во что-нибудь прочное, как по грубости нравов и невежеству, не дававшему народу достигнуть ясного сознания разделения властей <...>»³. В данном случае наблюдается явно выраженный анахронизм – нарушение принципа историзма, поскольку в период господства

¹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т 2. М., 1991. С.3.

² Там же.

³ Там же. С. 3-4.

патриархальной мысли не могло идти и речи о явно либерально-демократическом феномене «разделения властей». Таким образом, попытка наложения федеративной теории Н.И. Костомарова на социальную реальность Московской Руси невозможна. Влияние западных стандартов на историософскую мысль сильно дистанцирует логику исследования от логики исследователя, уводя историческую науку в непродуктивное русло. Тем более источники, на которые опирался историк, на наш взгляд, являются сомнительными, не составляющими большой ценности, поскольку это всего лишь изречения сторонних наблюдателей, сформировавших свои взгляды на почве разлагающегося западного традиционного общества по своей сути: например, записи «одного голландца», «русского эмигранта Котошихина», которым, по словам самого же историка, в полной мере доверять нельзя, так как эти записи не сохранились.

Таким образом, Н.И. Костомаров в книге «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» не придал должного значения избранию Михаила Фёдоровича Романова, поскольку данное событие «не могло остановить лихоимства, неправосудия и всякого рода насилий»¹. Данное заявление, на наш взгляд, можно считать ошибочным, поскольку эти явления начались с момента смерти законного монарха и утратой людьми привычного основания жизни, то есть остановить все это могло только избрание нового легитимного суверена. Так как «главной функцией монарха (и власти как таковой) является прямое, буквальное создание пространства определенности. Монарх, как верховный легитиматор, берет на себя обязанность установления порядка, т. е. состояния определенного соотношения элементов действительности, соответствующих Истине. Признание наличия абсолютной истины (основа любого религиозноцентристского общества) логически неизбежно созидает определенность земного порядка через нормирование реальности, т. е. ее

¹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. М., 1991. С. 4.

сознательное устроение в соответствии с требованиями сакрального прототипа. В первую очередь, устанавливается конфигурация ортодоксального, легитимного, одновременно с нейтрализацией случайного, ошибочного, враждебного»¹. Таким образом, эта незначительная тема, по мнению Н.И. Костомарова, не получила должного отражения в его работе, а была раскрыта лишь поверхностно для введения в курс дела происходящих событий тех лет.

Одним из виднейших историков этого периода был В.О. Ключевский – ученик С.М. Соловьёва. Концепция которого оказала заметное влияние на историко-философские взгляды В.О. Ключевского и стала определенной точкой бифуркации и опорой для дальнейшего исследования прошлого. Современники отмечали: опираясь на сделанное С.М. Соловьёвым, В.О. Ключевский во многом развил его идеи вплоть до нового прочтения, казалось бы, сложившихся подходов и положений.

В мировоззренческой основе историка заложены либерально-демократические уверения, шедшие от эмпиризма и конвенциализма, сильно переплетающиеся между собой.

В.О. Ключевский, изучая и переосмысливая исторический ход событий, затронул в своём исследовании интересующий нас вопрос: избрание Михаила Фёдоровича Романова. Большое значение он уделил причинам избрания царя. Главной и первостепенной причиной считает родственную связь Романовых с Рюриковичами: «всего больше помогла Михаилу на соборных выборах родственная связь Романовых с прежней династией»². Стоит подчеркнуть: имея достаточно либеральные взгляды, он прекрасно осознает мировоззренческую суть, доказывая, что для несовременного общества было жизненно необходимым иметь законного «прирожденного государя», поскольку «им представлялось, что Московское государство, в котором они живут, есть государство московского государя, а не московского

¹ Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М., 2005. С. 94.

² Ключевский В.О. Избранные лекции «Курс русской истории». Ростов н/Д., 2002. С. 309.

или русского народа. Для них были нераздельными понятиями не государство и народ, а государство и государь известной династии; они скорее могли представить себе государя без народа, чем государство без этого государя. Такое воззрение очень своеобразно выразилось в политической жизни московского народа»¹. В.О. Ключевский также отмечает, что, по представлениям московского населения, «выборный царь – не царь, что настоящим, законным царем может быть только прирожденный, наследственный государь из потомства Калиты, и выборного царя старались пристроить к этому племени всякими способами, юридическим вымыслом, генеалогической натяжкой, риторическим преувеличением. <...> Вот почему в понятие об «истинном» царе простые умы не могли, не умели уложить ни Бориса Годунова, ни Василия Шуйского, а тем паче польского королевича Владислава: в них видели узурпаторов, тогда как один призрак природного царя в лице пройдохи неведомого происхождения успокаивал династически-легитимные совести и располагал к доверию»². В этих условиях социальной поддержкой Михаила Федоровича, по словам В.О. Ключевского, был весь русский народ, который устал от перипетий Смуты, так как «столько раз неудачно выбирал новых царей, и теперь только то избрание казалось ему прочно, которое падало на лицо, хотя как-нибудь связанное с прежним царским домом»³. Кроме того, историк выделяет второстепенные факторы избрания Михаила Федоровича, отмечая, что «соборное избрание Михаила было подготовлено и поддержано на соборе и в народе рядом вспомогательных средств: предвыборной *агитацией* с участием многочисленной родни Романовых, давлением казацкой силы, негласным дознанием в народе, выкриком столичной толпы на Красной площади»⁴. Данный метод использовали различные «*партии*» (курсив наш). Итак, в попытках акцентировать внимание на событиях избрания, историк прибегает

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 3. М., 1988. С. 48-49.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же. С. 60.

к анахронизму, выражающемуся в подчеркивании роли предвыборной агитации, которая в полном смысле этого слова в XVII веке вестись не могла, а партийная система, о которой также идет речь, начинает складываться только в XIX столетии после смены идеологического и политического оснований. Ещё одной причиной он считает фамильную популярность и ссылается на то, что боярская фамилия Романовых была самой любимой тогда в московском обществе. А также «двусмысленное поведение фамилии в смутные годы подготовило Михаилу двустороннюю поддержку, и в земстве и в казачестве»¹.

В своей работе «Курс русской истории» В.О. Ключевский передавал мнение некоторых современников о фигуре Михаила Романова, обозначая и свое отношение к ней: «племянник будет второй дядя, напоминая его умственной и физической хилостью, выйдет добрым, кротким царём <...>»². Кроме того, он особенно подчеркивает, что Михаил Фёдорович был «удобен» боярству в управлении, и, в связи с его малолетством, бояре «хотели выбрать не способнейшего, а удобнейшего»³. Эти достаточно критические оценки во многом повлияли на представления дальнейших исследователей о фигуре царя, уводя историческую науку от реального понимания роли монархов в несовременном обществе. Стоит отметить, что историк, выделяет только положительное значение избрания Михаила Фёдоровича: «Так явился родоначальник новой династии, положивший конец Смуте»⁴.

Таким образом, В.О. Ключевский в своем исследовании «Курс русской истории» заострил особое внимание на значимости данного события, описав не просто его ход, а дав некоторое объяснение представлениям о бытии религиозноцентристского патриархального общества. Но все же он отчасти отошел от полного понимания русского традиционного сознания XVII века,

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 3. М., 1988. С.61.

² Ключевский В.О. Избранные лекции «Курс русской истории». Ростов н/Д., 2002. С. 312.

³ Там же. С. 312.

⁴ Там же. С. 312.

так как пытался объяснить некоторые вещи с позиции исследователя, которая мировоззренчески противоречит контексту исследования.

Ключевая роль в отечественной историографии отводится основоположнику петербургской школы К.Н. Бестужеву-Рюмину, еще одному ученику С.М. Соловьева, внесшему большой вклад в развитие методологии истории. Его работы характеризуются серьезным историографическим подходом. Безусловно, уважения заслуживает его мнение насчет исторической науки, где он отмечал ее самодостаточность и утверждал, что историю ни в коем случае нельзя смешивать с политическими взглядами и общественной борьбой, как это прослеживается у многих исследователей. Кроме этого, он являлся противником «прагматической историографии», поскольку считал, что именно она предпочитает научную объективность исторической истине. Историка всегда интересовала тематика Смутного времени и воцарение династии Романовых, но, к сожалению, исследование в своей книге «Русская история»¹, он закончил концом XVI века. События, связанные со Смутой и избранием Михаила Федоровича, изложил в статье «Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова»², а также частично затронул данную тематику в своей переписке с С.Д. Шереметьевым, которая была опубликована после его кончины под редакцией А.О. Круглаго³. К.Н. Бестужев-Рюмин в определенном смысле поддержал позицию Д.П. Бутурлина, опираясь на слухи, будто Федор Иванович, отдал свой скипетр Романову, но Борис Годунов фактически вырвал его из рук⁴. Более того, историк видит зависимость избрания Михаила Федоровича Романова от религиозных по своему характеру настроений,

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1-2. СПб., 1872-1885.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. №252. С. 245-295.

³ Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о смутном времени. СПб., 1898.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова // Журнал Министерства народного просвещения. №252. С. 295.

царивших в народе¹. Акцентируя свое внимание на религиозности общества и значимости религии для Московской Руси XVII века, историк показывает логику исторического контекста. Исходя из этого, мы должны отметить, что в данной работе принцип историзма выражен достаточно ярко. Это, безусловно, показывает высокий профессионализм и компетентность исследователя, умение абстрагироваться от навязанных временем взглядов. Подводя итог всем событиям, он отмечает, что с избранием Михаила Федоровича Романова устанавливается тесная связь между ним и народом, которая способствовала «умиротворению страны»².

В конце XIX в. А.И. Маркевич попытался обобщить все спорные вопросы, касающиеся избрания на царство Михаила Федоровича Романова. Проанализировав источниковый материал, историк пришел к выводу, что в этом событии было много таинственности, а исследователи, занимающиеся данным вопросом, опирались в основном на официальные источники, которые «сообщают все одни и те же сведения» и служат лишь «повторением предшествующих»³. В данном ключе он подчеркивает, что официальное изложение не в полной мере достоверно, так как оно игнорирует некоторые факты, даже находящиеся в нем самом⁴. Кроме этого, он заявляет, что особое значение имеет и время появления текстов, намекая на цензуру и идеологическую составляющую эпохи. В своем исследовании, в отличие от других более ранних, он полностью отрицает одну из основополагающих причин избрания Михаила Романова - родство с угасшей династией: «права на престол такое родство дать не могло. Оно даже не было очень близким <...>»⁵. В этом свете он подчеркивает, что были и другие кандидаты, более

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова // Журнал Министерства народного просвещения. №252. С. 270.

² Там же. С. 295.

³ Маркевич А.И. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 277. С. 177.

⁴ Там же. С. 182.

⁵ Там же. С. 181.

подходящие: Голицын, Воротынский, Шуйский, кн. Пожарский и Прокопий Ляпунов, но «тем не менее он избрал государя молодого, неопытного, ничем себя не заявившего, отец которого при том был в плену у врагов»¹. Таким образом, по его мнению, выбор Михаила Федоровича «был результатом известной работы тех лиц, которые овладели национальным движением 1612 г. и желали довести свое дело до конца»², при этом управляя самим монархом. А факты родства, знатность московского рода и страдания от Бориса Годунова лишь сыграли им на руку перед населением страны, которому важно было избрать легитимного правителя.

Исследователь вслед за В.О. Ключевским пишет об активном участии казаков в избрании первого Романова, указывает на то, что население страны подводило к данной кандидатуре достаточно длительное время.

Сомнительным выглядит достоверность источников, используемых А.И. Маркевичем, да и сама логика исследования достаточно далека от реалий Московской Руси. Поэтому, на наш взгляд, доверять выводам А.И. Маркевича полностью не имеет смысла. Его работа отлично демонстрирует: каким образом начинает развиваться историко-философская мысль в эпоху либеральных преобразований и насколько процессы модернизации и вестернизации дистанцируют отечественную историческую науку от реалий и культурно-психологических особенностей прошедшей эпохи.

Огромное внимание теме избрания Михаила Федоровича Романова уделил и С.Ф. Платонов, ученик К.Н. Бестужева-Рюмина, чья мировоззренческая основа повлияла на становление взглядов историка. Его труды можно считать фундаментальными в изучении проблематики Смуты. В своих основных работах «Очерки по истории смуты»³, «Полный курс лекций

¹ Маркевич А.И. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 277. С. 195.

² Там же. С. 199.

³ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в московском государстве XVI-XVII вв. М. 1937.

по русской истории»¹ и «Смутное время»² он не обошел интересующий нас аспект избрания Михаила Фёдоровича Романова, где более широко и глубоко, в отличие от других историков, коснулся данного вопроса, а к 300-летию дома Романовых выпустил статью в Журнале Министерства народного просвещения, посвященную вопросу избрания Михаила Федоровича Романова в русской исторической литературе³.

В «Очерках по истории смуты московского государства» С.Ф. Платонов выделяет единственную причину, по которой должен был быть избран новый царь: это непостоянность и незаконность правительства, которая вела к разложению государственности («Царское избрание должно было завершить земский подвиг, дав временной московской власти характер постоянного и законного правительства»⁴).

В книге «Полный курс лекций» С.Ф. Платонов выделяет ту же причину избрания молодого Романова на царство, что и в «Очерках по истории смуты»; отмечает фактор времени, говоря, что «знамя нужно было водрузить скорее, пока земщина была сильнее поляков и казачества, пока элементы беспорядка не возобновили снова и не выдвинули какого-нибудь нового претендента»⁵. В этой работе С.Ф. Платонов ставит под сомнение тезис, который проходит красной нитью у В.О. Ключевского о том, что Михаил Романов был выбран по причине удобства и выгоды бояр, так как «он молод и поваден». С.Ф. Платонов указывает, что это предположение было выделено из переписки Шереметьева и Голицына, найденной В.М. Ундольским в одном из Московских монастырей, но не попавшей в печать и находящейся неизвестно где. Поэтому историк вообще не верит в её существование, тем самым, фактически опровергая тезис В.О. Ключевского. В своей книге «Полный курс

¹ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов н/Д., 2000.

² Платонов С.Ф. Смутное время. СПб., 2001.

³ Платонов С.Ф. К вопросу об избрании М.Ф. Романова в русской литературе // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. №2. С. 177-191.

⁴ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в московском государстве XVI – XVII вв. М., 1937. С. 424.

⁵ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов н/Д., 2000. С. 205.

лекций по русской истории» С.Ф. Платонов всерьез не рассматривает иноземных правителей как претендентов на престол, называя их сильными торжествовавшими врагами государства и общества¹, что выявляет достаточное понимание исследователем сущности историко-политического развития именно на тот период времени. С.Ф. Платонов отмечает то, что русские люди устали от истязаний иноземцев, поэтому на престоле они хотели видеть русского православного царя, который сможет сохранить самобытную государственность Руси. А Михаил Федорович Романов был именно таким кандидатом: «Поэтому возможна мысль о том, что собор приведён к избранию Михаила Фёдоровича давлением народной массы»².

С.Ф. Платонов достаточно скупно пишет о работе Земского собора, упоминая лишь о самых главных его решениях: не выбирать царя из иностранцев и, соответственно, об избрании Михаила Фёдоровича Романова. Но все же он указал и на некоторые недостатки Собора, где «наступила избирательная горячка со всеми её атрибутами – *агитацией и подкупам*»³ (курсив наш). В общем, работа Земского собора оценивается им недостаточно высоко, так как имели место, по его мнению, незаконные действия. В целом данная микротема не была им хорошо проработана, так как официальный документ, по его словам, не дает полной картины происходящего: «О том, что происходило на этом соборе, мы ничего точного не знаем < ... >»⁴.

В этой книге С.Ф. Платонов практически не характеризует молодого монарха, отмечая, что «первые годы правления царя Михаила Фёдоровича до сих пор представляют собой такой исторический момент, в котором не всё доступно историческому наблюдению и не всё понятно из того, что уже удалось наблюдать. Неясны ни сама личность молодого государя, ни те влияния, под которыми жила и действовала эта личность, ни те силы, какими

¹ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов н/Д., 2000. С 196.

² Там же. С. 209.

³ Там же. С. 209.

⁴ Там же. С. 206.

направлялась в то время политическая жизнь страны»¹. Но в то же время, противореча своему высказыванию о «неясности личности», С.Ф. Платонов указывает на физическую слабость и его чрезвычайную молодость, хотя и не упоминает о его умственных недостатках: «Сам Михаил Фёдорович был человек умный, мягкий, но бесхарактерный < ... >»². Также С.Ф. Платонов отмечает влияние на юного царя отца Филарета Никитича и матери Марфы, указывая, что их сильные стороны характера подавляюще сказывались на слабохарактерном сыне. Любое другое воздействие на царя историк полностью отрицает. Неоднозначность в оценке личности монарха указывает на идейные метания, связанные с остатками патриархального сознания и укореняющейся в нем либеральной мысли. Это приводит к неоднозначному подходу в изложении событий, непосредственно являющемуся слабой стороной исследования.

Значение данного события, по мнению исследователя, только положительное, так как Смута закончилась и «началась энергичная и умелой рукой исправленная работа над водворением порядка в стране»³.

Историком была проведена очень большая исследовательская работа по подбору и обработке различных источников: хронографов, летописей, литературных трудов того времени и избирательной грамоты Михаила Фёдоровича. В книге «Полный курс лекций по русской истории» он ставит достаточно много вопросов, которые не смог раскрыть по объективным причинам (не все положения, которые выдвигались историками более раннего времени, подтверждаются документами).

В книге «Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков»⁴ С.Ф. Платонову удалось более подробно раскрыть взаимосвязь событий начала

¹ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов н/Д., 2000. С. 212.

² Там же. С. 212.

³ Там же. С. 221.

⁴ Платонов С.Ф. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков. М., СПб., 2007.

XVII века и причин избрания Михаила Фёдоровича Романова на царство. В своём фундаментальном исследовании он рассматривает следующие причины избрания: во-первых, популярность рода, как уже отмечалось в других его работах. Во-вторых, он указывает на родство с прежней династией. В-третьих, выделяет давний характер политических амбиций семьи Романовых, которая претендовала на престол и боролась за него, как Годуновы и Шуйские, а не была выдвинута случайно на Земском соборе. В борьбе за власть, как отмечает историк, Романовы не чурались поддержкой самозванца Григория Отрепьева, состоящего на службе до воцарения у Михаила Никитича Романова. Это отчасти подтверждается фактом немилости Филарета у Годунова, так как он в 1605 году «получил свободу от того самого самозванца, одно появление которого наполнило его светлыми чаяниями»¹. В-четвёртых, служение Филарета «вору», которое сказалось впоследствии на выборе казачества: «Нет сомнения, что казаки выдвигали Михаила «Филаретова сына» по Тушинским воспоминаниям, потому что имя Филарета прочно было связано с Тушинскими таборами»².

Таким образом, из вышеперечисленного у Михаила Фёдоровича сложилась большая социальная опора в лице практически всего русского народа, что давало большой шанс стать царём: Михаил Фёдорович был единственным лицом, на котором могли сойтись обе стороны, ещё окончательно не примиренные. Как отмечает историк, были и другие кандидаты на престол – шведские и польские. Но, по его словам, «иноверцы» и «самозванщина» России не были нужны. С.Ф. Платонов прекрасно осознавал, что русскому православному народу с его традиционным сознанием был жизненно необходим православный царь старой московской династии способный объединить всех людей вокруг единого центра, а не разграбить страну, как это делали иностранцы.

¹ Платонов С.Ф. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков. М., СПб., 2007. С. 83.

² Там же. С. 182.

Деятельность Земского собора и ход мыслей избирателей на нем в данной книге, в отличие от предыдущих, С.Ф. Платоновым описывается достаточно подробно. Он посвящает этому целый параграф в четвёртой главе, так как к моменту его написания у историка было уже достаточно материала, соответственно свои рассуждения исследователь смог подтвердить фактами. Он также, как и в других своих изданиях, отмечает, что «ход избирательной мысли на соборе был сложен и не гладок»¹. Историк пишет о двух важных решениях собора: о избрании иноземцев и об избрании нового царя «сына Филарета Романова Михаила Фёдоровича», подчеркивая при этом не единогласность в выборе данной кандидатуры.

Характеристика монарха в этом исследовании тоже не однозначна: «С первого взгляда, правда, его кандидатура представляется странной: очень юный, не достигший и 20 лет; болезненный, потому что «скорбел ножками» от последствий ушиба; тихий и недеятельный, – он был «не прочен» к благополучию государства»². С одной стороны, мы видим указания на отрицательные качества для монарха с точки зрения современного взгляда («тихий» и «недеятельный»), но с другой – словосочетание «с первого взгляда», заставляет задуматься об обратном. Вышеизложенные тезисы по данной проблеме указывают на своеобразное метание исследователя при оценке исторической личности, что отражает исторический контекст, в рамках которого была написана работа. Оценку избрания он даёт достаточно высокую, говоря о том, что Смута закончилась: «Царское избрание, замирившее смуту и успокоившее страну, казалось земским людям особым благодеянием Господним, и приписывать казакам избрание того, кого «сам Бог объявил», было в их глазах неприличною бессмыслицей»³. Действительно, строки «Бог его государя на такой великой царский престол избрал, мимо

¹ Платонов С.Ф. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков. М., СПб., 2007. С. 178.

² Там же. С. 181.

³ Там же. С. 185.

всех людей, по своей неизреченной милости»¹ встречаются в документах XVII века очень часто, это свидетельствует, о достаточно религиозном сознании людей той эпохи, что, собственно, хорошо и понимает историк, отмечая: при таком раскладе было бессмысленно приписывать казакам ведущую роль в избрании.

Итогом выбора было примирение двух враждебных сторон – казачества и прочих классов русского населения: «Его избрание имело тот смысл, что мирило в самом щекотливом пункте две ещё не вполне сталкивавшиеся общественные силы и создавало им возможность дальнейшей солидарной работы и примирения. Вот почему радость обеих сторон по случаю достигнутого соглашения была искренняя и велика, и московские люди были правы, когда писали, что Михаил был избран «единомысленным и нерозвратным советом» его будущих поданных»².

Таким образом, мы делаем вывод о том, что С.Ф. Платонов явился одним из первых историков, который фундаментально исследовал проблему Смутного времени от начала до ее логического завершения. Об этом свидетельствуют его работы под названием «Очерки по истории смуты» и «Смутное время», в которых ученый коснулся темы избрания Михаила Фёдоровича Романова. С одной стороны, он, учитывая традиционность Московской Руси, делает попытку объяснения всех этих процессов с точки зрения патриархального сознания, а с другой, он еще более усилил тенденцию к модернизации представлений о социально-политических процессах государства начала XVII век.

Исследования С.Ф. Платонова не в полном объеме раскрыли тему избрания Михаила Фёдоровича Романова на царство, несмотря на проведенную им огромную работу в данной области. Кроме этого, его труды

¹ СГГид. Т. 3. №4. С. 11-14; Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 51.

² Платонов С.Ф. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков. М., СПб., 2007. С. 183.

породили множество вопросов, на которые пытались найти ответы его последователи.

Идейная концепция либерального историка П.Г. Васенко была схожа с его учителем С.Ф. Платоновым. Свои аргументы и мысли он изложил в книге «Бояре Романовы и воцарение Михаила Фёдоровича»¹. В ней он разделяет причины избрания монарха на две группы. Первая – необходимость выбрать царя, как легитиматора общественного пространства, чтобы восстановить «разрушенный смутой и лихолетьем» порядок, так как Москва и вся остальная Русь были истощены и нуждались в царе-батюшке, пока «без государя Московское государство до конца не разорилось»². Вторая группа причин касается именно самой фигуры Михаила Фёдоровича Романова и его рода в целом. Во-первых, П.Г. Васенко, вслед за предшественниками, подчёркивает: «Родство Романовых с прежней династией, мысль о котором и была и поддерживалась в народе, сыграла, думается нам, решающую роль при этом»³. Во-вторых, он отмечает древность этого рода, который происходил из старинной, очень влиятельной и родовитой московской боярской фамилии Кошкиных-Кобылиных. В-третьих, он ссылается на добрую память брата первой русской царицы Никиты Романовича, «о котором сохранилась в народной, а в частности в народно-казачьей среде, целая былина и песни»⁴. В общем, речь здесь идет о популярности всей фамилии, что послужило важным фактором в выборе именно представителя данного рода. В-четвёртых, оперирует личностными качествами самого царя, отмечая его молодость и не причастность к раздорам Смуты, что давало ему большое преимущество, так как народ хотел видеть на престоле именно «чистого» государя.

Таким образом, нужно отметить, что П.Г. Васенко, в отличие от других историков, разделил причины на две категории: к первой он отнёс в принципе необходимость избрания царя для восстановления традиционного

¹ Васенко П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 124.

⁴ Там же. С. 132.

миропорядка, ко второй – причины, связанные непосредственно с личностью Михаила Фёдоровича. На наш взгляд, такое разграничение является попыткой более детального, глубокого и системного осмысления материала.

При рассмотрении работы Земского собора П.Г. Васенко в основном руководствуется исследованиями С.Ф. Платонова. Он описывает логику избирательной мысли, само заседание Земского собора и принятые на нем решения. Прежде всего, историк отмечает, что собор 1613 года был одним из наиболее полных «советов всей земли» как по числу, *так и по осознанности* действий. В подтверждение своих слов приводит статистические данные из официальных источников, «под грамотой насчитывается до 277 подписей, при чём часть их принадлежит властям, т. е. высшим духовным лицам, и светским сановникам, а между тем одних представителей из городов было свыше 400, считая по 10-ти человек из каждого города и уезда».¹ В то же время П.Г. Васенко высказывает недоверие данному документу, поскольку в нем находятся некоторые разногласия относительно выбора кандидатуры: «Единственный источник, излагающий нам, якобы последовательно, деятельность собора, делает это слишком односторонне, с умыслом рисуя картину полного единодушия при выборе Михаила Фёдоровича»². Более ясную и полную картину о проведении Земского собора 1613 года и о различного рода разногласиях на нем, по его мнению, можно увидеть лишь при привлечении к делу других источников: «Во всяком случае можно попытаться, при помощи своих предшественников, в особенности проф. Платонова и А.И. Маркевича, и нового, сравнительно недавно опубликованного, материала представить себе, как происходило дело»³.

По словам П.Г. Васенко, Михаил Фёдорович Романов обладал широкой социальной опорой со стороны бояр, казачества и простого народа: «Во всяком случае выступление галицкого сына боярского было поддержано

¹ Васенко П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913. С. 126.

² Там же. С. 125.

³ Там же. С. 125.

многими лицами, как из казаков, так и из земщины, и выбор царя Михаила был предрешен»¹. А также за данную кандидатуру высказалась русская православная церковь, подкрепляемая авторитетом покойного Гермогена, к мнению которого прислушивался народ. Именно в Михаиле патриарх видел продолжения рода угасшей династии. А также немаловажную роль, по мнению историка, играл духовный сан его отца, в силу которого православное духовенство надеялось получить своевременную помощь для Церкви, пострадавшей в годы Смутного времени и требующей скорейшего восстановления. Данную мысль ученый высказывает достаточно аккуратно, не привлекая лишнего внимания к ней, поскольку это могло скомпрометировать церковь перед паствой, что было не приемлемо в достаточно традиционном обществе по своим основаниям. Тем более в конце XIX века, открыто выражать мысли, обличающие церковь в корысти, в преследовании своих интересов и перспектив на будущее, было просто не позволено и предосудительно. Хотя здесь нужно понимать, что для общества с религиозноцентристским сознанием, церковь в любом случае оставалась главным авторитетом из системообразующих элементов независимо от ситуации.

Самого Михаила Романова П.Г. Васенко оценивает достаточно высоко, подчеркивая его положительные качества: «<...> племянник благочестиваго, набожнейшаго царя Феодора Ивановича, молодой, ласковый, набожный Михаил Феодорович Романов, отрасль любимейшаго «из великих родов»². «Юному народному избраннику не было тогда ещё полных 17-ти лет. Добрый и мягкий, ласковый и приветливый, царь Михаил Феодорович Романов, излюбленный всей Русской землёй, постоянно сохранял на своём привлекательном лице отпечаток какой-то меланхолии, печали»³. Особое внимание историк заостряет на внутреннем мире царя, отмечая его «молодую чуткую Душу», тем самым противопоставляя его другим претендентам,

¹ Васенко П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913. С. 129.

² Там же. С. 151.

³ Там же. С. 140.

которым дает резко негативную оценку, не допуская даже мысли о возможном воцарении кого-либо из них, так как в унисон с московским населением XVII века был внутренне «<...>против общих врагов, Польских и Литовских и Немецких людей и Русских воров <...>»¹. П.Г. Васенко подчеркнул, что отношение к другим кандидатам сформировалось у населения в связи с тем, что «<...>русские окончательно разочаровались в иноземной кандидатуре, против которой было большинство нации».² А это было связано с неудачным выбором королевича Владислава, с помощью которого хотели фактически уничтожить государство. Кроме того, этот выбор и последовавшие за ним бедствия еще более отвернули Русь от мысли о государе-иноземце. Но при рассмотрении исторической ситуации XVII века П.Г. Васенко отмечает и некоторую заинтересованность в альтернативных кандидатах среди влиятельных лиц, склонных по тем или иным соображениям к избранию польского или шведского претендента. Таким образом, идея не единогогласного выбора Михаила, а выбора большинством, характерная для либеральной конъюнктуры, все больше распространяется среди исторического сообщества и отчасти компрометирует официальные документы того времени.

Как и другие историки, писавшие до революции, П.Г. Васенко, имея еще достаточно религиозное сознание, подчёркивает, что избрание Михаила Фёдоровича Романова состоялось не только по воле народа, но и по воле божьей: « <...> во всенародном избрании Михаила Феодоровича сказалось Божие предопределение, так как «глас народа – глас Божий»»³.

Значение воцарения новой династии П.Г. Васенко видит в успокоении людей и подъёме народного духа: «Почувствовали русские люди, что единогодушие достигнуто, что Смуте наступает конец и воспрянули духом»⁴. Следствием этого для измученного «разрухой» и «лихолетьем» народа стало близкое утроение земли. Таким образом, он отмечает, что Смута была

¹ Васенко П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913. С. 120.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 147.

⁴ Там же. С. 130.

завершена, «Русь перестала быть безгосударной»¹, начался процесс стабилизации.

При изучении этой проблемы П.Г. Васенко переработал достаточное количество литературы и документальных источников, но основой для него стали исследования С.Ф. Платонова, историко-философская концепция которого и отразилась в его трудах.

В книге «Бояре Романовы и воцарение Михаила Фёдоровича» историк старался более полно описать ход событий, учитывая традиционно-патриархальные настроения Московской Руси, но вестернизационные процессы, налагаемые на социально-политическую конъюнктуру общества XIX века, продолжали в большей степени дистанцировать от мировоззренческой основы средневековья.

Платон Николаевич Жукович, получивший хорошее церковное образование, впоследствии защитивший докторскую степень по истории, отметил важность феномена избрания Михаила Романова. Большое влияние на ученого оказали взгляды консерватора М.О. Кояловича, что непосредственно отразилось на его концепции в монографиях «Россия под скипетром Романовых: Очерки из русской истории за время 1613 – 1913»², вышедшей впервые в 1912 г., а также «Смутное время и воцарение Романовых»³, опубликованной 1913 г. к трехсотлетию царствующего дома. П.Н. Жукович вслед за классиками также отмечает, что «в наиболее близком родстве с последним царем из Рюрикова дома была одна боярская семья не княжеского происхождения: семья Романовых»⁴, имеющая больше законных оснований занять царский стол, чем кто-либо другой. Необходимо отметить влияние модернизационных начал, поскольку, рассматривая избрание царей в эпоху Смуты, историк приходит к выводу, что Борис Годунов имел также

¹ Васенко П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913. С. 130.

² Жукович П.Н. Россия под скипетром Романовых: Очерки из русской истории за время 1613 – 1913. Симферополь, 1991.

³ Жукович П.Н. Смутное время и воцарение Романовых. М., 1913.

⁴ Там же. С. 5.

легитимную основу, то есть поддержку церкви в лице патриарха Иова, близкое родство с Рюриковичами¹. Но неоднозначная смерть прямого наследника Дмитрия в Угличе подорвала его личный авторитет в глазах населения, что способствовало в дальнейшем предвзятому отношению к его кандидатуре и расправой над его сыном².

В отличие от многих своих предшественников при изучении данного вопроса П.Н. Жукович подчеркивал, что царь Василий Шуйский, родом из высшей княжеской знати, так же как и Борис Годунов, был законным царем, которого поддерживал патриарх Гермоген, но его не принял народ, поскольку он не справился с тяжелым бременем царствования³. Историк отмечает, что подрыв его авторитета связан с неудачным взаимодействием со Швецией, которая имела притязания на территории России. П.Н. Жукович указывает, что во время очередного выбора кандидата огромную роль в этом вопросе играла церковь в лице патриарха Гермогена, настаивавшего на выборе «<...> из своей среды: князя Василия Васильевича Голицына или, всего лучше, юнаго Михаила Феодоровича Романова»⁴. В связи с разрозненностью общества была выделена позиция только православной принадлежности, и одним из претендентов стал польский королевич Владислав. Но как отмечает сам исследователь, к данной кандидатуре лояльно относилась только часть боярства, заинтересованная в нем, а основная масса населения, с которой невозможно было не считаться, в лице духовенства и простого народа, была категорически против⁵.

Целую главу в своей книге П.Н. Жукович посвятил патриарху Гермогену, почувствовавшему опасность для государства и церкви и объединившему все население России для того, чтобы «спасти свою веру и отечество». Особую роль патриарх сыграл и в борьбе с самозванщиной: «<...>

¹ Жукович П.Н. Смутное время и воцарение Романовых. М., 1913. С. 7.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 62.

будучи вполне убежден, что ею более всего питается пагубное разъединение русских людей»¹. После смерти Гермогена его дело продолжает архимандрит Троице-Сергиевой лавры Дионисий. Историк отмечает: итогом всего этого действия было объединение русских людей вокруг духовного центра и освобождение Москвы от польских захватчиков, в том числе и освобождение русских страдальцев, не причастных к этому делу, среди которых был шестнадцатилетний Михаил Федорович Романов². Несмотря на успех ополчения еще «обе старая опасности, и польская, и своя – самозванческая, все еще смотрели в глаза злосчастной России»³. Поэтому П.Н. Жукович отмечает: «надлежало возможно скорее избрать истинного царя, от одного имени которого разсыпались бы в прах и польския козни, и русская самозванщина»⁴. Он подчеркивает: в то время еще существовала проблема остаточной сословной вражды, хотя патриарх Гермоген и архимандрит Дионисий многое сделали для объединения населения. По его мнению, общество отчетливо понимало, что для сплочения нации необходим центр, т.е. легитимный по всем основаниям царь, вокруг которого было возможно объединение, что непосредственно бы освободило страну от притязаний со стороны внешних врагов. Далее, как и большинство исследователей, он утверждал, что Земский Собор 1613 года был всесословный и начал свою работу с условных договоренностей, какой национальности и веры должен быть будущий правитель, но к единогласному мнению в выборе кандидата пришел не сразу, поскольку каждый претендент имел своих сторонников. По словам П.Н. Жуковича, за род Романовых единогласно выступило рядовое дворянство, городское и сельское население и казачество. Людской выбор пал на него из-за близости к угасшей династии. А для что бы заострить внимание на значительности данного признака, он привел в пример род Голицыных, который при избрании царя имел достаточно большое число голосов, но за

¹ Жукович П.Н. Смутное время и воцарение Романовых. М., 1913. С. 80.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 97.

⁴ Там же. С. 97.

неимением даже косвенной принадлежности к Рюриковичам не был выбран. Так же не в пользу Голицына опосредованно повлияла родственная связь с литовским князем Гедимином, скомпрометировавшая его в глазах населения Руси¹. Далее П.Н. Жукович проводит сравнительную линию между страданиями русского народа и семьи Романовых, сближающую их: «Еще более роднило русских людей с ним все то великое горе, которое обрушилось на Романовых, вместе со всею Русью, со времени Бориса Годунова и которое они переносили с такой железною твердостью»². По его мнению, учитывая эти обстоятельства, все люди, присутствовавшие на Земском соборе, сошлись в едином мнении.

Несмотря на некоторое проявление либеральных идей, П.Н. Жукович не отошел в полной мере от основ традиционализма, указав на важнейшую составляющую легитимности власти данного общества, то есть Божественное проведение, подчеркивая, что избрание Михаила Федоровича – это воля, данная Богом, которая сопровождалась строгим церемониалом, неотъемлемой частью при восхождении на трон. Здесь только не стоит забывать, что обряд лишь подтверждал законность монарха, а не делал его легитимным. М. Блок в своих рассуждениях отмечал, что «касясь различных частей тела, освященным маслом; благодаря этому обряду в католическом богослужении человек или предмет переходил из профанной области в сакральную. <...> Печать сверхъестественного существа, лежавшая на королях, - помазание подтверждало ее наличие, а вовсе не было причиной ее появления, - остро ощущалась средневековыми людьми, привыкшими постоянно замечать вмешательство небесных сил в свою обыденную жизнь»³.

Таким образом, историк, как и большинство других деятелей отечественной историографии, утверждает, что с избранием Михаила Романова закончилась эпоха Смуты в России.

¹ Жукович П.Н. Смутное время и воцарение Романовых. М., 1913. С. 98.

² Там же. С. 100.

³ Блок М. Феодалное общество. М., 2003. С. 372.

К 300-летию избрания династии Романовых была выпущена книга М. Дьякова «Избрание Михаила Фёдоровича на царство»¹, где он попытался осмыслить ряд вопросов, на его взгляд, не проработанных предшественниками. Одним из таких являлся вопрос о точной дате Земского собора, где исследователь подчеркивает, что у разных авторов свои точки зрения на начало данной организации: «Одни исследователи относят открытие собора к декабрю 1612 г. или к январю 1613 г.; другие определеннее – к январю 1613г.»². Сам же историк по данному поводу отмечает, что «по всем видимостям, заседания собора едва ли могли открыться раньше 20-х чисел января 1613г.»³. Из-за затяжного характера собора «<...> вопрос о выборе государя становился все более жгучим и сосредоточил на себе общее внимание»⁴. В этом он видит большую вину казачества, которое могло менять свое мнение в угоду собственным интересам, поэтому результаты избрания отчасти считались ненадежными⁵. При изучении избирательной мысли ему показались крайне интересными «течения среди разных слоев московского общества – лучших людей и казаков»⁶. В отличие от своих предшественников М. Дьяков не осуждает боярство, поддержавшее кандидатуру иноземного претендента Владислава, поскольку ее одобрял патриарх Гермоген. И при данных обстоятельствах, по его мнению, назвать этих бояр изменниками невозможно, можно заявить лишь, что «ошибки правителей вне спора, но кто был без греха в ту пору великой разрухи?»⁷. Продолжая эту логику размышлений, он считает, что нельзя обвинять лишь одно боярство во грехе, так как стоит говорить «<...> о грехе всего мира, об общем земском грехе

¹ Дьяков М.А. Избрание Михаила Федоровича на царство. СПб., 1913.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 6-7.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же. С. 17.

<...>»¹. Именно из-за этого вселенского греха, полагает историк, Михаил Федорович с его матерью изначально отказывались от престола.

Вопрос об иноземных кандидатах, по его мнению, не совсем верно трактовался ранее, так как решение о неизбрании польского королевича было принято еще после походов Сигизмунда на Москву, а не на Земском соборе, отсюда «указание официального документа отнюдь не антиципация, а достоверное свидетельство. Земскому собору предстояло не решать вопроса, а лишь санкционировать принятое решение»². Он считает, что на Земском соборе рассматривались кандидаты только от Московского боярства: Мстиславский, братья Палицыны, Воротынские, Шуйские, Д.Т. Трубецкой, Д. Пожарский и М.Ф. Романов, а представители от шведского, польского и литовского королей и «воренка» «были заранее исключены и этим сразу поставлены были рамки соборной деятельности»³.

Относительно причин избрания молодого монарха М.А. Дьяков солидарен с предшественниками, отмечая близкое родство с Рюриковичами, поддержку патриарха Гермогена и непричастность Михаила к раздорам Смуты.

Таким образом, данное исследование обозначило новый взгляд на происходящее в XVII веке, порождая все больше вопросов и сомнений в отношении событий тех лет.

Также необходимо обратить внимание на исследование педагога - историка Д.В. Цветаева «Избрание Михаила Федоровича Романова на царство»⁴, выпущенное к 300-летию юбилею династии. В данной работе достаточно хорошо отображена мировоззренческая конъюнктура традиционного Московского общества, что непосредственно показывает глубокое понимание эпохи. При изложении материала исследователь указывает на необходимость «на короткое время перенестись мыслью в ту

¹ Дьяков М.А. Избрание Михаила Федоровича на царство. СПб., 1913. С. 17.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 27.

⁴ Цветаев Д.В. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. М., 1913.

эпоху и обстановку, вдуматься в тогдашние политические, социальные и личные воззрения и интересы <...>»¹. Обращаясь к истории Смутного времени, он подчеркивает сознательное понимание русского народа о необходимости восстановления государственности в «ея лучших свойствах»², заключавшихся в православии и монархической форме правления, которые рассматривались как идеал, причем никакого другого идеала в годы Смуты не выставляли. По его мнению, избрание монарха могло осуществляться только через Земский собор, который обладал «в глазах страны всем авторитетом»³. Описывая Земский собор 1613 года, Д.В. Цветаев отмечает его особенности, т.е. разнородный, не полный состав (приглашенных было много, но по определенным обстоятельствам, связанным с тяжелым бременем Смуты, многие не могли приехать ко времени). Описывая ход собора, историк подчеркивает, что никакие иноземные претенденты не могли реально иметь притязаний на Российский престол, так как народное чувство стремилось к русским православным кандидатам: «Избранию сулилась прочность, если оно возстановит династию в согласии с лучшими преданиями, соответственно с русским идеалом царя и с основными началами народной жизни»⁴. Поэтому историк отмечает: «Объявившиеся претенденты на престол искали себе почвы, под личиной государственности <...>»⁵.

Целую главу Д.В. Цветаев посвящает причинам избрания, где сделал попытку обобщения и сведения воедино всех доводов по этому вопросу, звучавших в отечественной историографии. Одну из главенствующих ролей он отводит церкви и патриарху Гермогену, фактически еще при своей жизни поддержавшего Михаила Романова. Далее историк выделяет еще ряд причин, по которым был избран первый представитель рода Романовых:

¹ Цветаев Д.В. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. М., 1913. С. 23.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 1.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 24.

1. Популярность рода, так как он «<...> занимал, по знатности, видное место не только среди нетитулованных родов»¹. «И если предыдущая судьба потомков Кобылы закрепила за ними одно из первых мест среди московской знати, то благотворное влияние Анастасии <...> способствовали привлечению к этой фамилии симпатий широких кругов населения»². В рамках данных рассуждений он пишет: «Род или лицо, не пользующееся широким народным расположением и доверием, не могло бы положить прочного начала новой династии»³;

2. Большое влияние Никиты Романова;

3. Участие в борьбе за власть с Годуновым после пресечения династии Рюриковичей;

4. Активное вмешательство в политику Филарета;

5. Близкое родство с угасшей законной династией. Историк отмечает, что «<...> вотчинный взгляд на государство еще жил, а мысль о выборном царе не мирилась с этим взглядом. При таких условиях воцарение, по соборному избранию, лица, имеющего родственные связи с ранее царствовавшим домом, представлялось, безусловно, более естественным, чем воцарение лица, чуждаго прежним государям. В поисках кандидата на престол идея «природного» царя стала путеводной звездой; родство с царствовавшим домом получило первенствующее значение при определении права на московский престол»⁴;

6. Страдания юного Михаила Романова, которые ассоциировались со страданиями русского народа;

7. Расположение и Земства, и казачества;

8. Деятельность Филарета в Тушино;

¹ Цветаев Д.В. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. М., 1913. С. 38.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С.51-52.

9. Обширные земельные владения и умелое управление ими (В качестве земледельцев, Романовы умели внушать большую любовь своим людям¹ .);

10. Отсутствие реальных соперников²;

11. Молодость Михаила и непричастность его к распрям Смуты;

12. Имя Михаила напоминало угасшего народного любимца М.В. Скопина-Шуйского³;

13. Родственная связь и поддержка знаменитых родов: Голицыных, Шереметьевых и других.

Подводя итог своим рассуждениям, Д.В. Цветаев отметил: «Если в течение избирательной деятельности собора боролись между собою земные интересы, играли преобладающую роль соображения чисто практического свойства, то в идее своей соборное избрание являлось, по понятиям людей того времени, ни чем иным, как способом проявления воли Божией, кому быть царем, средством познания этой воли»⁴. Именно этот взгляд мог примирить население с идеей выборного царя.

Итак, работа Д.В. Цветаева является неким обобщением всех ранее написанных исследований в отечественной классической историографии.

Е.Ф. Шмурло, как и С.Ф. Платонов, является представителем петербургской исторической школы. На его взгляды, которые сложились еще в годы учёбы в университете, оказал большое влияние С.М. Соловьёв и К.Н. Бестужев-Рюмин.

Историк, рассматривая тему Смутного времени в России, лишь вскользь раскрывает проблему выбора царя. Поскольку, по его мнению, личность Михаила Федоровича Романова не играла основополагающей роли и не имела большого значения в контексте развития страны. Хотя при обсуждении идеи института монархии исследователями классического

¹ Цветаев Д.В. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. М., 1913. С. 60.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 71.

периода неоднократно доказывалось, что личное могущество и влияние традиционных монархов вовсе не некие социальные предпочтения, а единственно возможное условие выполнения их сакральной миссии наилучшим образом для необходимого сохранения порядка. Это хорошо отразил Л.А. Тихомиров в своей статье «Носитель идеала»: «Для этого нужна единоличная власть, потому что только личность имеет совесть, только личность несет ответ перед Богом. Нужна власть неограниченная, ибо всякое ограничение власти Царя людьми освобождало бы Его от ответа перед совестью и перед Богом. Окруженный ограничениями, он уже подчинялся бы не правде, а тем или иным интересам, той или иной земной силе. <...> Только голос правды Божией слушает он в совести своей. Его самодержавие не есть привилегия, не есть простое «сосредоточение» человеческой власти, а есть тяжкий подвиг, великое служение - верх человеческого самоотвержения, «крест», а не наслаждение»¹. В своей работе Е.Ф. Шмурло выделяет две причины, способствовавшие восхождению на престол юного царя: близость родства с прежним домом и то, что его кандидатура могла удовлетворить казачество и земство. Собор, где избирали Михаила Фёдоровича Романова, он характеризует как «всероссийский», так как на нём заседали не только высшие и средние классы (духовенство, бояре, служилые люди), но и «тягловые крестьяне». Ввиду того, что на этом соборе присутствовал слой «тягловых крестьян», даёт право говорить Е.Ф. Шмурло о всероссийском уровне собора. Обстановка, в которой приходилось действовать Земскому собору, подводит историка к новому взгляду на государство: «окончательному превращению прежнего вотчинника в государя-представителя и выразителя народной жизни и народных интересов»². Подчеркнем, что все же в рамках данной системы избирали именно царя-вотчинника, а не государя – представителя. Как отмечал В.О. Ключевский: люди представляли, что «Московское государство,

¹ Тихомиров Л.А. Носитель идеала // Московские ведомости. 1894. №298. URL: <http://monarhist.info/RP/Tikhomiroff/Tikhomiroff-5.htm> (дата обращения: 15.06.2018).

² Шмурло Е.Ф. История России 862-1917 гг. М., 1997. С. 273.

в котором они живут, есть государство московского государя, а не московского или русского народа»¹. Именно из-за данного обстоятельства не могли удержаться на престоле Б. Годунов и В. Шуйский, а Лжедмитрий, пустив слух о легитимности происхождения, обрел сильную поддержку народа. В свою очередь для государя-представителя происхождение не имеет столь важного значения, в отличие от личностных качеств и способностей. Данная форма монархии характерна уже для разлагающегося традиционного общества, каковой не являлась Московская Русь начала XVII века. Тем более выход страны из ситуации кризиса был возможен на тот момент только при восстановлении традиционного уклада. Необходимо подчеркнуть, что именно вокруг этой идеи начинается мобилизация русского народа. По словам историка, Земский собор становился «точкой опоры в борьбе с произволом и кривотолками, единственным законным выражением народной воли и желаний, единственным органом, имевшим право говорить и постановлять решения, обязательные для всех»². Е.Ф. Шмурло не считает, что Михаил сыграл большое значение в истории нашей страны, поэтому не уделяет особого внимания ни его личности, ни избранию. При рассмотрении этой темы он делает акцент на деятельности и оценке Земского собора. В заключение Е.Ф. Шмурло пишет, что Смута ещё не закончилась, акт избрания явился только возможностью положить ей конец.

В книге «Курс русской истории»³ в четвертом томе Е. ф. Шмурло делает историографический обзор темы, как бы подытоживая все рассуждения своих предшественников. Он обращает внимание на спорные моменты: Михаил Федорович пришел к власти при помощи бояр, подписав ограничительную грамоту, или с помощью казачества. Он задается вопросом: «Кто был хозяином положения? Бояре или казаки, «демократические низы общества?»»⁴. Е.Ф. Шмурло ставит под сомнение все точки зрения по данной

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 3. М., 1988. С. 48.

² Шмурло Е.Ф. История России 862 – 1917 гг. М., 1997. С. 273.

³ Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Т.4. СПб, 1999.

⁴ Там же. С. 262.

проблеме, ссылаясь на недостаточность исследований. По его мнению, даже «позднейшие по времени исследователи могут приходиться совсем к противоположным выводам и резко расходятся по таким кардинальным вопросам, как вопросы: отстаивало ли боярство домашнюю или чужеземную кандидатуру? Могли ли казаки или нет оказать давление на выборы?»¹. Таким образом, труды Е.Ф. Шмурло еще раз подчеркивают дальнейшую необходимость разработок в этой области.

Вместе с отменой крепостного права в России усиливается либерализация общества. Те события, которые казались понятными и не требующими какого-либо объяснения, начинают вновь вызывать интерес. В этот период происходит своеобразный перелом в сознании общества. С ростом актуальной революционности историки более критично начинают относиться ко всему традиционному, то есть к личностям царей и императоров, к эпохам, в которых они жили и правили; привычные трактовки событий стараются поставить под сомнение. Эпоха Михаила Федоровича Романова вызвала большой интерес у историков, писавших после отмены крепостного права. Они подчеркивали двойственность фигуры Михаила Федоровича, ссылаясь на различные документы, понимая, что эта личность в истории России «темная» и до конца не исследованная. Также они попытались дать более обширную характеристику причинам избрания юного царя и объяснить причинно-следственную связь и сущность происходящих событий.

Во второй половине XIX века были найдены новые документы, посвященные работе Земского собора, способствующие переосмыслению событий прошлого. Историки более смело стали подчеркивать, что в высших кругах не все желали видеть на престоле Михаила Федоровича, предлагая при этом других кандидатов, разумеется, в своих интересах. Исследователи акцентировали внимание на сложности протекания Собора, существовании конфронтации между различными представителями (в более ранних работах

¹ Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Т.4. СПб, 1999. С. 263.

это подчеркивается лишь у С.М Соловьева). В итоге, в этот период намечается тенденция к пересмотру и расширению исторических знаний по вопросу избрания Михаила Федоровича Романова, связанная с изменением уклада жизни и мировоззренческой основы российского общества, а также с ростом критического отношения к прошлому опыту. С одной стороны, в сочинениях этих историков наблюдается тенденция к ревизии исторических представлений, в сочетании с элементами консервативных взглядов. С другой, большое влияние на развитие историософской мысли оказали модернизационные процессы, которые начинают стирать границы между контекстами исследования и исследователя, то есть происходит наложение реалий XIX века на исторический контекст и мировоззренческую основу XVII века, приводя к анахронизму, а это соответственно приводит к нарушению главного принципа науки - историзма. Об историографии данного периода доктор исторических наук П.Б. Уваров пишет следующее: «Формально, минимальный стандарт «нормальной исторической науки» в этот период сохраняется, и даже инструментально усиливается за счет сознательного развития методологии научного исследования. Правда, историцистская методология, создававшаяся в условиях всевластия критицизма и скептицизма, формировалась как методология, ограниченная эмпирическим, индуктивным по своей исследовательской логике, подходом. История остается верна своим экспертным функциям и даже прямо настаивает на них, но реально суживает свои когнитивные возможности за счет создания «режима исключительного благоприятствования» одной из исследовательских логик. С этого момента историческая наука фактически отказывается от наличия в своей структуре строгой дедуктивной теории, наличие которой является неременным требованием эпистемологического идеала. Искусственное сужение когнитивных возможностей неизбежно ограничивает контакт с реальностью (даже при «перекосе» в пользу эмпиризма), что является одним из важнейших факторов образования

идеологий, больше претендующих на достраивание и трансформацию реальности, чем на ее экспертизу»¹.

В этот период сознание историков все больше модернизируется, так как во второй половине XIX века происходит либерализация сознания, смягчается цензура, ученые отходят от канонов прошлых веков, что в свою очередь, с одной стороны, повышает продуктивность их трудов, с другой, дистанцирует от логики и культурнопсихологических особенностей прошедшей эпохи. В связи с вышеизложенным в российской науке намечается новая тенденция дальнейшего изучения данной темы.

* * *

Историографический анализ работ дореволюционного периода по проблеме выбора новой династии, проведенный на основе коммуникативной теории исторического процесса, показал, что историки интерпретировали события в рамках консервативно-охранительной, либеральной и революционно-радикальной концепции. До 1861 г. преобладало в большей степени консервативное направление; основным источником выступала Утвержденная грамота об избрании Михаила Федоровича Романова на царство; изучался ход Земского собора 1613 года, началась дискуссия о причинах избрания первого Романова. При этом к проблеме избрания Михаила Федоровича на царство историки в основном обращались при реконструкции событий общего хода исторического процесса в целом. В пореформенный период избрание Михаила Романова стало объектом специальных исторических исследований; наряду со статьями публиковались монографии. С 1861 г. в большей степени распространились либеральные воззрения. В поле исследовательского интереса попадают личности Михаила Федоровича и его ближайшего окружения; причины избрания стали раскрываться более комплексно; вводились в научный оборот новые

¹ Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М., 2005. С. 26.

исторические источники; возникла дискуссия о характере, полученной
Михаила Романовым власти.

ГЛАВА 2. СОВЕТСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

2.1. Феномен избрания Михаила Романова в историографии советского периода

Историческая наука советского периода в корне меняет представление о факторах, влияющих на историю, поскольку развивается в русле совершенно новой марксистской философией истории. Если дореволюционная историография делает акцент на политические, экономические, нравственно-этические и религиозные факторы, то советская наука, в свою очередь, с ее марксистской концепцией опирается только на социально-экономические в обход всем остальным. Необходимо подчеркнуть, что главной особенностью советской историографии была ее критическая направленность против основных концепций русских дореволюционных историков, следствием чего становится манипуляция трактовок исторического процесса, уход от строго научного взгляда на проблему, в том числе и на проблему легитимности власти, хотя данный аспект традиционных обществ нельзя игнорировать. Отсюда смело можно утверждать, что советская наука имеет «социально ориентированный» тип историописания, как излагал С.И. Маловичко: «Любое знание как результат познавательной деятельности выполняет социальные функции, в этом даже не надо сомневаться. Но в социально ориентированной практике историописания социальные функции доминируют над научными (научная история признает приоритет научной функции над социальной). Социально ориентированное историописание не стремится быть нейтральным к прошлому, как того требует наука, оно поддерживается и/или актуализируется историческим сознанием общества, а также навязывающей обществу «нужный» образ прошлого властью»¹. Также данная позиция

¹ Маловичко С.И. Национально-государственный нарратив как вид социально ориентированного историописания // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 2. Вып.4. С. 127.

прослеживается в учебном пособии «Источниковедение» под редакцией М.Ф. Румянцева¹. Учитывая данный аспект, нам представляется актуальным обратиться к опыту советской историографии, посвящённой проблеме избрания царя в условиях Смутного времени, осветить ее методологические особенности, а также проблемные стороны данного вопроса.

Тема избрания Михаила Федоровича Романова на царство не нашла самостоятельного отражения в исторической науке изучаемого периода. Исследователи в основном лишь ограничились незначительным упоминанием об этом событии, так как особое влияние на историческую науку начала оказывать идеология правящей партии с ее всепоглощающей идеей мировой революции и классовым подходом. История стала превращаться в важный инструмент государственной власти. Исследователи, продолжавшие свою научную деятельность, были вынуждены учитывать в своем творчестве данные обстоятельства, поскольку этот период характерен активным противостоянием всякому инакомыслию, а основная борьба историков-марксистов преимущественно велась с буржуазной историографией. Об этой исторической ситуации А.М. Дубровский пишет следующее: «1920-е гг. были временем первых тяжёлых испытаний для кадров исторической науки, суровой школой выживания. Именно в это время были созданы психологические основы для подчинения учёных власти, началось их приспособление к новым условиям. С конца 1920-х гг. процессы «культурной революции» в науке стали резко ускоряться. В 1928 г. власть начала проводить политику наступления на интеллигенцию. Нарастало недоверие к «старым специалистам». Лидер историков-большевиков, в лице которого соединялся историк и партийно-государственный чиновник, М.Н. Покровский в апреле 1929 г. на пленуме Коммунистической академии заявил, что «необходимо положить конец существующему ещё в некоторых научных областях мирному

¹ Источниковедение: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.

сотрудничеству марксистов с учёными, далёкими от марксизма или даже враждебными марксизму», и что «необходимо начать решительное наступление на всех фронтах научной работы, создавая свою собственную марксистскую науку». Фактически это был призыв к свёртыванию истории как науки. Из библиотек изымались и ликвидировались «немарксистские» книги. Среди них оказались старые учебники, труды Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, Платонова, даже энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона¹. В.С. Брачев подчеркнул, что в историографии стал преобладать классовый подход, а прежняя концепция истории русского общества оказалась за пределами изучения: «Еще жестче был поставлен вопрос на XII съезде РКП(б) (апрель 1923 г.), призвавшем к «решительной борьбе с пережитками великорусского шовинизма». Этот вопрос, заявил здесь Г.Е. Зиновьев (Апфельбаум), «мы должны безусловно поставить ребром», и потребовал, чтобы партия «каленным железом прижгла всюду, где есть хотя бы намек на великорусский шовинизм»². Именно в этот период «новоиспеченные историки-марксисты дают уже самый настоящий бой «шовинистическому свинству» знаменитых русских историков»³. Многие исследователи, являющиеся противниками данной позиции партии, были высланы из страны, отстранены от должностей или преданы суду. Таким образом, «самым драматичным периодом жизни тружеников научного цеха оказались первые послереволюционные годы, когда речь шла не о смене исследовательских ориентиров, а, скорее, о физическом выживании»⁴. Анализируя состояние науки этого периода, Н.В. Гришина подчеркивает: «Изначально «русская смута» привела к минимизации творческой деятельности, своеобразному

¹ Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 115.

² Брачев В.С. Травля русских историков. М., 2006. С. 9-10.

³ Там же. С. 18.

⁴ Гришина Н.В. Историческая наука в первое десятилетие советской власти в самоощущениях отечественных гуманитариев // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30(321). С. 110.

анабиозу»¹. Только в 1930-е годы длительный процесс огосударствления исторической науки был завершен.

В период становления новой государственности все же осталась часть историков, писавших до крушения монархического строя, на которых особое впечатление произвела революция. В их трудах обозначается своеобразный переход от одной исторической эпохи с ее мировоззренческими основами к другой, что непосредственно отражается на интересующей нас тематике. В этом ключе можно выделить работы А.Е. Преснякова. Вслед за историками-классиками (к которым его также можно отнести с определенной оговоркой) он выделяет первоочередную причину избрания Михаила Федоровича, заключающуюся в непосредственно близком родстве с угасшей династией. Сама же личность царя не вызывает особого интереса у исследователя, поскольку, по его мнению, основной фигурой событий Смутного времени был именно отец молодого монарха: «Филарет и по личным свойствам, и по семейной традиции был центральной фигурой среди той придворной знати, которая опирается не на наследие удельных времен, а на службу царям и сотрудничество с ними в деле государственного строительства»². В данном контексте проводится мысль не о том, почему избрали Михаила, а о том, почему доверили Филарету фактическое управление страной. А.Е. Пресняков пишет о воздействии Филарета, имеющего яркие и необходимые для управления государством черты характера, на юного царя. Встает закономерный вопрос: как мог Филарет влиять на что-то, когда к моменту избрания находился в плену, а средств быстрой передачи информации на тот момент просто не существовало, да и вряд ли он мог вообще передавать каким-то образом свое волеизъявление в этот период. Опираясь на замечания современников, А.Е. Пресняков пишет, что Михаил побаивался своего отца, поэтому все решения, касающиеся государства, были приняты Филаретом. В

¹ Гришина Н.В. Историческая наука в первое десятилетие советской власти в самоощущениях отечественных гуманитариев // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30(321). С. 110.

² Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 19.

данном случае некорректно заявлять о некоей боязни, поскольку здесь речь идет о традиционном обществе, где все дети в семье воспитывались в лучших традициях «Домостроя» и Михаил Федорович не был исключением. Иллюстрацией к данным выводам будет служить выдержка из самого документа: «Чада, послушайте заповеди Господни, любите отца своего и мать свою, и послушайте их, и повинуйтесь им по Бозе во всем, и старость их чтите, и немощь их и скорбь всякую от всея душа понесите на своей выи, и благо вам будет, и долголетны будете на земли, сим очистите грехи своя и от Бога помиловани будете и прославитея от человек, и дом его будет благословен в веки, и наследит сыны сынов твоих, и достигнет старости маститы, во всяком благоденстве дни своя препровожают. <...> Вы же, чада, делом и словом угожайте родителям своим во всяком благом совете, да благословени будете от них: отчее благословение дом утвердит, и матерня молитва от напасти избавит»¹. Поэтому, на наш взгляд, историки часто вводят читателей в заблуждение, путая страх Михаила перед Филаретом с обычным уважением к своему отцу. Но, по мнению ученого, не только Филарет оказывал влияние на Михаила, были еще и другие государственные деятели: «Немудрено, что мы мало знаем лично о царе Михаиле Федоровиче. Не только в государственной, но и в дворцовой, личной его жизни рядом с ним стояли лица, несравненно более энергичные, чем он, руководили его волей, по крайней мере его поступками»². А.Е. Пресняков отрицает то, что Михаил мог реализовывать себя как правитель на данном этапе истории, ссылаясь на его юный возраст: «Михаил Федорович был слишком молод, чтобы чем-нибудь себя заявить, особенно в столь бурные годы»³. Таким образом, историк, игнорируя сущность монархии средневековья своими высказываниями, не только умаляет достоинства первого Романова, но и отмечает его фактическую

¹ Домострой. Поучения и наставления всякому христианину / Под ред. О.А. Платонова. М., 2014. С. 53-54.

² Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 21.

³ Там же. С. 20.

непричастность к политической жизни страны, хотя именно с его избранием прекратилась эпоха Смуты.

Одним из самых важных аспектов в изучаемой теме остается вопрос о Земском соборе. Но А.Е. Пресняков не посчитал нужным осветить данный пункт, а лишь сделал незначительную оговорку о его функции: Земский собор нужен был для восстановления «сил и средств верховной власти»¹. Это неприемлемо в изучении вопроса избрания Михаила Федоровича Романова, так как ход собора может дать представление об отношении к юному царю и об исторической ситуации Смутного времени.

В отличие от большинства дореволюционных историков, А.Е. Пресняков считает, что результатом избрания Михаила Федоровича Романова было углубление и нарастание экономического кризиса: «Экономический кризис, начавшийся в последние десятилетия XVI в., усиленный Смутой, продолжал нарастать и после ее политического завершения»². Таким образом, вслед за представителями марксизма он подчеркивает экономическую нестабильность после избрания, совершенно игнорируя духовно-политический взлет государства, хотя именно это являлось основным последствием избрания легитимного монарха. Подчеркнем, что даже хозяйственная нестабильность, которая действительно имела место и исчезнуть быстро не могла после долгих лет разграбления и ослабления страны, все-равно не повлияла на общество, начавшее мобилизацию вокруг духовного центра. Исследование А.Е. Преснякова интересно тем, что содержит очень большой объем биографических сведений и характеристик тех или иных исторических личностей, но, по сути, вся его работа была сведена лишь к нарративному описанию происходящих событий без какого-либо систематического осмысления.

¹ Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 22.

² Там же. С. 31.

Книга фельетониста И.М. Василевского «Романовы. Портреты и характеристики»¹, хорошо свидетельствующая о влиянии революционных перемен, носила тенденциозный характер, поскольку была написана в 20-е годы, когда в стране еще витал дух революции с заведомо предвзятым отношением к царской династии и с превозношением новой советской идеологии.

Вслед за В.О. Ключевским причину избрания Михаила Федоровича Романова И.М. Василевский видел в удобстве фигуры юного царя: «Никому неведомый мальчик Романов показался удобен».² К тому же автор одним из первых пошел в разрез с устоявшимся мнением о древности, знатности и популярности этого рода, абсолютно переворачивая мнение о нем: «Хвастать, как говорится, было нечем. Даже и титула никакого кошкинский род не выслужил. Среди именных князей Шуйских, Воротынских, Мстиславских и др. – Романовы казались захудалыми, и никакого сравнения с теми родами, какие вели свое происхождение от Рюриковичей, выдержать не могли»³. В данном случае подчеркивается не только несостоятельность династии, но и указывается явное преимущество других кандидатов. Красной линией проходит мысль, что Михаил попал в цари из-за некой фортуны. Чтобы акцентировать на этом внимание, исследователь в тексте приводит русскую поговорку: «не родись богат, не родись умен, а родись счастлив».⁴ И.М. Василевский настаивает на том, что «шансов на избрание у Романовых было весьма мало»,⁵ поскольку были сильные претенденты от других знатных родов. А самого Михаила характеризует как «не умеющего ни читать, ни писать»⁶ шестнадцатилетнего мальчика, подбирая при этом самые нелицеприятные эпитеты в его адрес: «неграмотный», «неспособный»,

¹ Василевский И.М. Романовы. Портреты и характеристики. Пг.-М., 1923.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 4-5.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 3.

«глупый», «слабоодаренный». Такое отношение распространяется на всех представителей семьи Романовых: «<...> в этой семье, члены которой именовались Романовыми, - не только одна единственная профессия, царская, но еще и связанная с этим безмерно развращающая власть и ни чем не ограниченная возможность осуществлять все капризы, хотя бы и самые чудовищные. Эта основная черта из рода в род, как некое проклятие, тяготеет над членами этой вырождающейся семьи».¹ Кроме этого, он считает, что многочисленное население, поддержавшее данную кандидатуру, совершенно не разбиралось в вопросах политического характера: «буйная толпа, стадо баранов, случайно голосующих, не умеющих разобраться в самом простом вопросе, слепо идущих за тем или иным крикливым поводырем»². По его мнению, единогласия в избрании царя среди выборщиков на Земском соборе не было, так как они были «хитрые, себе на уме»,³ использующие постоянные споры и подкупы в свою пользу. В итоге И.М. Василевский избрание данного представителя называет ошибкой «<...> ошибка допущена, первый Романов избран. Свыше 300 лет будет терпеть Россия серьезные последствия этой роковой неосторожности»⁴. На наш взгляд, данное заявление весьма опрометчиво, поскольку «роковой неосторожностью» выбор царя назвать крайне сложно, потому что для традиционного общества, только легитимный монарх мог беспрепятственно управлять государством, что и показал период междуцарствия. А на тот момент, только представители данной фамилии были в ближайшем родстве с Рюриковичами, что давало им неоспоримое право находиться на престоле.

При изучении историософской мысли И.М. Василевского, выраженной в книге «Романовы. Портреты и характеристики», стоит отметить, что он руководствовался исследованиями Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского, С.П.

¹ Василевский И.М. Романовы. Портреты и характеристики. Пг.-М., 1923. С. 9.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 7.

Мельгунова, К. Валишевского¹ и др. которые тоже достаточно критично относились к молодому царю, а с учетом новой политической подоплёки, связанной со становлением советской государственности, отношение к представителям Романовых, да и ко всему монархическому строю, становится откровенно развязным и еще больше гиперболизируется в крайне негативную степень.

Известнейший советский историк-марксист М.Н. Покровский, являвшийся лидером советской исторической науки и задававший ей вектор развития в 20-е годы, также внес определенный вклад в исследование периода Смуты. Он достаточно подробно осветил всех самодержцев, занимавших российский престол во время Смуты с их положительными и отрицательными качествами, оценивая некоторых из них достаточно высоко как политиков того времени, например, Б. Годунова. При этом он совершенно не уделяет должного внимания Михаилу Романову. Но данное исследование в рамках нашей темы интересно тем, что историк опровергает логику традиционного общества в выборе кандидата на престол, необоснованно заявляя, что «происхождение ни в каком феодальном обществе не играет самостоятельной роли, и родовой спеси московского боярства не надо преувеличивать: терпела же «избранная рада» в своей среде людей, взятых «от гноища», и шли же князья-рюриковичи, да еще из самых старших по родословцу, служить в опричнину вместе с Васькой Грязным и Малютой Скуратовым»². Это цитата не относится напрямую к Михаилу, а защищает Бориса Годунова от нападок со стороны общества, чем больше противоречит себе своей логикой, поскольку в ней речь не идет о царском роде. На основе вышеизложенного, М.Н. Покровский считает, что после избрания Михаил Федорович смог удержаться у власти лишь потому, что были соблюдены все юридические

¹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т2. СПб., 1874; Ключевский В.О. Курс русской истории. Т.3.М., 1988; Мельгунов С.П. Как создалась в России государственная церковь? М., 1917; Валишевский К.Ф. Первые Романовы. М. 1911.

² Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения: в 4-х кн. Т.1-2. Кн. 1. М., 1966. С. 336.

нормы, чего не встречалось ранее: «При избрании Михаила Федоровича старались соблюсти все необходимые условия возможно полнее, и в его избирательной грамоте писалось, что «все православные хрестьяне всего Московского государства от мала и до велика и до сущих младенец, яко едиными усты вопияху и взываху, глаголюще: что быти на... всех государствах Российского царствия... блаженныя памяти царя Федора Ивановича сродичу, благоцветущия отрасли от благочестивого корени родившусю Михаилу Федоровичу Романову-Юрьеву». Как известно, избирательная грамота подписывалась еще и долго спустя после собора, так как старались собрать возможно более подписей: все вассалы без исключения должны были признать нового сюзерена, чтобы никто не мог последнего упрекнуть, как упрекали Шуйского, что он «самовенечник»¹. М.Н. Покровский отмечает неслучайность выбора, так как на протяжении всей истории Смутного времени Романовы боролись за власть, и на разных этапах Смуты являлись соперниками как Годунова, так и Шуйского, участвуя во всех политических интригах и заговорах². Также он пытается опровергнуть факт системообразующей роли религии для Московского общества XVII века, отмечая преувеличения исследователей прошлых лет о ее значении в жизни традиционных обществ. Он аргументирует это тем, что церковь была «политическим орудием в руках светской власти»³. А Гермоген, который возглавил духовный центр в борьбе со Смутой и поддержал будущего монарха, по его мнению, был недалеким и несамостоятельным, поддающимся влиянию человеком, которого не любило и не уважало общество за грубость и жестокость⁴. На этой почве встает закономерный вопрос, почему общество довольно мобильно стало собираться вокруг духовного центра для борьбы со Смутой именно тогда, когда по городам были разосланы листки по инициативе

¹Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения: в 4-х кн. Т.1-2. Кн. 1. М., 1966. С. 448.

² Там же. С. 367.

³ Там же. С. 391.

⁴ Там же. С. 391-392.

патриарха Гермогена. Также М.Н. Покровский обвиняет род Романовых в том, что по его инициативе был найден повод «вставить палку в колесо кандидатуры» Владислава, который звучал следующим образом: «Царь всего православного христианства должен был быть, разумеется, православным»¹. Высказывая подобное, он не берет во внимание тот факт, что вся конъюнктура традиционного общества с ее систематизирующим основанием складывалась на протяжении столетий в различных государствах данного типа, и тем более Московская Русь не была исключением. И если рассматривать логику этих обществ, то мы не можем заявлять о том, что церковь была политическим орудием в руках светской власти, поскольку на тот момент она являлась в понимании народа посредником между Богом и людьми. Имея такой статус, она явно не подчинялась светской власти, а могла только сотрудничать с ней. Тем более «Церковь восточная всегда считала и считает монархическую форму правления наилучшей формой для осуществления воли Божией на земле»². Данное обстоятельство в свою очередь укрепляло авторитет монархии в глазах подданных. Отсюда, можно утверждать, что в большей степени власть нуждалась в поддержке и легитимации со стороны церкви, а не наоборот. Данный аспект ярко выражался и в идеи, что «русское самодержавие <...> всегда опиралось на Церковь, оно концентрировало в себе и религиозную совесть народа, и его политическую организацию»³. Таким образом, данный институт был сакрализован и просто не мог использоваться в интересах каких-либо политических сил.

В своем исследовании М.Н. Покровский не раз подчеркивал, что все доказательства в пользу законности царя были написаны романовским памфлетистом. Это дает нам полное право предположить, что отношение к данному роду и самой кандидатуре у историка было уничижительным. В подтверждение этого можно привести его слова, что род Романовых вылетел

¹ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения: в 4-х кн. Т.1-2. Кн. 1. М., 1966. С. 392.

² Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М. 2010. С. 793.

³ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010. С. 73-74.

из Тушино, который был им «дворянским гнездом»¹. Поддаваясь марксистской логике, он все политические процессы в Московском государстве в эпоху Смуты сводит к материальным благам, которые мог получить тот или иной класс. Это влечет за собой ошибочность выводов при изучении систем традиционного типа.

Данное исследование было написано в 20-е годы XX столетия, что играло немалую роль, так как в исторической науке этот период характеризуется переоценкой взглядов, разрушением традиционных подходов и зарождением новой советской идеологии вопреки старой дореволюционной. Соответственно, эта тенденция отражалась на всех сторонах жизни тогдашнего общества и вызвала реакцию ученых и исследователей.

П.Г. Любомиров – еще один историк, стоявший у истоков становления советской исторической науки. Несмотря на достаточно традиционное церковное воспитание, с юности отличался революционными взглядами, за что его отчислили из Саратовской духовной семинарии. В дальнейшем он получил разрешение Министерства народного просвещения на поступление в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет и даже вел курсы по следующим темам: «Изучение источников Смутного времени», «История старообрядчества и сектантства в России». А в 1917 году защитил магистерскую диссертацию по теме «Очерк истории нижегородского ополчения 1611 – 1613гг».² Исторические взгляды П.Г. Любомирова складывались на рубеже эпох, что наложило отпечаток на его мировоззрение.

В своей диссертации при изучении Смутного времени исследователь обратил внимание и на факт избрания Михаила Романова. Вслед за историками классического периода он отмечает усталость народа от ужасов и произвола Смуты, поэтому «для восстановления желанного порядка нужно

¹ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения: в 4-х кн. Т.1-2. Кн. 1. М., 1966. С. 419.

² Любомиров Павел Григорьевич // Биографика СПбГУ. URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/person/473-lyubomirov-pavel-grigor-yevich.html> (дата обращения: 01.07.2018).

было создать авторитетное правительство, нужно было избрать царя»¹. Историк указывает, для того чтобы объединить население Московской Руси для данной цели, использовались различные методы, например, был задействован патриарх Гермоген, а также активно велась рассылка грамот по городам. Но в то же время он отмечает, что «не нужно слишком идеализировать тогдашнее настроение населения, не нужно преувеличивать его патриотическое самопожертвование. Понятно, что население не могло вдруг отказаться от укоренившихся, особенно в эпоху анархии и распада, привычек эгоистического поведения»². Раз население не могло отказаться от всего вышперечисленного, то почему за столь короткое время оно смогло мобилизовать все свои силы в борьбе против иноземцев и утвердить легитимный порядок жизни. Если бы мы в массе своей видели ослабление нрава и ценностей традиционного общества, то не наблюдали бы столь быстро выстраиваемой привычной для того времени структуры жизни при укреплении духовного центра.

Свое внимание П.Г. Любомиров подробно заострил на работе Земского собора, описав его социальный состав, где указал на раскол между сословиями, а также внутри отдельно взятой структурной единицы по вопросу выбора кандидата. Он показал, что среди каждого слоя были распри, поскольку сторонники того или иного претендента на престол хотели получить свою выгоду. Например, высшее сословие разрывалось между кандидатами шведского королевича Филиппа, в основном его поддерживала знать Новгорода, австрийского цесаревича, брата Максимилиана (хотя историк указывает, что в грамоте нет об этом ни слова) и польского королевича Владислава, сына Сигизмунда³. Кроме этого, ученый подчеркивает, что городские выборщики поддерживали того претендента, которого знали «по соседству, по службе, деловым сношениям, или даже был

¹ Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611 – 1613 гг. М., 1939. С. 76.

² Там же. С. 108.

³ Там же. С. 144-145.

связан с ним родством или свойством, или просто в пользу которого его успел расположить речами, обещаниями, а то и подарками тот или иной агитатор. Но играли в выборе кандидатов известную роль и политические взгляды и настроения избирателей; принимались, вероятно, последними в расчет и возможные платформы, возможные направления в политике в случае воцарения того или другого кандидата, направления, о которых можно было до известной степени заключать на основании биографий и самого положения выдвинутых кандидатов»¹. По его мнению, члены Земского собора старались воздействовать на избирателей с учетом своих интересов². На наш взгляд, в данной ситуации особое направление в политике роли не играло, поскольку для общества не было первоочередным поведение царя на политической арене или его приверженность к какому-либо политическому направлению. Понимая сущность традиционного общества, он пишет, что у населения было «тяготение к старине, к тем старым порядкам, при которых было возможно более или менее «тихо и безмятежно жити». <...> было и широко распространенное, очень живучее и сильное желание, или, лучше сказать, мечтание, иметь «прирожденного», «от корене российских государей», государя»³. Поэтому «население, очевидно, проявило большой интерес к выборам царя»⁴. Тем более, подчеркивает он, духовенство было за возврат к прежним устоям жизни, а как известно мнение духовенства наиболее авторитетно в этом вопросе, поскольку данное сословие, прежде всего, отождествлялось с гласом божьим. Отсюда, по его словам, вся «эта – выборная - часть Собора в общем верно отразила тогдашнюю уездную Россию, еще смятенную, еще не изжившую недавнего прошлого, хотя в массе уже

¹ Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611 – 1613 гг. М., 1939. С. 184-185.

² Там же. С. 201.

³ Там же. С. 186.

⁴ Там же. С. 180.

зараженную сильным желанием скорейшего восстановления порядка, возвращения обычных условий жизни, что должно явиться с царем»¹.

Историк приходит к выводу о преувеличении роли казачества в избрании Михаила Романова, отмечая, что «после раздачи жалованья и благодаря организации доставки провианта и одежды казаки утихли»², а также число данного сословия в Москве к моменту его избрания значительно уменьшилось. Несмотря на это, с данной категорией населения земскому собору необходимо было считаться. По его мнению, немаловажную роль, если не основную, в вопросе избрания монарха играла категория населения, называемая «земскими людьми» или «чернью», поскольку их привлекала отстройка города, а это «возбуждало надежды на работу для ремесленников, на барыши для торговцев»³. В этот период социальная активность возросла, поэтому они не остались безучастными в такой сложной ситуации. Как отмечает историк: именно «чернь» и «казачество» действовали единодушно. Хотя, по его словам, это единодушие было случайным и лишь с частью казаков, которые не были однородны в этом вопросе. Историк считает, что Михаил Федорович «вероятно был выдвинут казаками не по их собственной инициативе, а был занесен в казачью среду со стороны и только был ею принят: «Вряд ли эти люди —одни еще недавно ратовавшие где-нибудь на Диком Поле, на Дону, другие сидевшие где-нибудь «во крестьянх» или бывшие холопами, во всяком случае очень далекие и от чтения летописей и от правительственной среды, – вряд ли такие люди сами от себя могли указывать и на близкое родство выдвигаемого ими кандидата царю Федору и на поручение последним перед смертью царства отцу Михаила. Более вероятным кажется, что они повторяли все это за теми, кто вел с ними беседы о «Филаретовом сыне»»⁴. В данном свете он предполагает, что за Михаила проголосовала именно та часть казачества, которая якобы ассимилировалась с

¹ Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611 – 1613 гг. М., 1939. С. 183.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 207.

⁴ Там же. С. 208-209.

земским населением, остальная часть этого сословия, по его мнению, в принципе не могла поддерживать Михаила, поскольку «для людей с определенным казачьим, «воровским» настроением Михаил Романов, стоявший на противоположном от них конце социальной лестницы и не имевший с ними решительно ничего общего, не мог быть желательным кандидатом в цари, и для них, думается, очень малую цену имело и то, что он был племянник царя Федора и сын тушинского патриарха. И агитация в течение нескольких недель вряд ли смогла бы преодолеть социальную антипатию или даже ненависть»¹. Историк считает: лояльность к этому кандидату в казачьей среде была вызвана авторитетом Филарета, поскольку вряд ли люди данной категории помнили о событиях прошлых лет и об известных предках молодого царя. Опираясь на грамоту и иные источники, он пришел к выводу, что избиратели, понимая невозможность продвижения своих кандидатур, решили «выбрать из менее желательных им русских кандидатов наиболее подходящего для каждого»². Одной из важнейших причин избрания монарха, по его мнению, было восстановление «желанного порядка», воссоздать который могло только «авторитетное правительство». Историк подчеркивает, что личностные качества у М.Ф. Романова не обнаружились, но они и не были важны, поскольку основную роль играла его фамилия, а также мнение патриарха Гермогена. Кроме этого, для клерикального сословия важным фактором являлось ношение Филаретом духовного сана, а для всего остального податного населения - известность и знатность рода. По словам П.Г. Любомирова, сторонниками Романовых был пущен слух о том, что умирающий царь Федор хотел отдать регалии власти Федору Никитичу, отцу Михаила. Вслед за историками-марксистами он старается подчеркнуть его статус в прошлом, относя «к роду старинных слуг московского князя, потом царя»³, тем самым показывая свое негативное

¹ Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611 – 1613 гг. М., 1939. С. 209.

² Там же. С. 215.

³ Там же. С. 219.

отношение к данному представителю. Это неудивительно, поскольку на его взгляды повлияли революционные настроения. Именно поэтому, он считает Михаила привлекательной кандидатурой для дворянства, хотевшего ввиду молодости царя, воплотить в жизнь свои политические амбиции и добиться удобного положения для себя. Также немаловажной причиной победы Романова были свойские связи с Михалковыми, Шестовыми и др., а также наличие родственников в среде казачества, которые «наверное, принимали разного рода меры к проведению на престол Михаила»¹.

Рассматривая вопрос об ограничении царской власти, он отмечает, что скорее всего ограничений никаких не было, все, что принято считать за них — это всего лишь челобитная грамота, «обычная форма обращения к государю»². В ходе своих размышлений он все-таки приходит к выводу о том, что значением Земского собора было приобретение закона и избранного государя³. На наш взгляд, рассуждения П.Г. Любомирова достаточно противоречивы, так как его сугубо традиционное воспитание и понимание жизни людей данного типа переплетаются с тенденциозными революционными взглядами, навеянными эпохой исследователя. Это связано, скорее всего, с так называемой субкультурой поповичей, к которой принадлежал историк, поскольку с одной стороны, она была «враждебна принципам аристократизма», а с другой, сохраняла «иерархический строй мышления»⁴.

Историография советского периода второй половины XX века претерпела серьезные изменения. Обновлённая научная парадигма позволила историкам расширить круг изучаемых вопросов: они не только стали ограничиваться историзацией марксистско-ленинской теории и постановлений ЦК, но и обратили свои взоры на царскую Россию. Ученых

¹ Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611 – 1613 гг. М., 1939. С. 220.

² Там же. С. 226.

³ Там же. С. 230.

⁴ Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. С. 377.

стали интересоваться личностью и деятельностью таких видных царей и императоров как Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, Александр I, Александр II. Но все же в связи с еще достаточно сильным идеологическим давлением не все аспекты подвергались изучению. Например, монархи XVII века и их политика особо пристального внимания не удостоились, поскольку, по мнению советских исследователей, их деятельность была не значительна в контексте мировой истории.

Советский исследователь, лауреат Государственной премии СССР, специалист в области эпохи феодализма российского государства, а также историографии и источниковедения Л.В. Черепнин в своих работах «Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв.»¹ и ««Смута» и историография XVII века (Из истории древнерусского летописания)»². рассмотрел и проанализировал вопрос избрания Михаила Романова на царство в контексте истории земского собора 1613 года. В своем исследовании он отмечает: «Утвержденная грамота подробно, в возвышенном тоне рассказывает о ходе избирательной кампании, закончившейся реставрацией порушенной монархии. Различая монархию наследственную и избирательную, грамота отдает предпочтение первой. Это концепция представителей господствующего класса, пришедших к власти по воцарении Михаила».³ То есть он фактически утверждает, что устоявшаяся официальная версия является ничем иным как навязанной концепцией высшего сословия. Также он ставит вопрос о составе земского собора и количестве человек, присутствовавших на нем, отмечая, что подписи собирались до 1617 года. Кроме этого, показывает, что Утвержденная грамота имела две редакции, не являющиеся идентичными: «Поэтому имеющиеся под одним экземпляром грамоты 235, под другим 238 рукоприкладств (с упоминанием в одном случае 272, в другом 256, а всего 283 имен) далеко не отражают численности собора. Количество его членов,

¹ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978.

² Черепнин Л.В. «Смута» и историография XVII века (Из истории древнерусского летописания) // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 81-128.

³ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978. С. 191.

вероятно, намного превышало это число. С. Ф. Платонов считает, что присутствовало около 700 человек, П.Г. Любомиров думает, что было свыше 800 человек»¹. Более того, Л.В. Черепнин считал, что «во всяком случае, избирательный собор 1613 г. был достаточно многолюдным - более многолюдный, чем те, которые ему предшествовали. Были представлены различные социальные слои из разных частей России. Представители собрались для решения важного политического вопроса - выбора главы государства. А этот вопрос был связан с другим - с укреплением феодального правопорядка, выработкой устойчивых форм государственного строя. При обсуждении и решении выдвинутых проблем столкнулись интересы внутриклассовые, межсословные, партийные, национальные»². Большого освещения тема не получила, хотя в рамках изучения именно этого собора, на наш взгляд, это было просто необходимо, поскольку именно по его итогу Московская Русь перестала быть безгосударственной.

Вопрос избрания первого Романова на царство в поздней советской историографии осветил известный специалист по российской истории XVI-XVII веков Р.Г. Скрынников в книгах «Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников»³ и «Россия в начале XVII в. «Смута»»⁴. В них он показал неслучайность выбора члена семьи Романовых на престол, отмечая, активную борьбу их представителей за обладание царскими символами власти на протяжении всего периода междоусобицы. В этой связи он пишет, что во время тяжелой болезни Бориса Годунова в 1600 году «бояре Романовы поспешили использовать благоприятный момент. Федор Романов, будучи двоюродным братом царя Федора, предъявил права на трон»⁵. Также он подчеркивает, что «Романовы располагали сильными позициями в Боярской думе. Возглавляли романовскую партию бояре Федор и Александр Никитичи,

¹ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978. С. 192.

² Там же. С. 194.

³ Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988.

⁴ Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988.

⁵ Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 9.

окольный Михайл Никитич Романовы. Их ближайшей родней и сторонниками были бояре князь Борис Камбулатович Черкасский, князь Иван Васильевич Сицкий, князь Федор Шестунов, знатные дворяне князь Александр Репнин, Карповы и пр.»¹. Усиливая эту линию, историк особенно выделяет: «летописец забыл упомянуть, что Романовы, настаивая на своих правах «царского» происхождения, готовились свергнуть выборную земскую династию, что и явилось причиной гонений на них»². Важную роль советская историография отводила экономической сфере, которую она считала основополагающей, базисной, поэтому Р.Г. Скрынников указал: у Романовых были все основания претендовать на престол, так как они «принадлежали к числу самых богатых людей своего времени»³, что непосредственно укрепляло их позиции в борьбе за власть.

В своей книге «Русь X – XVII века»⁴, относящейся уже к современному периоду, ученый ограничивается только незначительным упоминанием об избрании Михаила Федоровича Романова, где в основном характеризует личность Филарета, сравнивая его с сыном: «В отличие от его сына Михаила, Филарет обладал твердым характером и исключительным честолюбием»⁵. Кроме того, он подчеркивает, что Филарет имел титул «великого государя», который носили только монархи, возвышая тем самым его до уровня легитиматора.

В более поздних современных работах, он более детально освещает данную тематику и смело пишет о том, что Филарет, предпринимал неоднократные попытки усадить своего сына на престол, пользуясь родственными связями с династией Рюриковичей⁶. Процедуре самого избрания Р.Г. Скрынников уделяет целую главу, отмечая, что «страсти

¹ Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 32.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 70.

⁴ Скрынников Р.Г. Русь. X – XVII века. СПб., 1999.

⁵ Там же. С. 278.

⁶ Скрынников Р.Г. Смутное время: Крушение царства. М., 2007. С. 351.

накапились до предела <...> Не полагаясь на красноречие, кандидаты побогаче стали трясти мощной. Многие из вельмож, желавших царствовать, отметил летописец, подкупали людей, «дающе и обещающе многие дары».¹ Также он отмечает, что кандидатура Михаила Романова была отклонена на Земском соборе, поскольку «шестнадцатилетний юнец не внушал никому особых симпатий <...> земские чины и бояре не чувствуют уважения к Михаилу»². По словам Р.Г. Скрынникова, «нужен был опытный вождь»³, а Михаил менее всего подходил под эти параметры. Стоит подчеркнуть, что несмотря на более позднее написание работы в мировоззрении историка продолжала преобладать идея вождизма, перекочевавшая из старой советской историософской традиции, являющейся платформой для формирования новой современной концептуальной основы исследователя. Продолжая рассуждения, историк пишет: в данной ситуации активно действовала «романовская партия», которая создавала совещания на базе Троице-Сергиева монастыря и вела активную работу по привлечению сторонников к данной кандидатуре. По его мнению, «Романовские совещания»⁴ также внесли огромную лепту в избирательный процесс. В данной ситуации отголоски марксистской историографии с ее идеей вождизма и партийности, несомненно, приводят к большому заблуждению относительно мировоззренческой концепции патриархальных обществ, что нарушает принцип историзма и уводит науку в пространство анахронизма. Здесь нам необходимо еще раз подчеркнуть, что в несовременных обществах личность практически не формализовывалась, т.е. монарх понимался следующим образом: «центр (государь) является точкой приема, которая была единственной, как и само мироздание, единственное в силу своей универсальности»⁵. Кроме этого,

¹ Скрынников Р.Г. Смутное время: Крушение царства. М., 2007. С. 520-521.

² Там же. С. 525.

³ Там же. С. 532.

⁴ Там же. С. 527.

⁵ Мартынов А.С. Представление о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы Азии и Африки. 1972. №5. С. 77.

особое значение придавалось легитимности правящего дома. Именно такая мировоззренческая концепция лежала в основе политической системы средневекового социума. Эти особенности абсолютно не были взяты во внимание историком.

Р.Г. Скрынников считает, что к власти Михаила по большей части привели казаки и чернь, то есть простой народ, надавив при этом на бояр. А шум толпы на Земском соборе был воспринят «очевидцами как общее одобрение»¹. Народ вспоминал законных царей и хотел видеть на престоле кровных родственников Рюриковичей: «Многие наивно верили, что величие государства не возродит никто, кроме родни — пускай самой дальней — угасшей династии. Сторонники Михаила Романова построили на этом заблуждении всю свою избирательную кампанию. Призрачная популярность угасшей династии вынесла наверх ничем не примечательного человека, спутав все расчеты и прогнозы земского руководства. Монархические иллюзии в который раз сыграли дурную шутку с русским человеком»². Данное заключение еще и ярко иллюстрирует отношение историка к Михаилу Федоровичу, хотя именно личностные качества, как мы неоднократно упоминали, имели второстепенное значение для населения Московской Руси.

По мнению Р.Г. Скрынникова Земский собор 1613 года «положил конец состоянию гражданской войны»³. Стоит отметить, что, анализируя работу Земского собора, историк очень критично относится к первоисточникам: «В смысле недостоверности зарубежные версии и московские официальные декларации стоили друг друга. Воссоздать подлинные обстоятельства выборов 1613 года помогают показания непосредственных участников собора — стольника Ивана Чепчугова и двух других дворян, попавших в 1614 году в плен к шведам»⁴. На наш взгляд, брать

¹ Скрынников Р.Г. Смутное время: Крушение царства. М., 2007. С. 529.

² Там же. С. 532.

³ Там же. С. 539.

⁴ Там же. С. 530-531.

во внимание показания пленных не имеет смысла, поскольку они не всегда соответствуют реалиям происходящего по многим обстоятельствам.

Данную концептуальную основу относительно избрания монарха Р.Г. Скрынников также повторяет в своем исследовании «Михаил Романов»¹.

Таким образом, тема избрания Михаила Федоровича Романова на царство в работах Р.Г. Скрынникова не получила должного освещения. Личность монарха в трудах ученого оставалась в тени своего отца, поскольку он считал основной фигурой того времени именно Филарета. Михаил Федорович виделся ему всего лишь марионеткой в руках родственника более сильного духом.

В.Б. Кобрин – советский историк, доктор исторических наук, специалист по средневековой Руси, соавтор учебника «История СССР с древнейших времен до 1861 года» вслед за дискуссиями А.А. Зимина², В.И. Корецкого³ прибегает к рассмотрению Смуты в России. В своей статье «Смутное время - утраченные возможности»⁴ приходит к выводу, схожему с историками дореволюционного периода: причинами избрания молодого царя было кровное родство с угасшей династией, принадлежность к православной вере, а также общая усталость на фоне социальных пертурбаций Смуты. Соглашаясь с большинством классиков о том, что «общественному настроению отвечало воспроизведение тех порядков, которые существовали до смуты»⁵, он подчеркивает, что для российского традиционного общества необходим был царь, чья легитимность не вызывала ни у кого сомнения.

¹ Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005.

² Зимин А.А. Акты Земского собора 1612-1613 гг. // Записки Отдела рукописей ГБЛ. 1957. Вып. 19. С. 185-193; Он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

³ Корецкий В.И., Лукичев М.П., Станиславский А.Л. Документы о национально-освободительной борьбе в России 1612 – 1613 гг. // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1989. М., 1989. С. 240-267.

⁴ Кобрин В.Б. Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX века. М., 1991. С. 163-185.

⁵ Там же. С. 182.

По мнению В.Б. Кобрин, мотивы избрания Михаила Федоровича Романова были несколько глубже, чем принято считать. Они напрямую зависели от деятельности Филарета, стоявшего за спиной сына. Поэтому далее В.Б. Кобрин полностью абстрагируется от фигуры Михаила Романова и обращает свой взор на Филарета, личность которого являлась основной причиной избрания представителя рода Романовых, поскольку именно он обладал качествами необходимыми на тот момент. В.Б. Кобрин указывает, что только Филарета поддерживали все слои населения: «Его поддерживали те, кто выдвинулся в годы опричнины: ведь Романовы — родня первой жены царя Ивана, кое-кто из их родственников были опричниками, а отец Филарета — Никита Романович постоянно занимал высокое положение при дворе грозного царя. Но и пострадавшие от опричнины могли считать Филарета своим: среди его родни тоже были казненные в годы опричных репрессий, а у Никиты Романовича была стойкая популярность заступника, умевшего умерить гнев царя»¹. Так же в этой связи он указывает на сочувствие сторонников Лжедмитрия, поскольку Григорий Отрепьев был холопом Романовых и, взойдя на престол, первым делом возвратил Филарета из ссылки. Историк видит и сторонников В. Шуйского, заинтересованных именно в фигуре Филарета: «при этом царе все тот же митрополит Филарет Никитич участвовал в торжественной церемонии перенесения мощей невинно убиенного царевича Дмитрия, действе, которое должно засвидетельствовать, что убитый в Москве «царь Дмитрий» — на самом деле «росстрига», самозванец, принявший на себя имя святого и благоверного царевича. Еще С.Ф. Платонов писал, что в этом случае царь Василий играл святыней. Филарет хорошо помог ему в игре. Но и для главных противников Шуйского — тушинских казаков Филарет был своим человеком. В 1608 г. войска тушинцев взяли Ростов, где Филарет был митрополитом. С тех пор он и оказался в тушинском лагере то ли как пленник, то ли как почетный гость. Филарета в Тушине называли даже патриархом.

¹ Кобрин В.Б. Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX века. М., 1991. С. 183-184.

Недаром голос, поданный за Михаила Федоровича казачьим атаманом, был последним решающим голосом в пользу нового царя»¹. Обосновывая неслучайность выбора Михаила, В.Б. Кобрин отмечает, что род Романовых в лице Никиты Романовича, брата царицы Анастасии, еще в начале Смуты претендовал на русский престол. В итоге историк приходит к выводу, что род Романовых был поддержан всеми социальными силами средневековой России.

Отношение к первым представителям этой династии предвзято негативное, поскольку исследователь открыто называет их посредственностью. При этом обозначая, что для консолидации и успокоения страны нужны были именно такие личности, так как после упущенных возможностей (то есть попытке приблизить страну к правовому государству, которую он усматривал в правлении Б. Годунова, В. Шуйского, Владислава, и даже в акте избрания Михаила Романова), только здоровый консерватизм правления первых Романовых мог способствовать восстановлению государства. В данной ситуации историком был проявлен анахронизм, так как ни о каком правовом государстве, даже о зачатках данного явления в ситуации Смутного времени, не могло идти и речи, поскольку логика традиционных обществ с достаточно сильными религиозными взглядами, на которые указывает и сам историк, не допускала и мысли об этом феномене характерном исключительно для ситуативных современных обществ безрелигиозного типа. Значение избрания новой династии он видит в наступлении стабилизации и возобновлении чисто традиционного уклада жизни². К чему, собственно, и стремилось население Московской Руси после долгих лет распрей.

Таким образом, данная работа достаточно противоречива, так как, с одной стороны, В.Б. Кобрин, отчасти понимал логику мышления общества Московской Руси (это непосредственно видно из его высказываний), а с

¹ Кобрин В.Б. Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX века. М., 1991. С. 184.

² Там же. С. 185.

другой, следуя тенденциям времени, пытался дать объяснения всех процессов через устоявшуюся марксистскую концепцию, что зачастую приводило к определенному диссонансу.

Советский историк А.Л. Станиславский - доктор исторических наук, профессор, специалист по русскому средневековому обществу и Смутному времени в своей монографии «Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории»¹ частично затронул проблему избрания М.Ф. Романова. События, связанные со сменой династии, он рассматривал сквозь призму гражданской войны, то есть через противостояние сословий дворянства и казачества. Данное противоборство, по его мнению, достигает своего апогея на Земском соборе 1613 года, когда позиция дворянства разнится с мнением казачества по поводу претендентов на престол². А.Л. Станиславский утверждает, что именно казаки возвели Михаила Романова на престол, заставив присягнуть дворянство молодому царю: «Возражений И. Н. Романова («Тот князь, Михайло Федорович, еще млад и не в полном разуме») казаки не приняли («Но ты, Иван Никитич, стар, в полне разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожденный и ты ему крепкий потпор будеши») и в тот же день заставили перепуганных бояр присягнуть Михаилу Федоровичу»³. Так же, по словам историка, именно от данного сословия и исходило требование о воцарении законного и доброго царя. Легитимность Михаила они связывали с благословением, которое получил его отец от умирающего Федора. Кроме этого, большое значение играла деятельность Филарета в казачьем стане и отсутствие связей Михаила с интервентами.

Таким образом, А.Л. Станиславский вопрос избрания Михаила Федоровича Романова на царство рассматривал не как завершение Смутного времени, а как один из этапов гражданской войны, которая продолжалась до 1618 года из-за казачества, остро отстаивавшего свои права.

¹ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.

² Там же. С. 86-89.

³ Там же. С. 89.

Фактически на закате советского периода, когда происходит переоценка исторических событий, смена мировоззренческих основ и смягчается цензура, в журнале «Вопросы истории» выходит статья В.Г. Вовиной «Патриарх Филарет»¹, где автор раскрывает преимущества семьи Романовых перед остальными претендентами на престол в эпоху Смуты: древность рода, обширные земельные владения, отношение к династии Рюриковичей, родство «со многими боярскими и некоторыми княжескими фамилиями. Это был теперь мощный разветвленный клан: Черкасские, Шереметевы, Сицкие, Шестуновы и другие. "Вождями" этого клана были Романовы; после смерти в апреле 1586 г. Никиты Романовича главой стал Федор Никитич»². В своей работе В.Г. Вовина отмечает, что легенда о завещании трона Федору Никитичу не случайна и «возникла не на пустом месте», так как «еще С. Ф. Платонов показал, что в 1598 г. Федор Никитич был одним из претендентов на престол после смерти царя Федора»³. Историк подчеркивает, что уже в 1610 году Михаил Романов и Голицын были реальными претендентами на трон и сильными соперниками королевича Владислава, в некоторых кругах признанного царем. Таким образом, по словам исследователя, представитель семьи Романовых был избран не случайно, а вполне закономерно.

В.Г. Вовина в своей работе обратила особое внимание на важный аспект патриархальных обществ, отметив, что там «превыше всего ценилась верность традиции»⁴. В эпоху Смуты «был потерян ориентир, которым веками руководствовались люди. Возникло самое страшное для православного человека – соблазн. И как следствие его – "всеобщая шаткость"»⁵. Стабилизировать ситуацию в этих условиях могло только избрание законного

¹ Вовина В.Г. Патриарх Филарет (Федор Никитич Романов) // Вопросы истории. 1991. №7-8. С. 53-74.

² Там же. С. 55-56.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Там же. С. 59.

представителя. В.Г. Вовина отмечает, что «избрание православного царя Михаила Федоровича явилось апогеем единения сословий во времена Смуты»¹. Но все же она не видит в избрании Михаила завершение Смутного времени, поскольку считает, что «неспособный по молодости лет к самостоятельному правлению» царь не мог решить многих вопросов, так как был подвержен влиянию деятелей «романовского клана»². В этой связи историк пишет, что большим безоговорочным авторитетом и влиянием пользовался Филарет, который носил сан патриарха и государя: «Филарет являлся истинным государем, на котором лежало решение всех духовных и светских вопросов»³.

Автор отметил в своем исследовании сложность эпохи, раскрыл причины и приблизился к более компетентному объяснению избрания монарха, но фактически ввел читателя в заблуждение относительно патриарха Филарета, безусловно, сыгравшего большую роль в событиях тех лет, но все же не являющегося государем. Подчеркнем, что носителем короны и всех символов власти оставался только Михаил Федорович Романов, которого общество приняло как законного монарха и рассматривало как единственно возможного носителя власти. А Филарет выступал в качестве советника, обладающего священным саном патриарха, без советов которого не обходился царь, да и в принципе ни один правитель религиозноцентристского общества не мог игнорировать волю людей подобного статуса.

Еще один исследователь позднесоветского периода А.Б. Каменский, рассматривая историю династии Романовых, утверждал, что Михаил Романов не имел никакого отношения к семье Рюриковичей⁴. Исходя из этого, им негласно ставился вопрос законности правящего дома. Большого раскрытия

¹ Вовина В.Г. Патриарх Филарет (Федор Никитич Романов) // Вопросы истории. 1991. №7-8. С. 64.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 66.

⁴ Каменский А.Б. Были ли Романовы Романовыми? // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 186.

тема избрания Михаила Федоровича Романова на царство в его работе не получила.

Изучая темы подобного рода, как мы уже не однократно подчеркивали в нашем диссертационном исследовании, нельзя игнорировать важные аспекты, относящиеся к мировоззренческому основанию патриархальных религиозноцентристских обществ. Поэтому в данном свете актуально обратиться к словам В.С. Румянцевой: «В феодальной России в XVII в. господствующая религия в форме православия сохраняла свои позиции в идеологии как церковно-феодальной, так и народно-оппозиционной»¹. Общество, в свою очередь, ориентируясь на традиционные основания жизни, не только к религии, но и к монархии относилось соответствующе. И.Л. Солоневич описывал данный институт в русской культуре следующим образом: «Отличительная черта русской монархии, данная уже при ее рождении, заключается в том, что русская монархия выражает волю не сильнейшего, а волю всей нации, религиозно оформленную в православии и политически оформленную в империи»². Далее он подчеркивал: «Ибо монархия есть единоличная власть, подчиненная традициям страны, ее вере и ее интересам, иначе говоря, власть одного лица, но без отсбятинны»³. Интересно, что даже в западной историографии также проводились серьезные исследования в данной области. Достаточно доказательные идеи выдвигал Э. Х. Канторович, который писал, что, по мнению человека традиционного типа, «царь является совершенным *christomimētēs* также и в отношении власти, поскольку его власть – та же самая, что и власть Христа»⁴. Отсюда следует, что у монарших особ существует не одно тело, а целых два, то есть природное и политическое: «Его природное тело (рассматриваемое само по себе) есть смертное тело,

¹ Румянцева В.С. Тенденции развития общественного сознания и просвещения в России XVII века // Вопросы истории. 1988. №2. С. 26.

² Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010. С. 109.

³ Там же. С. 574.

⁴ Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015. С. 120.

подверженное всем превратностям природы и случая вплоть до младенческого или старческого слабоумия, как и прочим подобным бедствиям, случающимся с природными телами прочих людей. Но его политическое тело является телом, каковое не может быть видимо или ощущаемо в прикосновении, поскольку оно состоит из политики и правления и создано для руководства народом и поддержания общего блага; и это тело совершенно свободно от младенчества или старости и прочих природных недостатков и немощей, которым подвержено природное тело, и по этой причине то, что король совершает в своем политическом теле, не может быть лишено силы или оспорено на основании какого бы то ни было несовершенства его природного тела. <...> Политическое тело не только «более обширно и велико», чем тело природное; в нем еще таятся некие воистину мистические силы, уменьшающие или даже вовсе устраняющие несовершенства слабой человеческой природы»¹. Поскольку король имел два тела: одно природное бренное, а второе политическое, обладающее мистической силой, то совершенно закономерно можно было считать, что «Король никогда не умирает»², т.е. «вечность главы королевства и понятие о rex qui nunquam moritur – «короле, который не умирает никогда» - зависели главным образом от взаимодействия трех факторов: непрерывности Династии, корпоративного характера Короны и бессмертия королевского Достоинства. Эти три фактора причудливо соединялись с бесконечной чередой природных тел королей, с постоянством сохранения политического тела, представленного главой вместе с членами, и с бессмертием сана (т.е. главы самой по себе)»³.

Интересные замечания по поводу двойственности личности традиционных монархов высказывает американский исследователь М. Чернявский, конкретно работавший над темой русского традиционного общества и его мировоззрением. По поводу фигуры царя он писал, что его тело

¹ Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015. С. 74-75, С. 77.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 428.

воспринималась как человеческое, а его функция государственной власти как сакральная.¹

Краткий экскурс в западную историографию демонстрирует, что ничего эксцентричного, выходящего за пределы отечественной науки в суждениях отечественных мыслителей нет.

Власть в обществе необходима для поддержания порядка, так как любая организация независимо от времени и пространства ее существования, стремится к упорядочиванию. Если в современном обществе в результате процессов секуляризации и развития науки, техники, либеральной идеологии, правового регулирования управление народными массами осуществляется путем выборных, уполномоченных на это властных структур, то в традиционных обществах, чтобы избежать хаоса, управлять социумом должен был человек, уполномоченный сакральным началом, поскольку общество по своей сути являлось религиозноцентристским и стремилось к организации «жизни в соответствии с данным «образом действительности» (власть, социальная стратификация, хозяйственная жизнь, право, тип поведения т. д.)»². То есть можно сделать вывод, что у древних людей имелось особое монархическое правосознание, а ему «<...> присуща склонность воспринимать и созерцать государственную власть как начало *священное, религиозно освящаемое* и придающее монарху особый, высший, *религиозно осмысливаемый ранг*»³. К сожалению, данные рассуждения в советской историографии при изучении феномена избрания Михаила Федоровича Романова вообще не привлекались, что, несомненно, ограничивало исследовательский компонент и в полной мере не раскрывало и не объясняло сущности самого факта.

¹ Cherniavsky M. *Tsar and People: Studies In Russian Myths*. N.Y., 1969.

² Уваров П.Б. *Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции*. М., 2005. С. 78.

³ Ильин И.А. *О монархии* // Собр. соч.: в 10 т. М. 1994. Т. 4. С. 462.

Советская историография, как отметила В.С. Румянцева, недооценила значение традиций, что и приводило отчасти к нарушению принципа историзма.

Итак, можно сделать вывод, что советская историософия наложила своеобразный отпечаток на отечественную историографию.

После революции 1917 года происходит крушение дореволюционной концепции и становление нового марксистского теоретико-методологического подхода. События, связанные с избранием монархов, в том числе и Михаила, навязчиво рассматривались с позиции марксистской теории классовой борьбы, хотя с исторической точки зрения данные социальные структуры еще даже не существовали. А сам феномен избрания царей в период Смуты в некоторых работах трактовался как зачаток складывания правового государства, которое сложиться просто не могло в обществе с сильнейшими традиционалистскими настроениями. Не стоит забывать, что правовое государство предполагает обширную законодательную базу и разделение властных полномочий, а на данном этапе развития политической структуры правотворчество, исполнительная власть и контроль за всем этим было прерогативой монархов, поскольку только они находились у власти по воли Бога и, соответственно, имели право на данные полномочия. Н.И. Грачев по этому поводу пишет следующее: «И самое главное, правотворчество в этих условиях осуществляется не как специальная, ни, тем более, самая важная функция монарха, а в процессе реализации им других направлений деятельности: религиозной, организационно-хозяйственной, административной, военной, судебной, из которых складывается и которые составляют *единую монофункцию в условиях стабильного существования государства – поддержание и охрана установленного порядка, обеспечения соблюдения Основного Закона*»¹. В свою очередь Э.Х. Канторович считал: «В соответствии с доброй средневековой традицией, но уже и в новом,

¹ Грачев Н.И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практики государственного строительства традиционного сообщества. М., 2009. С. 129.

юридическом, понимании, государь воплощает саму идею правосудия, которое, в свою очередь, связано законом, но в то же время все-таки выше его, так как оно является целью всего права. Правит не государь, но правосудие правит посредством государя или в государе, являющемся одновременно и орудием правосудия, и *lex animata* – одушевленным законом»¹. Вышеизложенные умозаключения подтверждаются и законодательной базой Московского государства, действующей в XVI – XVII вв, например, в Судебнике Ивана VI сказано, что «царь и великий князь даст пристава, да судит царь и великий князь сам»². Стоит обратить внимание на то, что «в традиционных обществах, как правило, статус того, что современный человек называет правом, был крайне низок. <...> Во всех религиоцентристских обществах регулятором социальной активности был соответствующий «образ истинности», формировавший представления о смысле существования, ценностях, нормах и требовавший от человека императивного воплощения их в действительности»³. «В «образ истинности» П.Б. Уваров включает системное представление индивида об окружающем мире, осознание своего места в мире через выбор предельного допущения о природе реальности. «Образ истинности» задаёт особую систему координат и эталонов, что способствует эффективной ориентации человека в мире и среди людей. На социальном уровне экзистенциальный выбор личности закрепляется социокультурным окружением, исторической эпохой и спецификой этнокультурных отношений. На персональном уровне «образ истинности» закрепляется семейным воспитанием, и непосредственным окружением»⁴.

1 Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015. С. 174.

2 Судебник 1550 года // Российское законодательство X-XX веков. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. URL: http://yakov.works/acts/16/2/pravo_02.htm (дата обращения: 23.06.2019).

3 Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М., 2005. С. 123-124.

4 Балакин В.С., Загребин С.С. Русь и Россия: теория и история цивилизационной эволюции в XI – XX вв. Челябинск, 2018. С. 36.

По мнению советских историков, Михаил не был достаточно яркой фигурой, естественно и пристального внимания виду данного обстоятельства не удостоился. Большую роль в этот период отводили Филарету, который, по словам исследователей, был чуть ли не основным субъектом в политических перипетиях Смуты.

В советское время, особенно в первой его половине, монаршим особам не уделялось должного внимания, только после ослабления идеологического давления на интеллигенцию во второй половине XX века стали рассматриваться цари-деятели, монархи же XVII века внимания так и не удостоились, из-за отсутствия, на взгляд исторического сообщества, ярких представителей. Хотя личные качества и способности монарха для средневековой коммуникативной матрицы были абсолютно не важны, поскольку земная власть должна была быть максимально схожа с властью небесной, а так как существовал поведенческий императив, жестко закрепляющий модели поведения и долженствования, то монарх фактически мог исполнять свои функции с рождения независимо от своих физических и психических возможностей. Жесткость марксистской историософии и формационного подхода мешала разрабатывать темы, которые были сопряжены с религиозными аспектами. А деятельность и тем более восхождение на престол правителей, в том числе Михаила Федоровича Романова, были непосредственно связаны с таковыми.

Таким образом, советская историческая наука сделала феномен избрания Михаила Федоровича на царство всего лишь нюансом в рамках исторического контекста русского средневекового общества, хотя как раз данное событие являлось наиболее важной составляющей в рамках завершения Смуты. Если мы понимаем, что Московская Русь была религиозноцентристским обществом, тогда осмелимся заметить, что историография советского периода, которая зиждилась на принципах «идеологизация — классовость — политизация», - где – «1. идеологизация (наделение любых культурных инициатив классово-значимыми целями); 2.

классовость (ограничение доступа к культурным ценностям по партийно-классовому принципу); 3. политизация (ориентация культурного развития в соответствии с политическими задачами власти)»¹, нарушает принцип историзма, игнорируя разнокачественность контекстов исследования и исследователя, что приводит к росту субъективности в исследованиях и к непониманию многих процессов протекавших в традиционных обществах.

2.2. Современная историография (начало 1990 -х гг. – 2010-е гг.)

В конце XX и начале XXI вв. в отечественной историографии возобновляется интерес к темам, имеющим отношение к личности и деятельности монархов XVII века. Это связано не только с происходящими событиями в нашей стране, но и с возможностью отхода от марксистского идеологизированного подхода, который был своеобразным препятствием в изучении отдельных вопросов. Л.П. Репина и Г.П. Мягков об этом пишут следующее: «Происходившие на рубеже 1980–1990-х гг. в России процессы открыли возможность актуализации и нового решения историографических проблем, которые в условиях господства в гуманитарных и социальных науках моноидеологии на протяжении большей части XX-го столетия были, по сути дела, «репрессированными»»².

На данном этапе развития историографии у современных ученых возникает интерес к фигуре Михаила Федоровича Романова. Исследователи стали интересоваться вопросами, связанными с причинами и значением его избрания. Они вслед за предшественниками продолжили по возможности поиск и сбор документов, стараясь переосмыслить события конца Смуты с новых неидеологизированных позиций.

¹ Загребин С.С. Проблема изучения культурной политики в динамике исторического развития: опыт историко-культурологического анализа // *Фундаментальные проблемы культурологии*. Т. VII. М., СПб., 2009. С. 199.

² Репина Л.П., Мягков Г.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // *Вестник Удмуртского университета*. Сер. 5: История и филология. 2014. Вып. 3. С. 139.

Одним из первых таких исследователей стал советский и российский историк евразийского направления Лев Николаевич Гумилев. В книге «От Руси к России»¹, вышедшей в 1992 году, затронул события Смутного времени. При этом вопрос избрания Михаила Романова рассмотрел с точки зрения традиционного общества несколько некорректно, поскольку писал: «Люди того времени полагали (и не без основания), что для уверенности в завтрашнем дне мало безликого правительства, а нужен один государь, который был бы символом власти и к которому можно было бы обращаться как к человеку»². В данном случае историк уводит читателя от полного понимания логики несовременного устройства, так как монарх в таких обществах, в отличие от современных, носил не символическую роль, а смыслообразующую. Тем более ни о каком «обращении как к человеку» речи идти не могло, поскольку монарх в понимании людей был помазанником Бога на земле, то есть фактически сакральной фигурой, главной задачей которой было поддержание привычного мироустройства. Идеи Л.Н. Гумилева о взаимоотношении власти и человека характерны в большей степени для современных западных цивилизаций, где руководители страны зачастую зависят от воли народа, с которым должны идти на определенный контакт. Рассуждая о фигуре первого Романова, Л.Н. Гумилев считал, «тихий и совершенно бесцветный человек, шестнадцатилетний Михаил Федорович Романов» устраивал все слои населения, поскольку «фамилия Романовых именно в силу того, что она никак не проявила себя в прежние времена и, соответственно, не имела никакой поддержки <...>. Казаки были настроены в пользу Михаила, поскольку его отец, друживший с тушинцами, не был врагом казачеству. Бояре помнили о том, что отец претендента происходит из знатного боярского рода и к тому же состоит в родстве с Федором Ивановичем, последним царем из рода Ивана Калиты. Иерархи церкви высказались в поддержку Романова, так как отец его был монахом, причем в сане митрополита. А для дворян Романовы были

¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 2002.

² Там же. С. 299-300.

хороши как противники опричнины. Итак, все сошлись на «нейтральном» и тихом царе»¹. Все-таки стоит отметить, что именно идея «удобства» в исследовании Л.Н. Гумелева выступает как основная, а смысловые легитимные основания он уводит на второй план, что вновь приводит к очередному изложению событий с нарушенной логикой контекста исследования.

После развала Советского Союза и смены государственной идеологии одним из первых историков, который занялся исследованием вопроса избрания Михаила Федоровича Романова на царство, стала Л.Е. Морозова. Она впервые опубликовала в журнале «Вопросы истории» статью о Михаиле Федоровиче, ставшую начальным звеном в многолетнем исследовании, посвященном этой исторической личности.

Л.Е. Морозова в статье «Михаил Федорович»² отмечает, прежде всего, необходимость избрания монарха в тех тяжелых условиях, так как «политическая, социальная, а затем и гражданская война обескровили страну. Казалось, что единая Русь перестает существовать. Общество разделилось на несколько враждующих группировок, исконно русская территория оказалась захваченной соседями, центральной власти не было, возникла реальная угроза потери независимости».³ Здесь нельзя не согласиться с историком в том, что «в этой ситуации гибель страны могли предотвратить всеобщее согласие и единение вокруг центра, олицетворением которого в то время была царская власть»⁴. Рассматривая вопрос об избрании именно фигуры Михаила Федоровича, а не других кандидатов на престол, о которых речь пойдет ниже, Л.Е. Морозова отмечает, что главными причинами избрания молодого царя являлись непричастность ни к одной авантюре Смутного времени и, самое главное, близость родства с прежней угасшей династией. На тот момент, по словам Л.Е. Морозовой, Михаил Романов являлся фактически единственной

¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 2002. С. 300-301.

² Морозова Л.Е. Михаил Федорович // Вопросы истории. 1992. №1. С. 32-47.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 32.

адекватной кандидатурой на престол. Она полностью опровергает версию, выдвинутую либеральными историками-классиками, а затем поддержанную советскими исследователями, по которой причина избрания юного царя заключалась в его молодости и податливости, «если бы дело обстояло именно так, то боярам совсем не нужно было бы выбирать царя, поскольку в период «семибоярщины» власть и так была в их руках»¹. Мы осмелимся отчасти не согласиться с данным утверждением, так как на тот момент вопрос состоял в легитимности правления. Народ не видел в «Семибоярщине» опору государства, для него было важно восстановить привычное им единовластие, и именно поэтому боярство не могло удержаться у власти ни при каких условиях. По мнению населения Московской Руси, только правление монарха, его воля и желание являлись справедливыми и правильными. Подтверждение данной мысли мы можем найти в фольклоре: «Без царя земля не строится», «Без царя — земля вдова», «Без царя — народ сирота», «Суд царев — суд Божий». Если же происходили в обществе катаклизмы, виновниками в них видели приближенных монарха «Жалует царь, да не жалует псарь», «Не князь грешит, а думцы наводят», «Не ведает царь, что делает псарь», «Царь гладит, а бояре скребуют», «Царские милости в боярское решето сеются», «Не боятся закона, боятся судьи»². В связи с вышеизложенным актуальным будет обратиться к исследованиям П.В. Лукина, изучающему народные представления о власти в XVII веке на основе «непригожих» или «непристойных» речей, которые выражали непосредственно мировоззренческую константу людей средневекового религиозноцентристского общества. Исследователь указывает, что преимущество данного источника заключается в том, что это прямая речь людей на расспросах различного рода, это помогает сделать достаточно компетентные выводы о видении населением структуры власти. П.В. Лукин пишет, что «неотъемлемым элементом народных представлений о царе было представление о великом государе как о

¹ Морозова Л.Е. Михаил Федорович // Вопросы истории. 1992. №1. С. 33.

² Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2002. С. 151-153.

своего рода истине в последней инстанции. Воплощением этих взглядов было право челобитья царю, которым жители Российского государства постоянно активно пользовались»¹. То есть из вышеизложенного мы можем сделать вывод, что власть в Московском государстве XVII века могла находиться только в руках монарха, а не группы высших бояр или иных лиц.

Л.Е. Морозова отмечает, что борьбу за московский престол вели «самые родовитые – князья В.П. Голицын и Ф.И. Мстиславский, полководцы-освободители Москвы Д.М. Пожарский и Д.Т. Трубецкой, принцы - польский Владислав и шведский Филипп-Карл <...>, а также «воренок Ивашка», сын Марины Мнишек и Лжедмитрий II»². Рассматривая возможных претендентов, историк пишет, что никто из них не мог реально стоять у власти в Московском государстве, так как царь нужен был такой, чтобы удовлетворял большинство, но никто из вышеперечисленных не устраивал население полностью. Каждого из кандидатов поддерживал тот или иной социальный слой, мечтающий о своей выгоде. Михаил Федорович в данной ситуации обладал большим преимуществом по отношению к другим соперникам, поскольку в стране существовали две непримиримые силы – казачество и дворянство, которые тянули и рвали Московскую Русь в разные стороны, а фигура Михаила Федоровича давала «возможность дальнейшей солидарной работы»³.

Опираясь на грамоты того времени, содержащими очень резкие ответы со стороны Михаила в адрес высшего сословия, которые не могли бы иметь место в случае его личностной subtilности, Л.Е. Морозова опровергает мнение некоторых исследователей о том, что он был человеком малодушным, безвольным и являлся игрушкой в руках старого дворянства. Кроме того, опираясь на исследования С.Ф. Платонова, Л.Е. Морозова отмечает, что власть Михаила не могла иметь ограниченный характер даже поначалу, так как ко времени прибытия царя в Москву Земский собор был уже распущен. Также

¹ Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 25.

² Морозова Л.Е. Михаил Федорович // Вопросы истории. 1992. №1. С. 35.

³ Там же. С. 36.

она опровергает слабость его правления, якобы заключающуюся в передачи боярам управления государством для своего спокойного проживания, о чем, собственно, пишут современник Г. Котошихин и ссылающийся на него историк В.Н. Татищев. Л.Е. Морозова, следуя тенденциям времени подчеркивает, что в той ситуации «выросло самосознание различных слоев населения и накал страстей в обществе. Управлять страной надо было иначе. Поэтому активное привлечение царем Михаилом Боярской думы и Земских соборов в самом широком составе нельзя считать проявлением слабости его власти <...>. В новом способе управления страной отразилось понимание Михаилом и его окружением ситуации в стране»¹. Все же стоит подчеркнуть, что «нового способа» управления страной не было, политическая организация после избрания осталась прежней, так как менять ее на тот момент не имело смысла, поскольку общество стремилось к привычному мироустройству. Но мы полностью разделяем мнение автора, считающего, что нельзя приуменьшать способности Михаила, да и в традиционных обществах они особой роли не играли, хотя многие историки как дореволюционного, так и советского периодов, не понимающие сущности монархического устройства и ситуации в стране в целом, зачастую пытались объяснить выбор государя с позиции его личностных качеств. Обращаясь к чертам характера юного царя, Л.Е. Морозова описывает его следующим образом: «тихий», «скромный», «благоверный», «христолюбивый» и «милостивый»², что в данном контексте также обрисовывает его с положительной стороны и ни в коем случае не умаляет его достоинств.

В своей статье историк не все вопросы, напрямую касающиеся избрания, рассматривает подробно. Л.Е. Морозова только косвенно упоминает о работе Земского собора, отмечая единогласие в выборе Михаила.³ И

¹ Морозова Л.Е. Михаил Федорович // Вопросы истории. 1992. №1. С. 39.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 36.

абсолютно не освещает отношение церкви к этому, хотя ее позиция в средневековом обществе играла одну из важнейших ролей.

Значение избрания Михаила Федоровича Романова Л.Е. Морозова видит в следующем: «За сравнительно небольшой срок его правительство решило труднейшие задачи: примирило враждующие группировки, отразило атаки интервентов, вернуло некоторые исконно русские земли, заключило с соседями мирные договоры, наладило в стране хозяйственную жизнь»¹. Мы полностью согласны с данными утверждениями, так как, на наш взгляд, действительно, после избрания Михаила прекратилась междоусобица и борьба за власть. Жизнь государства начала втягиваться в нормальное русло, народ стал успокаиваться.

В своем исследовании Л.Е. Морозова опирается на труды только дореволюционных историков: С.Ф. Платонова, В.О. Ключевского, В.Н. Татищева и других. Это свидетельствует о частичном возвращении к взглядам историков классического периода.

Таким образом, мы рассмотрели исследование Л.Е. Морозовой «Михаил Федорович», которое после долгого застоя в изучении подобных тем стало первым научным трудом в этой области, да еще и с явно выраженным отходом от стандартов советского историописания. Ее идеи и обновлённый стиль историописания также нашли свое отражение в докторской диссертации, защищенной в 2001 году².

Свои исследования Л.Е. Морозова продолжила совместно с А.В. Демкиным. В монографии «История России в лицах: Государственные деятели XVII века»³ они сделали попытку переосмысления некоторых вопросов, касающихся данной темы. Естественно, большое внимание было уделено кандидатуре Михаила Федоровича.

¹ Морозова Л.Е. Михаил Федорович // Вопросы истории. 1992. №1. С. 32.

² Морозова Л.Е. Смутное время начала XVII века в сочинениях русских современников: Дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. 367 с.

³ Морозова Л.Е., Демкин А.В. История России в лицах: Государственные деятели XVII века. М., 2001.

Л.Е. Морозова и А.В. Демкин пришли к выводу о том, что народ к концу Смуты нуждался в возврате прежних устоев, так как «упадок государственности, разруха и острый кризис во всех сферах жизнедеятельности общества, «разброд и шатание» в людских умах, падение нравственности, крушение национальных и религиозных идеалов, непрекращающаяся политическая и гражданская борьба внутри общества, иностранная интервенция»¹ приводили страну к гибели. Понимая атмосферу XVII века, историки отмечают, что покончить с этим хаосом могли только легитимные правители. Поэтому главную причину избрания именно Михаила Романова они видят в его приближенности к прежней династии Рюриковичей, что являлось наиважнейшим фактором для людей того времени, которые исходили из принципа, что источником власти является Бог, и управлять государством может только человек, наделенный этой властью, то есть легитимный правитель правящего рода; а если законная династия по каким-либо причинам пресеклась (в этом случае – династии Рюриковичей), значит эту обязанность должны были нести его ближайшие родственники по крови (на тот момент Романовы). М.Е. Морозова и А.В. Демкин выделяют также косвенные причины избрания Михаила: «Для аристократов Михаил был удобной кандидатурой во всех отношениях, поскольку со многими был в родстве по нескольким линиям: с Мстиславскими, Шуйскими, Катыревыми - Ростовскими, Буйносовыми, Репниными, Шестуновыми, Шереметевыми <...>»². Кроме того, молодой Михаил не был уличен в связях с «врагами Отечества». Имел поддержку казачества из-за их хорошего отношения к его отцу – тушинскому патриарху. Отсюда мы видим, что историки выделяют широкую социальную базу юного монарха (дворянство, казачество, а также простой люд), что, по их словам, давало большие преимущества перед

¹ Морозова Л.Е., Демкин А.В. История России в лицах: Государственные деятели XVII века. М., 2001. С. 6.

² Там же. С. 10.

другими кандидатами на престол, поддерживаемыми только какими-то определенными слоями общества.

Отношение к самой личности Михаила Федоровича прослеживается у историков в следующем высказывании: «В кровавое время взаимной ненависти, предательства и измены только такой человек с чистой душой и совестью мог объединить всех и вся для совместной созидательной работы».¹ Чтобы более усилить эмоциональную нагрузку и подчеркнуть как свое, так и отношение народа к этой кандидатуре Л.Е. Морозова и А.В. Демкин называют его уважаемым человеком².

Работу Земского собора авторы оценивают достаточно высоко, оперируя тем, что все члены (число которых было более 700) придерживались единого мнения о необходимости избрать новым царем Михаила Федоровича Романова. Л.Е. Морозова и А.В. Демкин указывают на то, что единство выборщиков в этом вопросе было достигнуто не сразу, так как на соборе выдвигались и другие кандидаты, но по разным причинам они были отвергнуты теми или иными социальными группами. Историки не характеризуют данных кандидатов, а лишь упоминают об их существовании, тем самым показывая, что Михаил не был единственной фигурой, выдвигаемой на выборах.

Завершая свои рассуждения об избрании Михаила Федоровича Романова на царство, Л.Е. Морозова и А.В. Демкин пишут, что с этим событием связано восстановление государственного управления, примирение враждующих группировок и объединение вокруг себя всех здоровых сил страны, отражение атак интервентов, заключение мирных договоров с соседями и в короткий срок восстановление стабильности и порядка.

Как уже упоминалось выше, в связи с изменившейся концепцией историописания, исследователи постсоветского времени вновь возвращаются

¹ Морозова Л.Е., Демкин А.В. История России в лицах: Государственные деятели XVII века. М., 2001. С. 7.

² Там же. С. 5-9.

к идеям дореволюционных историков. Ссылаясь на В.О. Ключевского, В.Н. Берха, П.Г. Васенко А.Е. Морозова и А.В. Демкин достаточно высоко оценили факт избрания Михаила Федоровича Романова, тем самым «реабилитировав» его в постсоветском пространстве. Таким образом, книга «История России в лицах: Государственные деятели XVII века» стала еще одной попыткой переосмысления событий Смутного времени с обновленной точки зрения.

Далее исследования в этой области Л.Е. Морозова продолжила совместно с А.А. Преображенским и Н.Ф. Демидовой, что указывает на актуальность данной темы. В книге «Первые Романовы на Российском престоле»¹ соавторы сделали попытку детально осветить эпоху XVII века, выделив при этом роль фигуры монарха в средневековом обществе, без понимания которой невозможно приблизиться к осмыслению контекста исследования. Г.А. Леонтьева в своем историографическом обзоре данной книги хорошо подмечает, что «в советский период монархи были либо предметом забвения, либо необъективной критики. Между тем необходимо по-новому подойти к деятельности русских монархов XVII в., объективно оценить их роль в истории России, показать личный вклад в исторический процесс. Именно эту задачу и поставили перед собой авторы этой коллективной монографии, использовавшие широкий круг источников, часть которых введена в научный оборот впервые, критически изучившие дореволюционную и современную историографию»².

Исследователи, изучая Смутное время, выделяют два этапа в возрождении страны: «Освобождение столицы от поляков стало лишь первым этапом борьбы за возрождение Русского государства. Второй этап – необходимость восстановления сильной верховной власти, которая отождествлялась в то время с царской. Только так можно было в то время

¹ Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на Российском престоле. М., 2011.

² Леонтьева Г.А. Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А. Первые Романовы на российском престоле // Вопросы истории. 1998. №11-12. С. 167.

вновь «строить Московское царство»».¹ Второе замечание очень важно для понимания сущности избирательного процесса, так как оно хорошо демонстрирует особенности узловых моментов в контексте событий конца Смуты.

А.А. Преображенский, Л.Е. Морозова и Н.Ф. Демидова дают краткое описание семьи Романовых, тем самым показывая ее древность, родовитость и, самое важное, принадлежность к царскому роду Рюриковичей, что и являлось основной причиной избрания Михаила: «Успеху избрания Михаила Романова способствовало не только то, что он приходился ближайшим из оставшихся в живых родственником царю Федору, но и то, что он принадлежал к одному из наиболее славных и знаменитых боярских родов»². Также, по их мнению, причина избрания рода Романовых связана с «большой симпатией и даже любовью у простых людей».³ Соавторы пишут о том, что впервые предложение об избрании Михаила Романова на царство было внесено патриархом Гермогеном еще в 1610 году, после свержения царя Василия и прихода к власти «Семибоярщины»⁴. Но в тот сложный период никто его не поддержал, поскольку Михаил Федорович был очень молод. Отсюда мы видим, что соавторы в данной работе акцентируют внимание на предложении избрать Михаила, внесённом впервые в 1610 году представителем высшего духовенства, а не в 1613, как в большинстве своем принято считать.

В своем исследовании историки достаточно подробно осветили деятельность Земского собора, отметив его пестроту. На нем, по их словам, присутствовали представители разных сословий: высшее духовенство, бояре, представители казачества, городские слои и даже черносошные крестьяне. Исследователи отмечают два этапа работы Земского собора: «Однако столь

¹ Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на Российском престоле. М., 2011. С. 45.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 48.

⁴ Там же. С. 40.

пестрый состав Собора на первом этапе работы стал причиной серьезных разногласий между участниками»¹. Каждая группировка выдвигала своих претендентов, и это привело к хаосу в данной ситуации, поэтому «чтобы как-то сдержать страсти, было решено прервать работу Собора на две недели и объявить по всей стране трехдневный пост»². После перерыва работа собора началась в более спокойном русле. На втором этапе было решено не избирать на престол никаких иностранцев, а выбрать из бояр знатных родов. Так и остановились на фигуре Михаила Романова. Кроме этого, А.А. Преображенский, Л.Е. Морозова и Н.Ф. Демидова делают акцент на том, что на собор было доставлено письмо, в котором называлось одно имя будущего царя, за ним следовало доказательство, что Михаил является ближайшим родственником последнего законного монарха Федора. Стоит подчеркнуть, что многие историки не считали эту версию доказанной и, соответственно, ставили ее под сомнение. По мнению исследователей, несмотря на молодость царя, у Михаила все же имелись большие возможности: «Знаменитые предки и обширные родственные связи давали Михаилу большие преимущества по сравнению с соперниками»³.

А.А. Преображенский, Л.Е. Морозова и Н.Ф. Демидова пишут, что не только возможности юного царя помогли ему взойти на престол, но и огромная социальная поддержка в лице знатных родов, казачества, городского населения и чернослободных крестьян.

Личность Михаила раскрыта исключительно с положительной стороны. Для усиления своей позиции историки акцентируют внимание на сложной судьбе монарха, детство которого «было очень тяжелым: с четырех лет его разлучили с родителями, лишили отцовского крова, он познал все тяготы жизни в отдаленных местах, в заточении, ведя полуголодное

¹ Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на Российском престоле. М., 2011. С. 46.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 48.

существование»¹. Ввиду этих обстоятельств они полностью опровергают высказывания некоторых именитых историков о том, что Михаил Романов был слабым, малодушным и беспомощным, так как, по мнению соавторов, эти выводы основывались на ложных источниках. Например, В.Н. Татищев, как нам известно, оперировал сведениями иностранцев и Г. Котошихина, а им в полной мере нельзя доверять, потому что они не понимали многих явлений русской жизни, верили всевозможным слухам и занимались измышлениями по политическим мотивам.

Историки в большей степени склоняются к точкам зрения В. Берха, П.Г. Васенко и С.Ф. Платонова, которые высоко оценивали личность и деятельность Михаила Романова. А.А. Преображенский, Л.Е. Морозова и Н.Ф. Демидова считают, что «переписка Михаила с Земским собором и временным правительством показывает, что он не был слабым человеком, малодушным и беспомощным – игрушкой в руках боярской знати, как его пытались представить некоторые современники (Г. Котошихин, автор «Псковского сказания», иностранные авторы)»². Также оперируя умозаключениями С.Ф. Платонова, исследователи ставят под сомнение выводы В.Н. Татищева об ограничении царской власти после избрания Михаила. По их словам, это невозможно, «поскольку ко времени его приезда в Москву Земский собор был распущен, Боярская дума в прежнем составе не существовала»³. Таким образом, никакого органа, который мог бы ограничить власть монарха, уже не было. По мнению исследователей, сама процедура «умоления Михаила на царство»⁴ не могла предусматривать каких-либо ограничений его власти, поэтому заявления некоторых историков о беспомощности Михаила как государя являются надуманными. Конечно, на наш взгляд, следует отметить, что на момент избрания Михаилу Федоровичу было всего шестнадцать лет, но

¹ Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на Российском престоле. М., 2011. С. 34.

² Там же. С. 56-57.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 58.

в данной ситуации это не уменьшает его достоинства, а наоборот, превозносит как умного правителя. Тем более, возраст шестнадцать лет в традиционных обществах не был сравним с детством в той мере, в которой мы понимаем его сейчас.

Значение избрания Михаила Романова на царство историки видят в следующем: во-первых «<...> юный правитель смог вывести Россию из глубочайшего кризиса и заложить фундамент для будущего успешного развития»¹; во-вторых, ввел постоянно действующий Земский собор, появившейся «не потому, что Михаил был лишен всей полноты власти, а потому, что без помощи широких общественных слоев преодолеть Смуту одному царю не удалось бы»². Г.А. Леонтьева отчасти солидарна с мнением данных авторов, относительно фигуры первого Романова. Который, по ее словам, «пассивным» правителем не был, как это принято считать, но все же «недоказуемо» и «несколько преувеличенной выглядит «самостоятельность» Михаила»³.

На наш взгляд, позиция соавторов выглядит достаточно репрезентативно, тем более если взять во внимание возраст и опыт других монархов, не удержавшихся у власти в период Смуты. В свою очередь, Михаил Федорович, благодаря своей дальновидной политике избежал ошибок Лжедмитрия I, не нарушал сложившихся традиций, не торопился сесть на престол, как Василий Шуйский, впоследствии признанный самоизбранным. Также Михаил «стремился быть милостивым и справедливым для всех, кто искал его защиты. Это позволило с самого начала правления заложить прочный фундамент для новой династии Романовых»⁴. Михаил, по их словам, использовал коллективные формы правления, так как понимал трудность и

¹ Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на Российском престоле. М., 2011. С. 58-59.

² Там же. С. 58.

³ Леонтьева Г.А. Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А. Первые Романовы на российском престоле // Вопросы истории. 1998. №11-12. С. 168.

⁴ Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на Российском престоле. М., 2011. С. 62.

сложность периода. На наш взгляд, это ошибочное суждение, навеянное эпохой демократических преобразований, так как не стоит забывать, что управлять государством на тот момент можно было только единолично, поскольку именно к этому и стремилось население при избрании царя. Возвращаясь к личности правителя, историки подчеркивают, что царская власть не сделала его деспотом и тираном: «На первом месте у него стояло осознание своей ответственности перед государством и народом, забота о благе страны и своих поданных»¹. Именно таким в идеале, по мнению людей традиционного общества, должен быть глава государства. Таким образом, А.А. Преображенский, Л.Е. Морозова и Н.Ф. Демидова во многом опровергли сложившийся в историографии миф о ребенке, который не мог управлять страной и был игрушкой в чужих руках. В рамках этой работы историки не раскрыли позицию церкви и не дали характеристику другим претендентам на престол. Возможно, это связано с какими-либо идейными соображениями. На наш взгляд, это является недостатком работы, так как, раскрыв очень хорошо одну сторону, они упустили в своем рассуждении не менее важный аспект, который мог бы разрешить оставшиеся вопросы. Г.А. Леонтьева достаточно высоко оценила данную монографию, отметив, что каждому автору удалось преодолеть «прежние идеологические штампы» и восстановить «истину о действительной личной роли первых Романовых, их значительном вкладе в историю России»².

Монография Л.Е. Морозовой «Россия на пути из Смуты: избрание на царство Михаила Федоровича»³ стала еще одной попыткой углубления в данную тему. Для понимания происходящих событий и последующего ответа на вопрос почему избрали именно Михаила Федоровича, а не других

¹ Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на Российском престоле. М., 2011. С. 59.

² Леонтьева Г.А. Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А. Первые Романовы на российском престоле // Вопросы истории. 1998. №11-12. С. 169.

³ Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005.

претендентов, она вернулась к истокам Смуты, указав на то, что после смерти Ивана Грозного не осталось потенциальных кандидатов на престол. Оставшаяся жена Ивана Васильевича Ирина Федоровна передала решение вопроса об избрании нового царя Земскому Собору. После чего и происходит усиление родового боярства, способствующее появлению кризиса под названием Смута. Осложнением стало то, что высшее сословие начало активно отстаивать свои политические права, а столкнувшись с противостоянием выбранных царей, проявило несогласие, выражающееся в интригах и заговорах, явно отразившихся на стабильности государства. Отсюда, причина Смуты «была не только в пресечении династии московских князей, но и в попытках сначала царя Бориса Годунова, а потом и Василия Шуйского законсервировать сложившуюся при дворе иерархию и остановить развитие русского общества. В итоге молодые представители знатных фамилий и городское дворянство, не имея перспектив для роста, поддержало откровенных авантюристов Лжедмитриев и сформировало при них свой двор»¹. По словам Л.Е. Морозовой, все это как раз помогло осознать и закрепить в умах населения идею о необходимом избрании легитимного царя.

Далее Л.Е. Морозова раскрывает ход Земского собора, опровергая мнение, что о нем можно было судить только по Утвержденной грамоте, чем грешили многие отечественные историки. Она считает, что это в корне не верно, так как Утвержденная грамота подписывалась еще долго после окончания Земского собора, а подписи под ней были далеко не все и вообще собирались без какой-либо системы. По ее мнению, «единственно достоверным источником, дающим представление о составе собора 1613 г., могут быть грамоты, рассылаемые от лица временного правительства в период подготовки и во время проведения этого собора, т. е. с ноября 1612 г. по март 1613 г.»². Само заседание Земского собора 1613 года проходило в сложной

¹ Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005. С. 85.

² Там же. С. 131.

обстановке. Там могло присутствовать до 500 человек, что свидетельствовало о достаточно представительном составе. Как и все предыдущие авторы, она пишет, что первым решением собора было не избирать иностранных принцев, а также «Маринку с сыном», а избирать государя только из московских родов. Вторым решением Земского Собора стало избрание Михаила Федоровича Романова, ближайшего родственника династии Рюриковичей.

Историк отмечает социальную разнородность Земского собора, делая акцент на количестве присутствующих на нем: «Таким образом, документально можно подтвердить, что на Земском соборе 1613 г. было от 40 до 50 представителей духовенства, 16 бояр и окольников, около 40 ополченческих воевод, большая часть которых была чашниками, стольниками и московскими дворянами, 19 приказных людей, 19 городских воевод и около 300 выборных от городов»¹. В данной связи «нет сомнений в том, что кандидатура М. Ф. Романова устраивала большинство членов Земского Собора: и прежних бояр (Михаил состоял в родстве со многими из них), и членов царского двора (его избрание гарантировало им прежнее положение), и представителей городов (не связанный с каким-либо политическими группировками он мог стать гарантом законности и справедливого порядка), и в какой-то мере ополченческих воевод (при молодом царе следовало ожидать быстрых продвижений по службе)»². Все это, по мнению автора, было немаловажными причинами избрания Михаила Федоровича Романова на царство.

В данной монографии Л.Е. Морозова заострила внимание на позиции духовенства, которое поддерживало молодого царя, видя в нем легитимного правителя.

Таким образом, монография Л.Е. Морозовой «Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича» подвела некий итог ее

¹ Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005. С. 137.

² Там же. С. 236.

предыдущим исследованиям, показав еще раз значимость и актуальность данной темы в современной исторической науке. Безусловно, положительной стороной работы явилось то, что исследователь привлек многочисленные источники, попытался на основе историографического анализа выявить разнообразие подходов в этой области и определить свою позицию, резко отличающуюся от советской школы. Л.Е. Морозова еще раз показала, что это тема нуждается в дальнейшем исследовании в силу ее сложности и неоднозначности. Но стоит отметить, что данная монография является предметом критики со стороны В.Н. Козлякова, который считает, что объем приведенных источников был не полон, а также автор не использовала в своем историографическом обзоре многие исследования, например, Л.В. Черепнина, Г.А. Замятина, А.А. Кизеветтера, новейшие исследования К.В. Петрова, И.О. Тюменцева. По словам В.Н. Козлякова, данная работа не может претендовать на научность, так как Л.Е. Морозовой было допущено много фактических ошибок¹. В данном случае критика В.Н. Козлякова, основана в большинстве своем на фактологической стороне вопроса. Историк не обратил внимание на имеющиеся, пусть даже незначительные, теоретические аспекты исследования и не взял во внимание тот факт, что Л.Е. Морозова попыталась сконцентрироваться на существенных особенностях традиционного общества, раскрыв с помощью них логику происходящих событий.

Интересные мысли по данному вопросу мы находим у российского историка, доктора исторических наук И.В. Поздеевой, которая, изучая печать и ее влияние на Российское общество начала и середины XVII века, отразила не только концептуальную основу произведений тех лет, но и сущность «царской идеи» в понимании людей средневековья. Изучая печатные издания начала XVII столетия, связанные с периодом Смуты и началом правления династии Романовых, историк отмечает, что «общая хозяйственная разруха во многом обостряла и церковно-идеологическую борьбу, выразившуюся прежде

¹ Козляков В.Н. Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича // Отечественные архивы. 2006. №2. С. 109-114.

всего в отстаивании «чистоты» православия как несокрушимой основы государственной власти. Именно книгопечатание, утверждавшее «царистскую идею», могло стать и действительно стало важнейшим, если не основным, орудием идеологической политики государства»¹. В термин «царская идея» И.В. Поздеева вкладывает то понимание власти, которое существовало и закрепилось в представлении патриархального человека, где главенствующую роль играли «отношения Божества к царю, что было особенно важно для актуальнейшего в начале XVII в. доказательства легитимности новой династии»². Анализируя литературу этого периода, историк подчеркивает: «как правило, эта проблема особенно подробно разрабатывается именно в тех случаях, когда царская власть получена не в результате прямого престолонаследия. Вот как формулируется эта тема в послесловии Октоиха 1618 г.: Бог печется о Михаиле Федоровиче «в законах божественных от юности воспитанном», «спасительного корене» «браздодержателе», об истинном «поборнике» благочестия, «богомудром» «царе и великом князе всея России самодержце». Но даже столь настойчиво повторяемой мысли о покровительстве всевышнего Михаилу Федоровичу, автору послесловия показалось недостаточно. В тексте подчеркнута, что Михаила Романова «сам Бог избра, яко верна стража», и «содержит» его своею «божественною десницею», «помаза его елеом радости паче причастника его» (л. 451-454). Не менее пышную и развитую формулу мы находим в послесловии Евангелия 1627 года. Здесь Михаил Федорович назван «верным слугой», Богом избранным и «святым елеом помазанным», хранителем и поборником православной веры, «благоверным, благородным, христоробивым», Богом «венчанным», «почтенным» и «превознесенным» и даже «возсиявшим» благочестием «всея вселенная в концех» (Л. 141-142 последней пагинации). Эти гиперболические похвалы выглядели вполне уместными именно

¹ Поздеева И.В. Первые Романовы и царистская идея (XVII век) // Вопросы истории. 1996. №1. С. 42.

² Там же. С. 43.

благодаря обязательному в первой части почти любого из аналогичных текстов изложению идеи богоданности всех особенных, сверхчеловеческих качеств царя, дарованных ему божественной Троицей»¹. Автор находит в текстах и второе обоснование легитимности Михаила Фёдоровича Романова, родство не только с угасшей династией Рюриковичей, но и с константинопольскими Василевсами, что было тоже не менее важно, поскольку именно от Византии мы переняли православную традицию: «Михаил Романов, «ревнуя» «благочестием просиявших царей» Константина и Елены, а также «добродетельных и духовных дел» князя Владимира, занимает престол после «великих государей – деда своего царя... Ивана Васильевича и дяди своего ... Федора Ивановича» (Миняя на сентябрь, 1619 г., л. 84, 86 последней пагинации; Послесловие Евангелия 1637 г. и др.). Постоянно звучащее напоминание об императоре Константине так же традиционно входит в основную аргументацию «исконности» «природного» царя, ведущего свой род от византийских императоров – правителей «второго Рима» и принесшего первенство в православном мире «Риму третьему и последнему» – Москве. «Византийское происхождение» Романовых, «отчичами» и «дедичами» которых были Рюриковичи, связанные с Византией непосредственным родством, – постоянная тема книжной публицистики всего XVII века»².

Историк считает, что концептуальная основа идеи значения власти в Московском государстве, хорошо проанализирована у Е.Ф. Тураевой в книге «Начало династии Романовых»³, где она рассмотрела причины избрания Михаила Романова, изложенные в «Утвержденной» грамоте, а также в Грамотах, разосланных в города. Как отмечает историк, в данных писаниях было особенно заострено внимание на традиционной идее Божественного

¹ Поздеева И.В. Первые Романовы и царистская идея (XVII век) // Вопросы истории. 1996. №1. С. 43-44.

² Там же. №1. С. 44.

³ Васенко П.Г., Платонов С.Ф., Тураева-Церетели Е.Ф. Начало династии Романовых. Исторические очерки. СПб, 1912.

промысла, который определил судьбу трона, а также на личностных качествах «природного» царя, избранного по приговору «всея земли», под которым понимались как географические, так и социальные признаки. Отсюда И.В. Поздеева на основе умозаключений Е.Ф. Тураевой и изученных печатных изданий XVII века приходит к выводу, что «новый царь избран именно по воле «всея земли», но «не по человеческому хотению» <...>, ибо «глас народа – глас Божий». Таким образом, «устаами» и «волею» «всея земли исполнился божественный промысел»¹. Рассматривая отражение сущности власти в печатных изданиях патриархального российского общества, И.В. Поздеева фактически обосновывает причины избрания Михаила Федоровича Романова и тем самым объясняет, почему на престоле удержался именно представитель данного рода, а, например, не Б. Годунов, В. Шуйский или другие. На наш взгляд, мнение историка о том, что убеждение о легитимности династии Романовых формируется у населения Средневековой Москвы в начале XVII века, в большей степени именно печатными изданиями для внедрения и закрепления в общественном сознании «царистской идеи» несколько некорректно. В данном случае мы не без оснований считаем, что шло не внедрение (поскольку за столь незначительное время общество не смогло бы воспринять такую концепцию, а феномен избрания монарха на царство показал именно преобладание этой идеи в умах людей пусть даже в несколько неструктурированном виде), а в определенном смысле формализация общественного мнения.

Таким образом, исследование И.В. Поздеевой в целом достаточно компетентно объясняет феномена избрания Михаила Романова, поскольку историк обосновывает сущность протекающих процессов не с точки зрения ценностей современного общества, а с учетом ценностных ориентиров традиционного религиозноцентристского общества, что является несомненным прорывом для отечественной исторической науки.

¹ Поздеева И.В. Первые Романовы и царистская идея (XVII век) // Вопросы истории. 1996. №1. С. 46.

В.Ф. Мамонов доктор исторических наук, активно интересовавшийся историей казачества, в 1999 году выпустил монографию «В дни мятежей и смут кровавых: Казачество во времена Смуты в Московском государстве на рубеже XVI – XVII веков»¹, где раскрыл роль представителей данного социального слоя в избрании первого монарха из династии Романовых. Он считает, что казачество приняло весьма активное участие в Земском соборе 1613 года, который подвел черту Смутному времени: «Казачье влияние на ход Земского собора 1613 года определялось двумя главными факторами. Во-первых, казацкие атаманы участвовали непосредственно в работе собора. Во-вторых, и это не менее важно, казацкие отряды, занимавшие Москву, были тогда в городе главной военной силой»². Тем более, как отмечает историк «<...> в Москве из примерно восьми тысяч ратных людей около четырех с половиной составляли тогда казаки»³. Вслед за предшественниками В.Ф. Мамонов подчеркивает, что кандидатов на престол, кроме Михаила Романова, было достаточно, среди них значились как представители знатных родов (И.В. Голицын, Д.М. Пожарский, И.И. Шуйский и другие), так и ставленник казачества, сын Лжедмитрия и Марины Мнишек. Но различные сословия могли сойтись только на юном Михаиле, так как «речь шла о представителе одной из лучших боярских фамилий, родственнике Ивана Грозного и Федора Иоанновича»⁴. Историк считает, что этот кандидат мог устроить казачество еще по многим причинам: «Во времена Смуты Романовы, как правило, были в одном лагере с большинством казаков. Они поддержали названного Дмитрия, митрополит Филарет был в оппозиции Василию Шуйскому, а затем фактически поддержал Лжедмитрия II, который сделал его даже патриархом»⁵. При чтении монографии складывается впечатление, что

¹ Мамонов В.Ф. В дни мятежей и смут кровавых: Казачество во времена Смуты в Московском государстве на рубеже XVI – XVII веков. Челябинск, 1999.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же. С. 83.

Михаил Федорович был избран исключительно по желанию казачества в обход всех остальных сословий. На наш взгляд, заявлять, что мнение казаков «по-видимому решило дело»¹, было весьма опрометчиво, хотя безусловно их поддержка играла большую роль в те сложные времена. В.Ф. Мамонов хорошо подчеркнул, что Земский собор 1613 года положил «конец надеждам польско-литовских интервентов на легальное порабощение России»².

Таким образом, данный вопрос был рассмотрен односторонне исключительно с позиций интересов казачества. Большого раскрытия эта тема в монографии не получила.

Интерес к семье Романовых проявил специалист в области генеалогии, доцент Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук Евгений Владимирович Пчелов. Он опубликовал ряд монографий: «Рюриковичи. История династии»³, «Романовы. История династии»⁴ и «Генеалогия Романовых. 1613 - 2001»⁵. Данные работы привлекают нас генеалогическим принципом написания, что позволяет прекрасно проследить древность рода Романовых, а также принадлежность к угасшей династии Рюриковичей. Историк прямо заявляет, что род Романовых составлял прямую угрозу власти Бориса Годунова, поскольку они были его потенциальными соперниками⁶. А неудачи кандидатур Рюриковичей на Земском соборе 1613 были лишь потому, что члены этой семьи «уже не воспринимались народом как члены правящей династии. <...> более важным оказалось родство именно с последними царями этой семьи, а не происхождение от одного с ними предка»⁷. Историк не раскрывает сущность избрания Михаила Федоровича Романова, как пишет он сам: «сознательно не

¹ Мамонов В.Ф. В дни мятежей и смут кровавых: Казачество во времена Смуты в Московском государстве на рубеже XVI – XVII веков. Челябинск, 1999. С. 84.

² Там же. С. 83.

³ Пчелов Е.В. Рюриковичи. История династии. М., 2003.

⁴ Пчелов Е.В. Романовы. История династии. М., 2003.

⁵ Пчелов Е.В. Генеалогия Романовых. 1613 – 2001. М., 2001.

⁶ Пчелов Е.В. Романовы. История династии. М., 2003. С. 20.

⁷ Пчелов Е.В. Рюриковичи. История династии. М., 2003. С. 387.

касаясь некоторых болезненных в современной ситуации вопросов, прежде всего проблемы престолонаследия»¹. Хотя именно проблема престолонаследия и легитимности власти более существенна для научного освещения, нежели голая фактология.

Данный цикл книг хоть и носит научно-популярный характер, но достаточно высоко оценивается в некоторых исторических кругах. И.Е. Горелов, перечисляя достоинства книги, которые мы можем безусловно увидеть, несмотря на ее нарративно-описательный характер, дает следующую оценку: «Таким образом книга является ценным справочником. <...> Книги Пчелова будут полезны не только любителям истории, но и профессионалам, которые найдут в них для себя немало новой и интересной информации»².

При изучении факта избрания Михаила Романова на царство не все исследователи современного периода придерживаются единой позиции. Явным оппонентом своих коллег по данной теме стал современный российский исследователь, публицист и писатель А.Б. Широкоград, написавший серию книг о Смутном времени. В монографиях «Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября»³, «Тайна Великой Смуты»⁴, «Бояре Романовы в Великой смуте»⁵ он осветил вопрос об избрании Михаила Федоровича Романова на царство.

А.Б. Широкоград, рассматривая тему избрания, подчеркивает, что сразу же после смерти законного правителя Руси начинается ожесточенная схватка за власть между представителями знати, в которую вступают бояре Романовы, активно поддерживаемые Русской Православной Церковью, действующей исключительно в своих интересах: «Эти церковники не могли не вступить в связь с мощным боярским кланом, соперничающим с кланом Годуновых»⁶.

¹ Пчелов Е.В. Романовы. История династии. М., 2003. С. 7.

² Горелов И.Е. Е.В. Пчелов. Рюриковичи. История династии; Е.В. Пчелов. Романовы. История династии // Вопросы истории. 2002. №11. С. 172.

³ Широкоград А.Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября. М., 2005.

⁴ Широкоград А.Б. Тайны великой Смуты. М., 2005.

⁵ Широкоград А.Б. Бояре Романовы в Великой смуте. М., 2010.

⁶ Широкоград А.Б. Тайны великой Смуты. М., 2005. С. 70.

Это борьба в дальнейшем способствовала избранию Михаила Федоровича Романова на престол.¹ А.Б. Широкоград, вслед за многими советскими историками особенно раннего периода, полностью опровергает древность и знатность этого рода, отмечая, что «на самом деле Романовы были до неприличия беспородны»². Он считает, что на протяжении существования русского государства им правили «природные князья Рюриковичи», а Борис Годунов и Михаил Романов являлись обидным исключением. Это, по нашему мнению, ошибочное заявление, поскольку «в 1613 году Русь «избрала» Михаила Федоровича. И так как избрание предполагалось «навсегда», то оба они так или иначе были связаны с прошедшим «всегда» с бесспорной или спорной, но все-таки принадлежностью к династии. «Прекрасноцветущий и пресветлый корень Цезаря Августа» в 1613 году имел в виду установить такую же бесспорность в прошлом, как это же имело в виду происхождение фараона от бога Ра или японской династии от луны»³. Кроме этого, А.Б. Широкоград считает: слух о том, что Федор на смертном одре завещал престол Федору Никитичу Романову, был далек от истины. Этот факт, по его мнению, придумали сами Романовы специально для легитимизации своего правления⁴. Немаловажной причиной избрания на царство представителя Романовых исследователь считает связь Филарета с «тушинским вором», из-за которой казаки и поддержали Михаила. Казачество, по мнению А.Б. Широкограда, сугубо асоциальный элемент, ставший единственной опорой Михаилу Федоровичу. Многочисленная знать, по словам исследователя, делала ставку на других претендентов, одним из которых являлся Дмитрий Трубецкой, «но он был слабый политик и бездарный воевода»⁵. Документы начала XVII века

¹ Широкоград А.Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября. М., 2005. С. 85.

² Широкоград А.Б. Тайны великой Смуты. М., 2005. С. 71.

³ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010. С. 133-134.

⁴ Широкоград А.Б. Тайны великой Смуты. М., 2005. С. 75.

⁵ Широкоград А.Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября. М., 2005. С. 360.

гласят: «царства добивался и Иван Никитич Романов»¹, но его не поддержала родня. По мнению А.Б. Широкограда, Дмитрий Пожарский участвовал в этой ожесточенной схватке за престол, хотя «как дореволюционные, так и советские историки утверждают, что Дмитрий Пожарский стоял в стороне от избирательной компании <...> но трудно предположить, что лучший русский полководец и серьезный политик мог безразлично относиться к движению шведского королевича или шестнадцатилетнего мальчишки, да еще и семейство которое с 1600 года участвовало во всех интригах и поддерживало всех самозванцев»². Наилучшим претендентом, по мнению А.Б. Широкограда, был именно Дмитрий Пожарский: «Не нужно иметь семи пядей во лбу, что бы понять, что самым оптимальным выходом из смуты было бы избрание государем славного воеводы, освободившего Москву и вдобавок прямого Рюриковича»³. Однако против Д. Пожарского сплотились все, поэтому он не смог взойти на престол. Автор придерживается точки зрения, которая проходит красной нитью в источнике «Арсеньевские шведские бумаги 1613-1615 гг.»⁴, что многие представители высшего сословия не хотели видеть на престоле Михаила Романова, поскольку имели определенные договоренности и своих ставленников, но им пришлось согласиться против их воли на эту кандидатуру из-за жесткого давления казачества: «13 апреля 1613 года шведский разведчик доносил из Москвы, что казаки избрали Михаила Романова против воли бояр, принудив Пожарского и Трубецкого дать согласия после осады их дворов»⁵.

Таким образом, избрание первого царя из династии Романовых сравнивается им с революцией, тождественной 1917 года: «Фактически в

¹ Широкоград А.Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября. М., 2005. С. 362.

² Там же. С. 364.

³ Там же. С. 364.

⁴ Арсеньевские шведские бумаги 1611-1615 гг. // Сборник новгородского общества любителей древностей. 1911. Вып. 5. С. 25-27.

⁵ Широкоград А.Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября. М., 2005. С. 361.

феврале 1613 г. произошел государственный переворот - воровские казаки силой поставили царем Михаила Романова. Разумеется, в последующие 300 лет правления Романовых любые документы о «февральской революции 1613 года» тщательно изымались и уничтожались, а взамен придумывались сусальные сказочки типа приведенной выше сказочки С.М. Соловьева»¹. Вообще А.Б. Широкоград считает, что историки мифологизировали роль Романовых как в годы Смутного времени, так и в последующее время тоже².

Рассматривая вопрос о работе Земского собора, мыслитель солидарен с С.М. Соловьевым о том, что ход собора был сложен и не гладок. Он полностью опровергает версию о единогласном принятии решения об избрании Михаила Романова, которая в дореволюционной историографии была господствующей. На наш взгляд, его позиция не корректна, поскольку Земские соборы XVII века работали по принципу Церковных соборов, где принцип большинства, принятый в современных обществах не действовал, то есть само решение на соборах в итоге принималось всегда единогласно всеми присутствующими членами.

По мнению А.Б. Широкограда, дореволюционные историки опирались только на русские источники, а это полной картины дать не могло, тем более «официальные царские историки описывали елейную историю, как весь собор, умиляясь, избрал на царство Михаила Романова. Любые иные версии в XIX веке грозили Сибирью. В XX веке у историков-монархистов в эмиграции не было цензуры, но они с восторгом повторяли сказки XIX века. Что же касается "прогрессивных" историков конца XIX – начала XX века, то их в основном мало интересовали подробности собора. В своих политических интересах они выпячивали сам факт созыва собора и то, что царь Михаил обещал править, в дальнейшем опираясь на волю последующих соборов. Таким образом обосновывалась утопическая идея проведения государственных соборов в

¹ Широкоград А.Б. Тайны великой Смуты. М., 2005. С. 282.

² Там же. С. 70.

России второй половины XIX – начала XX века»¹. Кроме этого, по словам А.Б. Широкограда, в историописании ситуация осложнялась и тем, что «русские самодержцы были вольны уничтожать свои архивы и насиловать своих историков. Но существуют и архивы других государств»², которые восполняют пробелы в исторической памяти и способствуют более глубокому изучению данного аспекта. Доверяя иностранным источникам, исследователь не берет во внимание тот факт, что они не отражают российскую действительность в полном объеме, поскольку мировоззренческая основа Западного общества в эпоху XVII века уже заметно отличалась от Московского. Иностранцы относились к Москве достаточно враждебно, что также не добавляло достоверности их изложению. А.Б. Широград ставит вопрос о подлинности избирательной грамоты, которая являлась основным источником изучения темы избрания Михаила Федоровича: «Чтобы убедиться, что избирательная грамота является фальшивкой достаточно взглянуть на подписи под ней. Грамота помечена маем 1613, но в грамоте боярами названы Дмитрий Пожарский, И.Б. Черкасский, И.И. Одоевский, Б.М. Салтыков, а между тем первые два получили боярство 11 июля 1613, а два последних в декабре 1613. Формально грамоту подписали представители от пятидесяти городов и уездов, многие города подписаны одним человеком, хорошо еще, если дворянином, а то и посадским человеком»³.

Таким образом, А.Б. Широград считает: «Фактически в Москве и не было правомочного Земского собора. По официальной версии, 14 апреля 1613 г. собор постановил составить утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова»⁴, полностью аналогичную грамоте, составленной при Борисе Годунове, и, по сути, являющуюся «фальшивкой»⁵. Данным

¹ Широград А.Б. Тайны великой Смуты. М., 2005. С. 276.

² Там же. С. 277.

³ Широград А.Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября. М., 2005. С. 362.

⁴ Широград А.Б. Тайны великой Смуты. М., 2005. С. 278.

⁵ Там же. С. 278.

заявлением он ставит под сомнение всю работу Земского собора 1613 года и легитимность новоизбранного на нем царя. Последующее после избрания прошение бояр у Михаила возглавить российское государство, он считает своеобразны «представлением».

Позиция по отношению к самой фигуре монарха у А.Б. Широкограда крайне негативная: «Увы, это был недалекий мальчик, который наблюдал за ходом российской истории из окна своего терема и покидал его, лишь отправляясь в церковь и в редких случаях для присутствия на официальных церемониях»¹. Кроме этого, мыслитель называет его «ничтожной личностью» со «слабостью ума». Данное замечание по поводу фигуры монарха некорректно, так как способности правителей в данный исторический период, как мы уже отмечали не раз, были желательны, но не играли основополагающей роли: «Человек в средние века рассматривался не как уникальное, неповторимое сочетание физических, психических и поведенческих черт, которые определяют его индивидуальность, но как соединение, причем механическое, признаков, обусловленных его врожденной принадлежностью к тому или иному социальному слою»². В этом русле также необходимо подчеркнуть, что в рамках традиционного общества существовала определенная этика межсословных отношений, обязательная для строгого соблюдения и непосредственно исполнения своих функций, которая передавалась по наследству, т.е. «поведение каждого человека изначально укладывается в определенные границы и оценивается обществом по тому, насколько данный индивидуум способен «держаться в рамках» предписанной для него поведенческой модели. А эта модель, как уже отмечалось, определялась врожденной принадлежностью к той или иной социальной группе, характеризовавшейся набором строго фиксированных ценностей и запретов, определявших те «границы», которые человек ни в коем случае не должен был переступать под страхом небесной кары,

¹ Широкоград А.Б. Тайны великой Смуты. М., 2005. С. 279.

² Ванина Е.Ю. Средневековое мышление: индийский вариант. М., 2007. С. 308.

государственного и кастового наказания, общественного осуждения».¹ Причем это касалось как правителя, так и любого другого человека. Таким образом, личностные качества конкретного индивида были абсолютно не важны, что совершенно не учитывал в своем исследовании А.Б. Широкоград. Хотя при всем этом, он достаточно корректно, против устоявшегося мнения о шестнадцатилетнем возрасте, заявляет, что для Московской Руси это уже не детство, поскольку юноши намного раньше вступали во взрослую жизнь.

Подводя итог событиям Смуты, он пишет: «Избрание Михаила ставило Россию в крайне неблагоприятное положение»². А «управление государством инокиней резко нарушало писанные и неписанные светские и церковные законы. Но возражать этому никто не смел, поскольку Смута надоела всем классам населения России, за исключением разве что «воровских» казаков. Здоровый организм выздоравливает сам по себе, без врача или при враче, который не особенно вредит пациенту. Приблизительно такая ситуация сложилась и в России в 1613 – 1620 гг. И если бы «кроткого» Михаила заменили матерчатой куклой, в истории России мало что изменилось бы. <...> Если убрать монархические взгляды Сергея Михайловича и царскую цензуру, то вышесказанное можно сформулировать так: Россия ушла от монархий Запада и приняла турецкую (восточную) форму правления»³.

Труды А.Б. Широкограда носят научно-популярный характер с ярко выраженным патриотическим содержанием, характерным для советского историописания. Ряд современных ученых подвергают критике его исследования, считая, что они чрезмерно тенденциозны, имеют много неточностей, устаревших сведений, вымысла и вторичности.

Таким образом, книги А.Б. Широкограда дали импульс для новых научных дискуссий по вопросам Смутного времени, выразившихся в появлении новых исследований в ответ на «придуманную историю».

¹ Ванина Е.Ю. Средневековое мышление: индийский вариант. М., 2007. С. 270.

² Широкоград А.Б. Тайны великой Смуты. М., 2005. С. 280.

³ Там же. С. 290-291.

Интересную позицию по итогам Смуты мы находим у доктора исторических наук Е.И. Кобзаревой, которая считает, что избрание Михаила фактически не было единогласным, так как «перед взорами новгородцев чередовались представители официальных властей, самозванцы и реальные претенденты на русский престол, чьи кандидатуры, включая Карла Филиппа, фигурировали на избирательном Земском соборе в феврале 1613 г.»¹. По мнению историка, новгородское общество было расколото на две части. Одна из которых поддерживала уже имеющегося царя, другая, возможно, не оставляла мысли об избрании на новгородский престол шведского ставленника или сознательно вела двойную игру: «Таким образом, с лета 1613 г., оказавшись не в состоянии сплотиться и изгнать шведов из города, новгородцы формально делали ставку на избрание шведского королевича на русский престол, при этом, очевидно, идея создания Новгородского государства во главе с Карлом Филиппом не пользовалась особой популярностью. Нельзя с большой уверенностью говорить, были ли у новгородцев далеко идущие планы создания самостоятельного Новгородского государства или они понимали, что таковое вряд ли может уцелеть в процессе русско-шведского мирного урегулирования, и в основном пытались выиграть время, не принося присягу Густаву II Адольфу. Новгородцы или действительно дожидались прибытия представителей других русских земель, или, прикрываясь фразами относительно возможности избрания стокгольмского представителя на русский престол, сознательно вели двойную игру, с одной стороны, направив посольство для переговоров в Выборг, а с другой – фактически идя по пути сближения с Москвой»².

Одним из своеобразных трудов современной эпохи стала монография доктора исторических наук Л.Б. Сукиной «Первые Романовы. Жажда власти и любви»³, в которой она частично затронула проблему избрания Михаила

¹ Кобзарева Е.И. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613-1617) // Отечественная история. 2006. №5. С. 16.

² Там же. С. 20.

³ Сукина Л.Б. Первые Романовы. Жажда власти и любви. СПб., 2007.

Федоровича Романова. Следует отметить, что книга написана в научно-популярном стиле, но в рамках нашего исследования для получения более полной картины понимания или непонимания данного феномена в современной историографии на нее также следует обратить внимание. Л.Б. Сукина опирается на научные труды дореволюционных историков, а также отражает позицию и некоторых современных авторов, что в рамках данной работы представляет для нас основной интерес.

В исследовании Л.Б. Сукиной на первый план выходит характеристика личности царя. По ее словам, монарх обладал «приятной наружностью. Окружающих привлекали мягкость выражения его лица и ласковый взгляд»¹. При этом автор четко выражает свое мнение по поводу его способностей: «Михаил, хотя, по общему мнению современников и историков последующего времени, и не обладал выдающимися государственными способностями, был умен, умел себя вести в обществе и расположить к себе собеседника, доброжелателен в общении с семьей и придворными. Производя внешне впечатление слабохарактерного человека, он тем не менее был способен к самостоятельным решениям и, когда это было необходимо, высказывал резкие суждения».² Отсюда видно, что автор крайне не согласен с представлениями некоторых историков о том, что молодой царь был слабохарактерным, не обладал выдающимися государственными способностями и имел слабый ум.

Л.Б. Сукина достаточно подробно освещает работу Земского собора, принципиальным решением которого была позиция нахождения у власти именно русского человека. По ее мнению, это не внесло ясности в ситуацию, так как отсутствовал единый законный наследник, а правами на престол обладали многие представители боковых ветвей Рюриковичей³. Ход собора осложнялся тем, что выборы велись нечестным путем, т.е. имелся реальный

¹ Сукина Л.Б. Первые Романовы. Жажда власти и любви. СПб., 2007. С. 21.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 9.

факт траты казны на подкуп голосов выборщиков. Подчеркнем, что этот аспект раскрывают далеко не все историки.

Социальная опора данного монарха, пишет историк, была достаточно обширна, поскольку Михаил, пользовался поддержкой как знатных родов, так и простого люда, но «выбор в пользу Михаила Романова произошел под давлением представителей рядового населения России»¹. Это связано с тем, что «в сознании русских людей XVII в., независимо от их социального статуса, присутствовало представление о "Боге и государе" как о высшей ценности»².

Вслед за своими коллегами Л.Б. Сукина не обошла вниманием и других претендентов на престол, но остановилась лишь на их перечислении без какой-либо эмоциональной оценки.

Существенным недостатком этой работы является выделение всего лишь одной причины избрания Михаила Федоровича, по которой его выбрали из-за принадлежности к одному из старейших и знатнейших родов российского государства. Хотя ранее она же подчеркивала: таковых было достаточно много. Поэтому данное обстоятельство не объясняет в полной мере выбор этой кандидатуры. Также историк лишь скупо обмолвилась о том, что в результате этого события завершилась Смута.

На наш взгляд, работа Л.Б. Сукиной «Первые Романовы. Жажда власти и любви» носит описательно-повествовательный характер и имеет направленность на гуманизацию истории, а не на существенное раскрытие теоретических вопросов.

Интерес к теме мы находим также в трудах советского и российского историка и писателя В.Н. Балязина, который в своей книге «Неофициальная история России. Иван Грозный и воцарения Романовых»³ подчеркнул не

¹ Сукина Л.Б. Первые Романовы. Жажда власти и любви. СПб., 2007. С. 11.

² Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 35.

³ Балязин В.Н. Неофициальная история России. Иван Грозный и воцарения Романовых. URL: <http://www.rulit.me/books/ivan-groznyj-i-vocarenie-romanovyh-read-80024-1.html> (дата обращения: 09.06.2018).

случайность выбора представителя рода Романовых. По его словам, члены этой семьи в XVI – XVII веках оказывали сильнейшее влияние на политику: «Между тем были в Москве два рода не княжеского происхождения, которые пользовались громадным влиянием при последних царях и по значению своему ничем не уступали знатнейшим Рюриковичам и Гедеминовичам. Это старые слуги князей московских: Романовы и Годуновы... В минуту смерти царя Федора было несколько Романовых, сыновей Никиты Юрьевича Романова. Из них самым выдающимся слыл Федор Никитич Романов. И он, и все его братья в это время были известны под именем Никитичей»¹. Опираясь на исследования В.Г. Вовиной, по большей части которую и цитирует, В.Н. Балязин склоняется к мнению, что все-таки реальное управления государством лежало на Филарете, которому и уделяет основное внимание, игнорируя кандидатуру Михаила Романова. Описывая политические события тех лет, историк отмечает, что «оставшиеся в Москве победители-ополченцы создали общероссийское правительство, облеченное всенародным доверием. В январе 1613 года в Москве собрался Земский собор, на котором присутствовали все те, кто формировал «Совет всей земли», и, кроме того, представители крестьян. Собор единогласно постановил: «никого из немецкой веры и никаких иноземных государств на Московское государство не избирать»². Он пишет, что на соборе были и другие претенденты, но «каждая из этих кандидатур была почему-либо отвергнута, и вдруг совершенно неожиданно появилось имя Михаила Романова, потому что пришло оно не от членов Собора, а от людей, стоявших за стенами кремлевских палат»³(курсив наш). В данном случае, если автор претендует на научность своей работы, фактологической стороны изложения вопроса без компетентного объяснения просто недостаточно. Некорректным выглядит заявление, что кандидатура

¹ Балязин В.Н. Неофициальная история России. Иван Грозный и воцарения Романовых. URL: <http://www.rulit.me/books/ivan-groznyj-i-vocarenie-romanovyh-read-80024-1.html> (дата обращения: 09.06.2018).

² Там же.

³ Там же.

Михаила обозначилась «неожиданно», поскольку на протяжении своего изложения он так или иначе пытался показать неслучайность появления этой фамилии среди кандидатов. Как и многие другие историки при изучении этой темы В.Н. Балязин ссылается на широкую социальную базу: «Кроме того, имя Михаила Романова было предложено во многих письмах дворян, купцов, обывателей городов, казаков и поддержано участниками Земского собора. Как только Михаил был избран на Соборе царем, его кандидатура была поддержана огромной толпой москвичей, собравшихся на Красной площади»¹.

Таким образом, данная монография не раскрывает существенных вопросов истории, а всего лишь описывает популярным языком события прошлых лет. Из чего мы делаем вывод, что эта работа носит научно-популярный характер и предназначена для широкого круга читателей, не имея при этом претензий на классическую научность.

Доктор исторических наук Вячеслав Николаевич Козляков со студенческих лет интересовался историей Смутного времени. По данному периоду он защитил дипломную работу, посвященную первому ополчению, кандидатскую и докторскую диссертацию, а в 2007 году выпустил монографию «Смута в России. XVII век»². Но данный исследователь интересен тем, что написал монографию «Михаил Федорович»³, посвященную родоначальнику династии, которая вышла в книжной серии «Жизнь замечательных людей». Рассматривая данную тематику, он супротив некоторым советским историкам очень подробно описал род Романовых, где указывал, что еще с древности предки Михаила Федоровича относились к высшему сословию. Опираясь на исследования А.А. Зимина⁴, отметил то, что именно предок Михаила Федоровича М.Ю. Захарьин исполнял роль «ока

¹ Балязин В.Н. Неофициальная история России. Иван Грозный и воцарения Романовых. URL: <http://www.rulit.me/books/ivan-groznyj-i-vocarenie-romanovyh-read-80024-1.html> (дата обращения: 09.06.2018).

² Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007.

³ Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2010.

⁴ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

государева»¹. А «род Кобылиных происходил «из коренных московских (и переславских) землевладельцев»»². В.Н. Козляков подчеркнул, что «род Кошкиных-Захарьиных давно находился в составе первостепенного боярства, но родство с царским домом сразу же возвышало всю семью в иерархии местничества и облегчало членам рода прохождение по чинам»³. Кроме того, «дети Никиты Романовича приходились двоюродными братьями и сестрами царю Федору Ивановичу, что сразу же выделяло их среди другой знати»⁴. Так же он указывает, что данная родовая ветвь, а точнее некоторые его представители, пользовались большой популярностью и известностью⁵. В процессе своей работы В.Н. Козляков приходит к очень важному и значимому выводу: «Для сознания человека начала XVII века принцип престолонаследия, основанный на родстве, был самым главным залогом устойчивости династии»⁶(курсив наш). Таким образом, мы еще раз можем убедиться, что фактор родства важен для возврата в сложившуюся систему координат, так как именно данное легитимное основание создает преемственность между монархами, а также между правителем и обществом, о чем и пишет историк: «Имя Михаила Романова, хотя и косвенно, но могло олицетворять такую преемственность. Это и была в 1613 году главная объединяющая идея, фундамент компромисса, позволившего достичь относительного замирения после стольких лет междоусобной борьбы»⁷. Он так же, как и предыдущие историки и мыслители, отмечает, что на престол было много кандидатов, но ни один не удостоился всенародной поддержки, так как не подходил по тем или иным параметрам. Кроме этого, историк указывает на давний характер политических амбиций рода Романовых, акцентируя внимание на ключевой

¹ Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2010. С. 14.

² Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 175; Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2010. С. 11.

³ Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2010. С. 17.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Там же. С. 31.

роли патриарха Филарета, который еще при Лжедмитрии II строил политические планы. Вслед за А.Л. Станиславским и другими советскими исследователями В.Н. Козляков считает, что доминирующим сословием в выборе Михаила Романова было казачество.

Как уже излагалось выше, после крушения советской власти отношение к правителям XVII века в корне меняется, В.Н. Козляков стал не исключением. В своей монографии он положительно отзывается о фигуре Михаила Федоровича, используя уменьшительно-ласкательный лингвистический ряд, называя его «юным недорослем», «Мишей», «которому едва исполнилось пятнадцать лет»¹. Вот тут и назревает противоречие. Сам историк ранее писал, что именно с этого возраста дворяне были годны к государственной службе и могли беспрепятственно выполнять возложенные на них функции. То есть это умозаключение идет в разрез с мнением историка о монархе, которого он считал «юным недорослем», априори малолетнем и соответственно неспособным к управлению государством, хотя Михаил был по меркам того времени уже достаточно взрослым мужчиной, способным принять на себя ответственность. Кроме этого, если примем во внимание факт, что для средневекового общества возраст монарха не имеет значения, то подобные высказывания о нем будут казаться достаточно абсурдными.

Автор все-таки чувствует мировоззренческую конъюнктуру общества того времени, отмечая, что население принимает легенду о том, что Федор Иванович видел преемника в «отпрыске рода бояр Романовых», а «для историка иногда не столь важно, существовала ли какая-либо основа того или иного легендарного известия. Главное, что таким рассказам верили»². Рассматривая настроения московского люда, в этот период он подчеркивал, что радость после избрания была действительно неподдельной, так как в выборе монарха люди видели надежду «на замирение Московского

¹ Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2010. С. 30.

² Там же. С. 31.

государства»¹. Однако, по его словам, после избрания, волнения еще прокатились по Московскому государству, поскольку там «оставалось пока немало мест, где не признавали решения избирательного земского собора о выборе в цари Михаила Федоровича»², но достаточно быстро они стали утихать. Началась активная присяга новому царю. Этому способствовала работа Освященного собора, пользовавшегося в обществе безграничным авторитетом, во главе которого стоял митрополит Кирилл³. Для быстрой присяги Михаилу Романову, включающей в себя не только служение и верность ему, но и отказ от каких-либо других претендентов на престол, в города были отправлены грамоты об избрании царя⁴ и крестоцеловальные записи⁵ от лица Освященного собора.

Таким образом, работа В.Н. Козлякова носит безусловно научный характер, поскольку в ней достаточно компетентно объясняется феномен избрания Михаила Федоровича Романова на царство, несмотря на незначительные неточности, упомянутые выше. В.Н. Козляков оказался одним из немногих историков, кто чувствует контекст исследования и не старается навязать мировоззренческую основу исследователя, что непосредственно для исторической науки является крайне важным и ведет к правильной интерпретации тем подобного рода.

Тему Смуты осветил советский и российский писатель-публицист, кандидат технических наук Валерий Евгеньевич Шамбаров. В монографии «Рождение династии, или Тайна воцарения Романовых»⁶ он отводит целую главу факту избрания Михаила Романова. Вслед за профессиональными историками он пишет, что борьба за власть между знатными родами начинается сразу после смерти последнего представителя Рюриковичей: «По

¹ Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2010. С. 46.

² Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 435.

³ Там же. С. 433-434.

⁴ СГГид. Т. 3. №4. С.11-14.

⁵ СГГид. Т. 3. №5. С.14-15; ДАИ. Т. 2. №1. С.1-2.

⁶ Шамбаров В.Е. Рождение династии, или Тайна воцарения Романовых. М., 2011.

близости к царскому роду выше всех котировался Романов, по родовитости — Рюриковичи, Шуйские, Гедиминовичи – Мстиславские, Голицыны, Вельские, очень высоким был «рейтинг» у чингизида Симеона Бекбулатовича, которого Грозный временно сажал на трон, да еще и женатого на Мстиславской. <...> Потенциальными претендентами на престол являлись двоюродный брат царя Федор Романов, глава Боярской думы Федор Мстиславский, Василий Шуйский, Симеон Бекбулатович, Василий Голицын»¹. В.Е. Шамбаров отмечает и желание некоторых сословий и территориальных единиц, например, Новгород, видеть на престоле иноземных претендентов. В этой связи, исследователь пишет, Россия разваливалась и необходима была легитимная власть. Для решения проблемы «в январе 1613 г. стали съезжаться делегаты на Земский собор. Приглашались выборные от всех сословий: дворян, духовенства, посадских (горожан), стрельцов, казаков, чернососных и дворовых крестьян. Каждый уезд должен был прислать 10 – 30 делегатов (например, двиняне – 20 от посадских и крестьян, 5 от служилых и 5 от духовенства) с наказами избирателей, чтобы говорить о царском избрании «вольно и бесстрашно»². В.Е. Шамбаров подчеркивает: работа Земского собора началась с православного поста, что непосредственно важно для религиозноцентристского общества, поскольку в христианстве пост являлся наилучшим средством для подготовки к высшему соединению с Богом, который для них являлся реальностью³. Действительно, данное мероприятие не простая дань традиции, а значимый аспект для общества традиционного типа, так как, в понимании людей того времени, только по воли Бога они могли выбрать легитимного по всем основаниям монарха. «Собор открылся после трехдневного строгого поста и молебнов – чтобы Бог вразумил делегатов сделать правильный выбор»⁴. Тут же он отмечает: ко времени открытия

¹ Шамбаров В.Е. Рождение династии, или Тайна воцарения Романовых. М., 2011. С. 78-79.

² Там же. С. 165.

³ Костяев А.И., Максимова Н.Ю. Современная Российская цивилизациология: подходы, проблемы, понятия. М., 2008. С. 206.

⁴ Шамбаров В.Е. Рождение династии, или Тайна воцарения Романовых. М., 2011. С. 165.

Земского собора осталась только одна кандидатура – Михаил Романов, так как Василий Голицын был в плену, а Мстиславский себя опорочил. Как и другие исследователи, публицист ставит вопрос о том, кто же реально поддержал данную кандидатуру, какие слои населения были против. В этой связи он опровергает закрепившееся мнение о том, что бояре хотели видеть на престоле Михаила из-за глупости и неопытности: «Байку <...> пустил в свое время Костомаров со ссылкой на П.И. Мельникова, якобы видевшего такое письмо. Но Мельников потом это опроверг, а байка осталась. На самом деле именно бояре выступали против Романова. Однако и между собой не могли договориться и ухватились за кандидатуру шведского Карла Филиппа – что не понравилось служилым и казакам»¹. Исследователь считает, что из-за сложившейся неопределенной ситуации и отсутствия единой поддержки Михаила на соборе появлялись другие кандидаты: Трубецкой, Черкасский, Воротынский, «воренок». В.Е. Шамбаров отрицает мнение некоторых исследователей о том, что в государи метил Дмитрий Пожарский, считая это клеветой, поскольку «князь хорошо понимал, что избрание ему не светит, а избыточным честолюбием не страдал. Даже в грамотах ярославского Земского совета он подписывался десятым, уступая первенство более родовитым, а под Москвой уступил номинальное первенство Трубецкому»². Публицист пишет, что Земский собор решил преодолеть сложившуюся ситуацию неопределенности, отправив «Боярскую думу «на богомолье». И без нее выработалось первое общее постановление – не искать на царство иноземцев и «воренка». Тут уж для Романовых открылась прямая дорога. К их партии примкнули родственники – Черкасские, Лобановы, Троекуровы, Михалковы, Вешняковы, Шереметевы. Поддержали их Троице-Сергиев монастырь, казаки, дворяне, купцы»³. Кроме того, по словам исследователя, казачество считало Михаила Романова «своим царем». Еще в его пользу сыграла непричастность

¹ Шамбаров В.Е. Рождение династии, или Тайна воцарения Романовых. М., 2011. С. 165.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 166.

ни к одному лагерю, отсутствие личных счетов, а также большой авторитет Филарета.

В. Е. Шамбаров считает: сам Михаил и его мать не хотели брать на себя подобную ношу, но делегаты отметили, «что если мать и сын откажутся, то Русь и церковь без царя окажутся в окончательном поругании от «поганых» и Бог за это с Романовых взыщет. И после долгих уговоров наконец уломали. В стране началась новая династия»¹. Необходимо подчеркнуть, что при изложении событий тех лет публицист достаточно хорошо чувствует роль, которую оказывали церковь и религия на средневековое общество. Хотя даже некоторые профессиональные историки, особенно советские, зачастую игнорируют этот факт.

В.Е. Шамбаров, как и другие исследователи, дает Михаилу Федоровичу неоднозначную характеристику. С одной стороны, он пишет, что Михаил не был готов управлять государством и после избрания находился под влиянием инокини Марфы, а затем – Филарета, который впоследствии разобрался со всеми проблемами государства. С другой, «добросовестно относился к своим обязанностям, заслушивал доклады руководителей приказов, вел официальные приемы, присутствовал на заседаниях Думы, хотя решения готовили другие. Михаил был очень набожным, строго соблюдал предписания Церкви, ежедневно посещал богослужения и регулярно выезжал на богомолье в различные монастыри. Но и повеселиться любил в свободное время»².

Итогом Смутного времени, по мнению В.Е. Шамбарова, было избрание Михаила Федоровича, который «принял Россию в хаосе, полной разрухе и нищете, в окружении атакующих отовсюду врагов. А сыну оставил могучую, богатую и благоденствующую державу»³. Он отметил, что хоть с избранием Михаила и воцаряется новая династия, общество в полной мере не сразу

¹ Шамбаров В.Е. Рождение династии, или Тайна воцарения Романовых. М., 2011. С. 167.

² Там же. С. 308.

³ Там же. С. 580.

осознано окончание Смуты, поскольку еще на протяжении многих лет шла присяга новому государю.

Таким образом, работа В.Е. Шамбарова интересна предпринятой им попыткой объяснить события конца XVII века с учетом важного религиоцентристского аспекта, что приближает исследователя к пониманию происходящих событий тех лет.

Отчасти тема избрания нашла свое отражение и в работах А.В. Красницкой, областью интересов которой являлась история Земских соборов. В кандидатской диссертации на тему «Земские соборы как важнейший политико-правовой институт в процессе укрепления государственности Московской Руси XVII в.»¹ и статье «Земский собор 1613 г. по выборам нового царя и его влияние на формирования российской государственности после Смуты начала XVII в.»² исследователь отразила сложность избирательного процесса, отмечая разногласия как среди различных сословий, так и среди различных территорий: «Получалось, что в одном месте желают польского королевича, а в другом – шведского»³.

Желание некоторой части населения видеть на престоле Владислава и Карла-Филиппа в своих работах А.В. Красницкая обосновывает не только политическими причинами, но и убеждением в том, что Смута может быть завершена лишь с избранием «государьского сына». Под понятием «государьского сына» исследователь понимала наследников правящих домов, кем и являлись иноземные принцы. Это вроде как отражает понимание сущности власти в патриархальных обществах, где действительно принцип кровного родства с правящим домом имел огромное значение. Но стоит

¹ Красницкая А.В. Земские соборы как важнейший политико-правовой институт в процессе укрепления государственности Московской Руси XVII в.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012; Она же. Земские соборы как важнейший политико-правовой институт в процессе укрепления государственности Московской Руси XVII в.: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

² Красницкая А.В. Земский собор 1613 г. по выборам нового царя и его влияние на формирования российской государственности после Смуты начала XVII в. // Право и государство: теория и практика. 2011. №5(77).

³ Там же. С. 113.

отметить, что для населения Московской Руси была важна не просто особа царских кровей, а необходим был факт родства с конкретной династией Рюриковичей. А.В. Красницкая считает, что понимание населения о необходимости выбора царя появилось исключительно «под влиянием событий Смуты»¹, что само собой является неверным, поскольку общество с самого начала междуцарствия стремилось к единовластию в лице законного царя. По мнению историка, идея «государьского сына» не оправдала себя, т.к. после победы над поляками население осознало, что «утверждение порядка в стране возможно и без «государьского сына». События лета 1612 г. и начала 1613 г. можно рассматривать как «процесс падения кандидатуры «государьского сына» или как торжество кандидатуры своего»². Автор считает, что из представленных боярских родов наиболее приемлемой и компромиссной для всех стала фигура М.Ф. Романова, поскольку ее «выдвинул патриарх Гермоген. Возможно, учитывалось, что положение духовенства при этом государе могло улучшиться, поскольку отец Михаила был митрополитом»³. Также причинами избрания Михаила стала популярность рода, поддержка посадского торгово-ремесленного населения и обширное вотчинное и поместное землевладение.

А.В. Красницкая идет в разрез с классическими трактовками о близком родстве Михаила Романова с династией Рюриковичей. Она вслед за Э.В. Соколовой⁴ пишет, что семья Романовых принадлежала лишь ко второй линии боярства и не относилась к прирожденным потомкам удельных князей, а всего лишь считала себя таковыми. Хотя по факту они действительно на тот момент

¹ Красницкая А.В. Земский собор 1613 г. по выборам нового царя и его влияние на формирования российской государственности после Смуты начала XVII в. // Право и государство: теория и практика. 2011. №5(77). С. 114.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 114.

⁴ Соколова Э.В. Эволюция сословно-представительной власти в России с середины XVI до середины XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2007; Она же. Эволюция сословно-представительной власти в России с середины XVI до середины XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2007.

являлись ближайшими кровными родственниками прежней династии, то есть были «прирожденными».

По мнению автора, итогом избрания Михаила Романова, с одной стороны, явилось сохранение старой традиционной самодержавной формы правления, с другой, «стали проявляться совещательные, в форме земских соборов, методы осуществления государственных функций, что отличало данный период от периода Ивана Грозного. Тем самым был определен новый этап развития Московского государства»¹.

Таким образом, умозаключения А.В. Красницкой в вопросе избрания Михаила Романова, на наш взгляд, можно считать недостаточно компетентными, поскольку в них некорректно отражено понимание сущности традиционного общества, заключающееся в наложении мировоззренческого контекста исследователя, структурно отличающегося своей логикой и основанием, на контекст исследования, что ведет к бессознательным ошибкам в трактовке темы.

К 400-летию юбилею династии Романовых было издано множество публикаций и монографий. В сентябре 2012 года в рамках серии «Российские князья, цари, императоры»² вышел выпуск, посвященный Михаилу Федоровичу Романову, под авторством Александра Савинова.

Александр Савинов, рассматривая данную тематику, выделяет несколько причин избрания Михаила Федоровича Романова. Во-первых, указывает на авторитет Филарета и, соответственно, на популярность рода: «В этой сложной обстановке, авторитет Филарета, пострадавшего во времена Годунова, был чрезвычайно высок. Гонения укрепили народное уважение к Романову, украсив митрополита венцом мученичества»³. Во-вторых, обращает внимание на ряд пунктов, выдвинутых Земским собором,

¹ Красницкая А.В. Земский собор 1613 г. по выборам нового царя и его влияние на формирование российской государственности после Смуты начала XVII в. // Право и государство: теория и практика. 2011. №5(77). С. 115.

² Савинов А. Михаил Романов. Сер.: Российские князья, цари, императоры. №6. М., 2012.

³ Там же. С. 14.

относительно кандидатуры будущего монарха: «Ему не следовало обладать большим семейством и обширным родством; он не должен быть замешанным в «общинные ссоры» и иметь врагов в среде боярской аристократии; перед коронацией ему надлежало принять условия, предложенные Земским собором»¹. Как раз одним из таких кандидатов и был Михаил Федорович, поскольку его репутация «была чиста, и его избрание на царство вызвало единодушное одобрение»². В-третьих, историк указал на желание Гермогена, видеть на престоле Михаила Федоровича, которое непосредственно также влияло на выборщиков.

Исследователь, как и большинство других современных историков, двойственно относится к фигуре Михаила Федоровича, поскольку, с одной стороны, он писал, что «мягкий характером и богобоязненный Михаил вовсе не был слабым и безвольным человеком»³, с другой, считал Михаила не наделенным «талантом выдающегося государственного деятеля»⁴, но все же сумевшего остановить Смуту, что и явилось итогом его избрания. По мнению историка, авторитет перед людьми Михаил Федорович заслужил, отказавшись «от авторитарного способа правления. При решении государственных дел он опирался на мнение Боярской думы и Земских соборов, что обеспечивало ему поддержку со стороны общества»⁵. В данном дискурсе мы должны подчеркнуть, что поддержка населения связана была, прежде всего, не с его «либеральной» (если так можно выразиться) политикой, которая свойственна для современных обществ, а с верой людей в законного представителя, занявшего свое место по праву рождения.

Таким образом, работа А. Савинова по большей части написана в нарративно-повествовательном стиле без попытки разобраться в логике патриархального общества XVII века, понимание которой способствует более

¹ Савинов А. Михаил Романов. Сер.: Российские князья, цари, императоры. №6. М., 2012. С. 18.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 21.

компетентному объяснению данного феномена. В работе прослеживается видимый отказ от советской историографической традиции и частичное возвращение к дореволюционным основаниям, но также заметно и сильное влияние современной политической мысли, что опять уводит науку от понимания сущностных особенностей религиозноцентристского общества.

В данном ключе необходимо выделить работу Б.Н. Флори «Избрание царя Михаила»¹. Его исследование интересно историографическим обзором советской научной литературы по этой теме. Историк, обращаясь к изучению феномена избрания, отмечает расхождение между вновь открывшимися и официально признанными источниками относительно желания разных социальных слоев видеть того или иного кандидата на престоле. Б.Н. Флоря, используя советскую историографическую традицию, объясняет неудачи других кандидатов резким ультимативным характером действий казаков². В этом вопросе он считает, что «выступление казаков, несомненно, сыграло важную роль в избрании Михаила Романова, так как положило конец возможным поискам других кандидатов»³. В месте с тем историк отмечает, что значение выступления казачества не стоит преувеличивать, так как «к 21 февраля 1613 года очень значительная часть русского общества связывала с именем молодого кандидата надежды на возвращение к мирной жизни, разрушенной Смутой»⁴. То есть Б.Н. Флоря не исключает желание некоторых бояр видеть царем Михаила Романова: «возможно, у приехавших из Ярославля членов Боярской думы были другие планы, но в сложившемся положении они не могли противостоять внешнему давлению, тем более что есть основания думать, что и среди членов думы были сторонники этого кандидата»⁵.

По его мнению, большая часть населения Московского государства поддерживала Михаила из-за связи «между последним царем династии

¹ Флоря Б.Н. Избрания царя Михаила // Родина. 2013. №2. С. 2-7.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 7.

Рюриковичей, после смерти которого в стране скоро прекратилась нормальная жизнь, и его молодым племянником отражала в сознании общества стремление к возвращению к нормальной жизни, некогда существовавшей и надолго исчезнувшей, тем более что этот 14-летний племянник никак не участвовал в событиях Смуты и тем легче было связывать с его образом свои ожидания. Имел значение и тот авторитет, который приобрел в сознании русских людей его отец Филарет, который на переговорах под Смоленском упорно отстаивал интересы Русского государства»¹.

Б.Н. Флоря на основании исследования А.П. Павлова² отмечает, что работа Земского собора проходила в два этапа. На первом этапе бояре не участвовали в работе Земского собора, а этим термином «обозначались дети боярские во главе с Трубецким и Пожарским, входившие в состав временного правительства – «Совета всей земли»»³. А казаки, в свою очередь, выдвигали нескольких кандидатов в цари: А.Т. Трубецкого, М.Ф. Романова, Д.М. Черкасского. На втором же этапе Земского собора принимали участие уже все слои населения, а казаки настойчиво выдвигали только М.Ф. Романова, поддерживаемого на тот момент и другими категориями населения. Данные изменения в приоритетах ученый видит в энергично развернутой «агитации романовского клана» в пользу своего кандидата. Историк отмечает: возможности занять российский престол были и у иностранных претендентов, поскольку в этих союзах многие бояре, а то и целые территории видели выгоду. Например, по словам Б.Н. Флори, из-за сложных отношений с соседними государствами и невозможности вести войну на два фронта, Д. Пожарский и его соратники занимали «твердую позицию» в выборе шведского королевича Карла Филиппа, при условии, если он примет православную веру,

¹ Флоря Б.Н. Избрания царя Михаила // Родина. 2013. №2. С. 6.

² Павлов А.П. «Совет всея земли» и избирательная борьба в 1613 г. // Смутное время и земские ополчения в начале XVII в. К 400-летию создания первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова. Рязань, 2011. С. 74-85.

³ Флоря Б.Н. Избрания царя Михаила // Родина. 2013. №2. С. 5.

но впоследствии «казаки осадили Трубецкого и Пожарского на их дворах и заставили их согласиться на избрание Михаила Романова»¹.

Таким образом, статья Б.Н. Флори соединяет в себе идеи как советской, так и современной историографической традиции, но так и не объясняет в полной мере сущности избрания Михаила Федоровича Романова на царство, несмотря на достаточно содержательную попытку переосмысления этого события с обновленной точки зрения.

К юбилею дома Романовых в журнале «Родина» опубликовал свою статью под названием «Демократия Смутного времени. Как проходил Земский собор 1613 года»² доктор исторических наук Д.В. Лисейцев. В ней он, по нашему мнению, слегка увлекся ценностями современного общества, перенес их на события XVII века. При рассмотрении периода завершения Смуты автор, не соглашаясь с официальными документами того времени, опровергает факт единогласного избрания Михаила. Он пишет, что «народ не торопился принять участие во «всенародном избрании», и его трудно винить в политической инертности: для участия в выборах следовало преодолеть сотни верст зимнего пути по стране, охваченной гражданской войной. Между тем московское правительство продолжало требовать присылки выборных»³. Отсюда, по словам историка, избрание первого Романова проходило без участия жителей Севера, Сибирского царства, Казани и Астрахани, Новгородской земли, Пскова, Смоленской земли, в данном акте могли принимать участие только те территории, которые находились «от Москвы не более чем на 400-500 верст, что по условиям того времени составляло около 10 дней пути»⁴. В следующей своей статье «Легитимность верховной власти в России в эпоху Смуты: к вопросу о статусе «выборных людей»»⁵ он

¹ Флора Б.Н. Избрания царя Михаила // Родина. 2013. №2. С. 7.

² Лисейцев Д.В. Демократия Смутного времени. Как проходил Земский собор 1613 года // Родина. 2013. №2. С. 14-17.

³ Там же. С. 14-15.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Лисейцев Д.В. Легитимность верховной власти в России в эпоху Смуты: к вопросу о статусе «выборных людей» // Российская история. 2014. №4. С. 146-154.

подчёркивает несоответствие подписей на соборе 1613 года и реальным его составом. Это наталкивает читателя на размышления о подлинности избрания. Более данную позицию в этом исследовании ученый не развивает. Рассматривая участников собора, Д.В. Лисейцев приходит к выводу: действительно, на Земском соборе 1613 года было большое число участников и по сословному критерию, перечисленному в «Утвержденной грамоте», и по числу представителей от разных земель Московского царства, что дает полное право говорить о достаточно большом количестве участников. Также он отмечает и множество желающих получить царский венец: кроме многочисленных боярских родов, иностранных претендентов, казацких ставленников, были не против стать венценосцами и Трубецкой с Пожарским. По его словам, даже после избрания находились приверженцы иностранных кандидатов, поэтому «настойчивые заявления официальных документов о том, что на соборе не могло быть и речи ни об иноземных кандидатурах, ни о сыне Марины Мнишек, вызывают сомнения»¹. Речь-то о них шла как в рамках избирательного процесса, так и в рамках предшествующих ему совещаний, что неоднократно заявляли отечественные историки на основе документов, но данные кандидатуры были практически сразу отклонены. В его работе, на наш взгляд, улавливается противоречие, с одной стороны, он отвергает единогласное решение об избрании, а, с другой, пишет о существовании двух непримиримых политических группировок. К первой, по словам Д.В. Лисейцева, относились «Мстиславский, Воротынский, Романов, Шереметев и Голицын», входившие «в состав «семибоярщины» – временного правительства». Ко второй группировке условно относились «князя Трубецкой, Пожарский, Пронский и Д. Черкасский – участники Первого и Второго ополчений»². Компромисс между двумя этими силами был практически не возможен, единственной точкой соприкосновения в данном

¹ Лисейцев Д.В. Демократия Смутного времени. Как проходил Земский собор 1613 года // Родина. 2013. №2. С. 16.

² Там же. С. 16.

случае могла выступить только фигура одного из рода Романовых¹, которую впоследствии и избрали. Подводя предварительный итог по данной работе, хотелось бы все-таки подчеркнуть, что автор, пытаясь опровергнуть устоявшееся мнение об единогласном выборе Михаила Романова, которое сложилось на основе официальных источников, непроизвольно соглашается с ним, отмечая, что при многочисленных претендентах, сойтись противоборствующие стороны могли только на кандидатуре Михаила Федоровича, которую впоследствии все же избрали единогласно.

Д.В. Лисейцев не согласен с мнением большинства историков в том, что избрание Михаила Романова было завершающим этапом Смутного времени или способствовало его прекращению, так как, на его взгляд, «страна в течение еще нескольких лет пребывала в тяжелейшем состоянии. Нарушения, допущенные при работе собора, ставили под вопрос легитимность нового монарха, несмотря на заверения правительства в том, что избрание царя прошло исключительно правильно и единодушно»². В итоге он приходит к выводу, полностью нарушающему принцип историзма, ведущему к абсолютному анахронизму, отмечая, что «Земский собор 1613 года имел все шансы стать не только поворотным моментом в Смутном времени, но и поворотным событием во всей российской истории. Однако попрание норм зарождающейся демократии, силовое – и лишь облаченное в видимость законного – решение вопроса о носителе верховной власти дали новый импульс гражданской войне, позволив Смуте затянуться еще на шесть лет»³. Встает закономерный вопрос: о какой зарождающейся демократии пишет автор, ведь этот феномен даже в зачаточном состоянии не мог присутствовать в традиционном обществе, так как мировоззренческая матрица данного общества принимала власть только легитимную по всем основаниям, т.е. монархическую, а народовластие в понимании средневекового человека

¹ Лисейцев Д.В. Демократия Смутного времени. Как проходил Земский собор 1613 года // Родина. 2013. №2. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 17.

нарушало иерархию божественного проведения, поэтому не могло существовать. Только монарх – помазанник Бога на земле, мог управлять государством, соединяя в себе метафизический и трансцендентный уровни бытия: «*Метафизический* уровень – значит находящийся за пределами физического мира, *трансцендентный* – то есть данный «свыше» и потому являющийся для всех частей и граждан государства *сакральным*, освященным и распространяющим свою *святость* на Верховную Власть и ее носителей. Эта *сакральность, освященность* есть общий имманентный признак подлинной, настоящей Верховной Власти, позволяющий ей устанавливать и поддерживать государственно-правовой порядок без принуждения и насилия, во всяком случае, постоянного или длительного»¹. Отсюда, главной функцией монарха как раз и являлось создание пространства определенности в обществе: «Первейшая задача (функция) изначального суверена (Верховной Власти) – упорядочить хаос первоначального состояния социума, сформулировать основной закон его жизни и придать в соответствии с этим Законом жизненной организации народа относительно законченные политико-правовые формы»². Кроме этого, именно «учредительная функция является первой прерогативой и, одновременно, *заданием* изначального суверена»³.

Итак, после долгих лет Смуты общество могло объединиться только лишь вокруг идеи законного царя, а не народовластия. В этой связи, становится актуальным заявление И.Л. Солоневича по поводу избрания Михаила Федоровича Романова на царство: «по существу это было избрание формы правления. Можно было бы сказать, что монархическая форма правления в России подверглась более или менее непрерывному «переизбранию». Нация всегда поддерживала монархию <...>»⁴. Таким образом, на основании вышеизложенного следует, что никаких других форм

¹ Грачев Н.И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практики государственного строительства традиционного сообщества. М., 2009. С. 53.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 113.

⁴ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010. С. 134.

правления на тот момент не могло существовать в Московской Руси, так как «имея в виду Россию XVII в., вряд ли можно говорить о народных представлениях о государстве отдельно от представлений о личности царя и сущности царской власти. Здесь, по-видимому, речь должна идти о единой (хотя и весьма сложной, состоящей из множества элементов) идеологической системе»¹.

На наш взгляд, странным является то, что выводы в более поздних статьях Д.В. Лисейцева зачастую противоречат его ранним исследованиям, которые по своей логике сильнее приближены к историческим реалиям Московской Руси. В статье «Россия после Смуты - время выбора»², которая была издана в соавторстве с доктором исторических наук Н.М. Рогожиным, прописано, что «народ также постоянно искал защиты и покровительства со стороны государства, которое персонифицировалось для него в фигуре государя. В ходе всех восстаний народ никогда не выступал против царя: бунты были направлены против бояр, чиновников, помещиков, но не против государя»³. Эта цитата прекрасно демонстрирует логику традиционного общества, исключая даже намек на демократические элементы, о которых пишет Д.В. Лисейцев в более поздних своих работах. Подчеркнём, что появление феномена самозванчества как раз показывает желание населения видеть на престоле истинного государя, «доброе царя». В статье уместно отмечается: «выборные, «неприродные» государи в глазах народа обладали меньшими правами на престол, нежели представители династий»⁴. Этот вывод позволяет нам задуматься о том, почему выборные государи эпохи Смуты не могли долго удержаться на престоле, а Михаил смог. Все просто потому, что они не являлись легитимными правителями в глазах средневекового общества,

¹ Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 28.

² Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М. Россия после Смуты-время выбора // Отечественная история. 2008. №5. С. 39-50.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 41.

где наиважнейшим признаком законности являлась кровная принадлежность к правящей династии. Данный аспект в более поздних работах Д.В. Лисейцев не отрицал.

Авторы обращают внимание на один из главных элементов традиционного общества – религиозность сознания русских людей. Историки пишут, что «на религиозной основе строилась и государственная идеология. Так, например, Смута и сопровождавшие ее беды толковались как Божье наказание»¹. Ссылаясь на документальные источники XVII века: «Новый летописец»² и «Сказание Авраамия Палицына»³, исследователи подчеркивают, что «<...> государственная идеология XVII в. стремилась придать избранию царя видимость проявления божественного провидения. Так, например, о выборе царя Михаила автор «Нового летописца», апеллируя к Библии, сказал следующее: «Бог не только царство, но и власть кому хочет, тому дает; и кого Бог призовет, того и прославит». Авраамий Палицын писал, что Михаил был «не от человек, но воистину от Бога избран». Правильное, всенародное избрание стало даже восприниматься как залог будущего спокойствия государства»⁴. В этом случае логика рассуждения отчасти совпадает с контекстом исследования за исключением следующих незначительных аспектов: во-первых, об идеологической составляющей в средневековом обществе речи идти не может, поскольку данный феномен с его концептуальной основой появляется гораздо позже, точнее будет использовать термин «мировоззренческая составляющая»; во-вторых, государство не стремилось создать видимость проявления божественной воли, данные события, безусловно, воспринимались как божественная воля. Например, в «непригожих речах», исследуемых П.В. Лукиным, очень часто

¹ Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М. Россия после Смуты-время выбора // Отечественная история. 2008. №5. С. 43.

² Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14/2. С. 23-154.

³ Палицын Авраамий. Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы и о бывших потом в России мятежах. М., 1822. С. 322.

⁴ Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М. Россия после Смуты-время выбора // Отечественная история. 2008. №5. С. 41.

встречается упоминание о Боге и государе, что дает нам полное представление о сакрализации власти в этот период. В народных представлениях, по словам П.В. Лукина, всплывала мысль о том, что власть царю дана от Абсолюта. Это также подтверждается и документами, относящимися к концу Смуты, например, «Утвержденной грамотой» 1613 года об избрании на Московское Государство Михаила Федоровича Романова, которая начинается со вступления: «Великаго Господа Бога Отца, страшнаго, и всесилнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свете неприступнем, в превелицей, и превысочайшей, и велелепной и святей славе величества Своего, сидящаго на престоле херувимстем с Превечным и Единородным Своим Сыном, Господем нашим Исусом Христом, и з Божественным и Животворящим Своим Духом, Им же вся освящаютца, единосущныя и неразделныя Троица, равно божественныя, и равночестныя, и равносопестольныя, и равносилныя, и равносоветныя, и равнодейственныя, и равносущныя, и соприносущныя, и собезначалныя, и единоначалныя, и трисоставныя, и неразделныя, в триех составах Единого Божества, Царя царствующим и Господа господствующим, непреодоленнаго и всякие силы крепчайшего, Им же царие царствуют и велицыи величаютца, сего в Троице приснославимаго Бога нашего недоумеваемыи и неведомыи судьбами и неизреченным премудрым промыслом всяко создание от небытия в бытие создаетца, и от несущих в существо приводитца, и от рода в род летами исчитаютца. От Него же приимша земля наша Руская своими государи обладаема быти; их же великих государей, царей Российских, корень изыде от превысочайшего цесарского престола и прекрасноцветущаго и пресветлаго корени Августа кесаря, обладающаго всею вселенною»¹.

Таким образом, судя по контексту работы, Д.В. Лисейцев и Н.М. Рогожин придают избранию Михаила Романова серьезное значение.

¹ Утвержденная грамота об избрании на Московское Государство Михаила Федоровича Романова. URL: https://ispovednik.org/официальные_документы_/utverzhdannaya-gramota-ob-izbranii-na-moskovskoe-gosudarstvo-mihaila/ (дата обращения: 23.06.2019).

Еще одна статья под названием «Карл Филипп или Михаил Романов?»¹ кандидата исторических наук Г. Коваленко, вышедшая в номере журнала «Родина», вызывает особый интерес. В данном исследовании ученый, опираясь на неопубликованный материал Г.А. Замятина, приходит к выводу: в своеобразных условиях «паралича власти», общество понимало, что ситуацию можно исправить только при помощи «государьского сына», и Новгород с его кандидатурой шведского королевича стал альтернативой Москве, которая выдвигала на престол польского королевича². Впоследствии, по мнению Г. Коваленко, именно Карл Филипп стал сильным соперником Михаила, поскольку его поддерживали Новгородская знать, нуждавшаяся в сильной власти, которую они искали у шведов, и знаменитый лидер Второго ополчения Дмитрий Пожарский. На основе вышеизложенного историк считает: «вполне вероятно, что если бы Густав II Адольф отпустил Карла Филиппа в Россию, то его кандидатура на соборе имела шансы на успех. Однако шведский король, не желая приносить территориальные интересы в жертву династическим, решил взять бразды правления в оккупированных Новгородских землях в свои руки. Поэтому он задерживал отъезд королевича. Когда он наконец разрешил ему поехать в Выборг, время было упущено, царем уже был избран Михаил Романов»³. Еще препятствием для коронации шведского принца стало не принятие им православия, важнейшего условия для восхождения на российский престол.

Изучая феномен избрания Михаила Федоровича Романова на царство, мы проанализировали труды современных авторов, связанные со Смутным временем. Отметим, что в некоторых работах лишь мельком отражена интересующая нас тема, но при этом имеются важные для понимания тезисы, в которых заостряется внимание на необходимости избрания легитимного по всем основаниям государя, поддержке Романовых церковью и монастырями,

¹ Коваленко Г. Карл Филипп или Михаил Романов? // Родина. 2013 №2. С. 24-26.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 25.

роли православных реликвий в ходе избрания, что, с одной стороны, может показаться незначительным, но с точки зрения теоретико-методологического плана является очень важной деталью в изучении данной проблемы. Подобные примеры мы можем увидеть в статьях Д.Г. Давиденко «Московский Симонов монастырь в годы Смуты»¹, Н.Н. Чугреевой «Казанская икона Богоматери и династия Романовых»², И. Михайловой «Вставайте, люди русские!»³ и др.

Современный историк Сергей Юрьевич Шокарев, выпустивший монографию «Смутное время в Москве»⁴, также отразил вопрос избрания Михаила. Его работа интересна отходом от марксистской историографической традиции и попыткой переосмысления прошлого с учетом нового либерально-демократического веяния.

Рассматривая события Смуты, он указывает, что на тот момент имелся «духовный кризис» в обществе, связанный с обстановкой распада традиционных связей и нарушением «существовавшего (или мыслившегося) порядка и общественного договора»⁵. В ситуации кризиса, по словам историка, уставшее от раздоров Смуты население Московской Руси пришло к пониманию необходимости объединения и стабилизации общества, отсюда «все сословия и социальные группы призывались к прежнему «служению», а избрание царя «всей землей» гарантировало соответствие требуемому идеалу праведного, справедливого и милостивого государя»⁶. По мнению С.Ю. Шокарева, за престол велась достаточно серьезная борьба еще со смерти Федора Ивановича, где семья Романовых играла не последнюю роль, соответственно выбор Михаила Романова в 1613 году был неслучаен.

¹ Давиденко Д.Г. Московский Симонов монастырь в годы Смуты // Вопросы истории. 2009. №10. С. 153-160.

² Чугреева Н.Н. Казанская икона Богоматери и династия Романовых // Вопросы истории. 2013. №9. С. 144-148.

³ Михайлова И. Вставайте, люди русские! // Родина. 2013. №2. С. 10-13.

⁴ Шокарев С.Ю. Смутное время в Москве. М., 2013.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 9.

Рассматривая данную тематику, он акцентирует внимание на родстве с Рюриковичами, хотя и подчеркивает, что оно было только по женской линии. Показывая древность боярской фамилии, исследователь отмечает ее превосходство над многими другими родами: «предки Романовых имели боярский чин, начиная с Андрея Кобылы, служившего Ивану Калите и Семену Гордому. Потомки Кобылы (Кошкины, Захарьины, Юрьевы) всегда занимали первые места в Боярской думе», а в эпоху Смуты входили в состав «Семибоярщины»¹. В рамках данного рассуждения ученый пишет о популярности фамилии в целом; ее трагической судьбе при царствовании Бориса Годунова, что вызывало сочувствие у населения; обширных родственных связях в лице князя Б.К. Черкасского, князя И.В. Сицкого, князя Ф.Д. Шестунова и других; поддержке казачества и покойного Гермогена. Кроме этого, упоминает и о легенде, по которой «царь Федор, умирая, якобы завещал престол старшему из Романовых – Федору Никитичу», что «сообщает ряд источников, как русских, так и иностранных».² Исследователь подчеркивает, что еще до начала работы Земского собора на Московский стол выдвигались иностранные кандидаты: Владислав и Карл-Филипп, поддерживаемые некоторыми представителями высшего сословия, которых многие историки считают предателями. Альтернативную точку зрения по этому поводу высказывает С.Ю. Шокарев: «в историографии призвание «сedmочисленными боярами» на русский трон королевича Владислава и размещение войска Жолкевского в Москве рассматривалось как предательство национальных интересов. Эта оценка не вполне справедлива; ведь историки исходили из знания о последствиях этого решения – оккупации Москвы и отторжения Смоленской земли от России. На тот момент выбор у боярского правительства был небольшим. Либо пойти на союз с гетманом и воплотить старинную идею династической унии с Речью Посполитой, либо попытаться самостоятельно противостоять Лжедмитрию II, наступавшему на

¹ Шокарев С.Ю. Смутное время в Москве. М., 2013. С. 34-35.

² Там же. С. 34.

Москву. Для отражения армии самозванца, состоявшей из казаков, холопов и татар, сил у Семибоярщины не было»¹. При этом, соответственно, не все население было согласно с иностранными кандидатами, а это рознило общество и приводило к внутреннему противоречию. Поэтому именно в этот период «идея объединения ради освобождения России и защиты православия возобладала над общественными противоречиями»².

Историк пишет, что именно Земской собор 1613 года был наиболее многочисленным и представительным: «В работе Земского собора 1613 г. не участвовали только крепостные крестьяне и холопы. По-иному и быть не могло — Российское государство продолжало оставаться феодальной монархией, при которой целые категории населения были лишены политических прав»³. Подчеркнём, что в условиях феодальной структуры не может идти и речи о нарушении политических прав, поскольку в традиционных обществах, где существовала жесткая иерархическая структура, обладать данным видом прав смысла не было, да и их просто не существовало. На наш взгляд, вышеизложенная мысль историка навеяна новыми либерально-демократическими концепциями современной эпохи, поэтому не должна применяться к реалиям Московской Руси XVII века. В самом начале работы Земского собора, как отмечает исследователь, было принято решение не избирать литовского и шведского королей и их детей, «отклонены были также кандидатуры «царевичей, которые служат в Московском государстве», т.е. сибирских царевичей, потомков хана Кучума и касимовского правителя. Таким образом, Собор сразу определил круг кандидатов — «великие» роды Московского государства, крупное боярство»⁴. Кроме этого, С.Ю. Шокарев не отклоняет версии, что возможным кандидатом, кроме знатных московских родов, был еще и Д. Пожарский. Но в силу понятных причин не один претендент не подошел для Московского царства.

¹ Шокарев С.Ю. Смутное время в Москве. М., 2013. С. 159-160.

² Там же. С. 200.

³ Там же. С. 255.

⁴ Там же. С. 250.

Итогом междуцарствия, по мнению С.Ю. Шокарева, стало прекращение беспорядков и восстановление привычного уклада жизни: «Единство общества, достигнутое за счет взаимных уступок и отказа от эгоистических интересов различных групп и слоев, а также верховенство идеи порядка и ответственности, стали основой для возрождения России. В лице нового государя, Михаила Романова, уставшее от Смуты общество нашло лидера, не запятнавшего себя участием в интригах или изменах. Юность царя стала одним из его важнейших достоинств. С ним русское общество той эпохи начинало жизнь «с чистого листа», но не выходя за пределы отеческой традиции. И царь Михаил Федорович оправдал возлагавшиеся на него надежды. Кроткий и богомольный, подобно своему дальнему родичу, царю Федору Ивановичу, он не мстил за прежние обиды, не затевал громких процессов с наказанием за прежние прегрешения, не прибегал к репрессиям. Напротив, тихий государь-юноша сумел сплотить вокруг себя страну, начать и успешно осуществлять преодоление тяжелейших последствий «Московского разорения»¹. Основную роль в выборе монарха историк отводит народу, но с определенной оговоркой: «Именно народ, но вовсе не властная верхушка (она, напротив, всячески способствовала усугублению кризиса), вытащил страну из кризиса»². В свою очередь, у С.Ю. Шокарева определение «народ» значит не в марксистском понимании, где под данной социальной группой имелось в виду исключительно только трудящееся население: крестьяне и чернослободцы. А в его понимании ««Народ» эпохи Смуты – это служилые люди, духовенство, купцы, посадские, крестьяне, – именно «все чины» «Московского государства», которые, лишившись вертикали власти, создали ее самостоятельно, горизонтально, обрели единство – и победили»³. На наш взгляд, не стоит забывать, что большая часть боярского сословия также поддерживала кандидатуру Михаила Романова.

¹ Шокарев С.Ю. Смутное время в Москве. М., 2013. С. 10.

² Там же. С. 268.

³ Там же. С. 268.

Историк отмечает, что деятелям того времени и некоторым исследователям эпохи Смуты «виделась традиционная схема «Святорусского государства», во главе которого стоит «богоизбранный» и «богобоязненный» царь, который правит с «правдой» и щедростью по отношению к верным слугам и с «грозой» – к преступникам. В реальности подобная политическая идеология вела к восстановлению прежних самодержавных форм управления»¹. Действительно, мы наблюдаем в этот период стремление к обретению традиционной самодержавной формы правления и «богоизбранного» царя. Но стоит обратить внимание на не совсем корректное заявление автора о том, что «дворяне, купцы, духовенство, крестьяне — без самого царя – начали восстанавливать традиционную конструкцию управления страной. И это восстановление шло за счет горизонтальных связей – действий земского «мира»»². Традиционная конструкция управления страной держится на определенной логике, выражающейся в ее вертикальной структуре от царя к подданному, при исчезновении какого-либо звена структура перестает существовать, т.е. все связи прерываются, и данная конструкция рушится. Восстановить ее можно только с учетом появления всех звеньев иерархической структуры во главе с законным представителем, помазанником Бога на земле - монархом. Поэтому начать восстанавливать традиционную конструкцию без царя в Московском обществе XVII века путем горизонтальных связей не представлялось возможным, с помощью них можно было только подготовить почву к восстановлению порядка.

В данной работе, как и в исследованиях большинства классических историков, писавших после отмены крепостного права, также нет однозначной оценки монарха: «Не отличавшийся ни государственными талантами, ни опытом, ни энергией, юный царь обладал одним важным для людей той эпохи качеством – он был глубоко религиозен, всегда находился в стороне от вражды и интриг, стремился к достижению истины, проявлял искреннюю

¹ Шокарев С.Ю. Смутное время в Москве. М., 2013. С. 263.

² Там же. С. 299.

доброту и щедрость»¹. Собственно, личностные качества правителя в патриархальных обществах, как мы уже заявляли не раз, не имели никакого значения и были абсолютно не важны, если государь являлся легитимным по всем основаниям. Итогом факта избрания, по мнению историка, стало прекращение политического кризиса.

В работе имеется достаточно серьезная попытка объяснения избрания Михаила Романова на царство с точки зрения традиционных и религиозных оснований средневековья, но либерально-демократическая концепция, заложенная в мировоззрении историка, от которой он в полной мере не смог абстрагироваться, мешает ему разобраться основательно.

С.Ю. Егоров в статье «Судьба Михаила Федоровича Романова в истории России»² поставил задачу объяснить причину избрания М.Ф. Романова на царство и понять в какой обстановке свершился данный факт. Но в реальности исследователь все свел к простому и краткому пересказу событий тех лет, отмечая желание русского народа освободиться от интервентов и созвать земский собор для избрания монарха: «Земский собор начал свою работу в конце января 1613 года. Это был первый Земский собор, в котором приняли участие посадские и даже сельские представители. Число собравшихся в Москве превышало 800 человек, представлявших не менее 58 городов. Представители «всея земли» аннулировали решение предыдущего собора об избрании на русский престол королевича Владислава и постановили: «Иноземных принцев и татарских царевичей на русский престол не приглашать»³.

Относительно причин избрания С.Ю. Егоров солидарен с мнением Н.И. Костомарова, который отмечал народную любовь к династии, популярность рода, а также высокий авторитет Филарета. Исследователь в своей статье не отрицает желание боярства остановиться на кандидатуре Михаила Романова

¹ Шокарев С.Ю. Смутное время в Москве. М., 2013. С. 255-256.

² Егоров С.Ю. Судьба Михаила Федоровича Романова в истории России // Культура народов Причерноморья. 2013. №260. С. 47-51.

³ Там же. С. 48.

из-за его молодости и наивности, но при этом подчеркивает, что «их ожиданиям не решено было сбыться»¹. С.Ю. Егоров в целом видит положительный итог избрания первого Романова, но акцентирует внимание на том, что «сам Михаил Федорович с такими трудностями в одиночку не мог справиться, на что указывает отсутствие у него воли и твердости в принятие решения, что как раз было необходимо правителю любого государства»². Данное оценочное заявление не придает работе исследовательскую компоненту, поскольку способности правителя, были всего лишь желательны и не играли основополагающей роли, важен был только факт его законности.

На наш взгляд, автором не были по-новому проинтерпретированы события начала XVII столетия, его исследование свелось к простому пересказу уже известных фактов, что по своей сути и является главным недостатком работы.

Историографический анализ литературы постсоветской эпохи подтверждает, что историография этого времени имеет свою специфику, так как она испытывает на себе, с одной стороны, влияние советского периода, а с другой, мы видим частичное возвращение к позициям либеральных дореволюционных деятелей. В 1990-х годах историки все еще в незначительной степени уделяют внимание узким темам, поскольку «в период осознания сообществом современных историков кризиса исторического знания» ведется активный поиск «путей его теоретического обновления, а также попыток расширить методологический диапазон такой сферы исторической науки, как историография»³. Начало XXI века ознаменовалось тем, что историческая наука определила свой вектор развития, и наметилась тенденция на изучение малоосвещённых тем.

¹ Егоров С.Ю. Судьба Михаила Федоровича Романова в истории России // Культура народов Причерноморья. 2013. №260. С. 48.

² Там же. С. 48.

³ Алеврас Н.Н. Историографическое знание и проблема историографического быта: смысл и происхождение научной категории // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №22(276). С. 81.

В этот период избрание Михаила Романова на царство вызывает особый интерес. Это связано с появлением новых документов, переосмыслением историографического наследия, что открыло новые возможности для различных исследований. В связи с этим выделяется две группы исследователей: первая в след за большинством историков-классиков оценивала положительно личность царя и его приход к власти; вторая группа, в след за советской концепцией историописания, рассматривает это событие сквозь призму социально-экономических отношений и классовой борьбы, выражая отчасти предвзятое отношение к нему.

Данные научные труды нам интересны еще и потому, что они были написаны сквозь призму времени. Это является несомненно важным для нас, поскольку «длина хронологической дистанции должна быть значительной для более осмысленного и всеобъемлющего анализа изучаемого объекта, его сущностных особенностей и направлений развития»¹. То есть вышеизложенное обстоятельство позволяет, на наш взгляд, дать более точную оценку избранию на царство Михаила Романова.

Подчеркнем, что имеются и отрицательные тенденции в современном историографическом исследовании, которые также влияют на изучение и переосмысление темы феномена избрания. Данные аспекты были сформулированы П.Б. Уваровым «1) *Культ факта*, основанный на уверенности или, лучше сказать, предрассудке, что единственным, вполне достаточным для получения успешного результата исследовательским алгоритмом является процесс восхождения от простого к сложному, от единичного к общему. Господство эмпиризма в истории фактически сводит задачу историка к попыткам достигнуть результата путем «выкладывания» реальности из неких ее отдельных, подчас случайных фрагментов по типу мозаики (puzzle), хотя феноменологическая бесконечность мира делает процесс его эмпирического познания заведомо бессмысленным. <...> 2)

¹ Загребин С.С. Традиционная культура как основа новой культурной политики в России // Вестник Омского университета. Сер.: «Исторические науки». 2016. №2(10). С. 82.

Переизбыток и конфликт интерпретаций, прямо вытекающий из сугубо индуктивного характера современного исторического познания. <...> 3) *Скрытые дефекты фактологического отбора*. Опора на индуктивизм и обработку простейших фрагментов реальности требует от историка учитывать то обстоятельство, что не все сведения о действительности равным образом откладываются в источниках. Парадоксальным выглядит то обстоятельство, что индуктивная исследовательская логика, в идеале настаивая на прямом обращении к непосредственной реальности, обречена на контакт прежде всего с нетипичными, ненормальными, исключительными ее сторонами. Данное обстоятельство связано с тем, что не все фрагменты реальности наделены равными «правами» фиксации, но преимуществом фиксации пользуется именно необычное, редкое, «замечательное» (по В. В. Болотову), то есть то, что в первую очередь обращает на себя внимание летописцев, хронистов и просто современников такого рода явлений. Вследствие этого оказывается, что историческая наука типизирует именно нетипичное, превращая образ исторического существования в череду эксцессов»¹.

Из всего вышеперечисленного, минусом современной историографии, посвященной избранию Михаила Романова, является комбинирование старых подходов, а также то, что «историк, изучающий отдельные аспекты проблемы, конкретные явления в ограниченном пространственно-временном диапазоне, продолжает привычно пользоваться методами нахождения каузальных связей, факторов внешнего вынуждения и детерминации, строя «правдоподобные» выводы, соответствующие данным источников, все же историческая наука нуждается в рационалистической философии, способной преодолеть механицизм позитивизма и оправдывающей историческую истину не только на уровне исследований в рамках прагматизма и феноменологии, но и общефилософских рассуждений»². Поэтому, на наш взгляд, прочтение

¹ Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М., 2005. С. 31-35.

² Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии // Харківський історіографічний збірник. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. Вип. 10. С. 30.

материалов по этой теме с использованием новых теоретических конструкций может привести к более компетентным выводам, либо к новым теоретическим основаниям и связанным с ними подходам.

Таким образом, в этот период в отечественной историографии намечается новая тенденция в изучении материалов по теме избрания Михаила Федоровича Романова на царство, поскольку отмена моноидеологии и расширение границ гласности увеличили когнитивные возможности исследователей, что привело к пересмотру событий Смутного времени, включая феномен избрания первого Романова. Этот феномен стал трактоваться с разных точек зрения, повышая эффективность интерпретационных выводов, но либерально-демократические модели построения общества, налагаемые на социокультурную реальность Московской Руси XVII века, продолжают дистанцироваться науку от понимания данного феномена.

* * *

Историографический анализ советского и современного периодов по проблеме избрания Михаила Федоровича Романова на царство показал, что данные историографические эпохи, с одной стороны, абсолютно различны, а, с другой, сильно взаимосвязаны. Марксистская историография советского периода выступала с ярко выраженной критикой классической историографии в этом вопросе, поскольку абсолютно не считала избрание Михаила Фёдоровича Романова важным явлением, а фигуру самого царя рассматривала как второстепенную, абсолютно бесполезную в условиях гражданской войны, поэтому причиной избрания Михаила Федоровича было удобство его кандидатуры из-за молодости и неопытности, а также желание казачества видеть его на престоле. Феномен избрания в большинстве своем ученые не рассматривали как завершающий этап Смутного времени, поскольку, по их мнению, экономический кризис не был преодолен, а волнения продолжались еще долго. В связи с этим отдельно это событие в исторической литературе не

было освещено, а незначительные упоминания о нем встречались лишь в ходе изучения Смутного времени, которое трактовалось как гражданская война.

Современная историография, избавившись от идеологического давления, вновь обратилась к изучению данного феномена. Исследователи условно разделились на две группы. К первой группе относились те, кто в след за марксистской историографией, которая стала для них основой, продолжали выделять это событие как незначительное явление в российской истории, опровергая тем самым значимость феномена избрания и негативно относясь к данной фигуре в целом. Вторая группа исследователей, отходит от советских трактовок практически полностью, в след за историками-классиками определяя большой спектр причин избрания Михаила, а также выделяя это событие как значимое в истории становления российской государственности. Именно в этот период в историографии появляется большое количество работ разного интерпретационного качества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заявленная нами актуальность, связанная с изучением литературы, посвященной событиям Смутного времени, в частности избранию новой династии, делает выводы нашей работы достаточно полезным экспертным продуктом, в том числе и для современной российской науки, находящейся до настоящего времени в стадии цивилизационного перехода от советского к обществу современного западного типа, поэтому мы не только обратились к данной тематике с точки зрения обобщения историографического материала, но еще и рассмотрели ее с нового теоретико-методологического подхода.

Во-первых, при рассмотрении данного вопроса мы проанализировали труды разных историографических периодов и пришли к выводу, что на протяжении времени отношение к интересующей нас теме заметно менялось. Это связано с тем, что в каждую эпоху складывается своеобразный стиль мышления и идейная основа, которые присутствуют в учениях или суждениях мыслителей, а также становятся частью мыслительного достояния многих людей, впоследствии доминируя в интеллектуальной жизни ряда поколений¹. Отсюда, главная историографическая проблема состоит в оценке уровня соответствия контекста исследования и контекста исследователя, а также возможности их совмещения. Для определения этого, мы выделили три историографические самобытные «эпохи»: классическая, советская, современная российская.

В конце XVIII – начале XIX вв. историки В.Н. Татищев, М.Н. Карамзин, Д.П. Бутурлин (не успевший закончить свое исследование) стали проявлять интерес к событиям Смутного времени, в том числе к завершающему ее этапу – избранию царя из династии Романовых. Именно они впервые начали вводить в научный оборот документы, относящиеся к тому времени, выделили одну из главных причин избрания Михаила, т.е. его кровное родство с династией

¹ Репина Л.П., Мягков Г.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5: История и филология. 2014. Вып. 3. С. 137.

Рюриковичей, а также высказали мнение, что этот факт явился завершением Смуты. Но в этот период пристального внимания конкретно теме избрания Михаила Федоровича Романова на царство не было уделено. Это связано с тем, что в российском обществе еще сохранялся инертно-традиционный уклад жизни, соответственно, в силу этого некоторые вещи (в том числе вопросы, касающиеся мировоззрения, системы управления в государстве) виделись как явления естественные и понятные современникам, прошедшим систему патриархального воспитания и церковного образования, на глазах которых существовала почти та же самая монархия. Именно поэтому вопросы подобного рода не подвергались детальному анализу, рассмотрению и критике, а всего лишь систематически излагались на основе первоисточника, т.е. избирательной грамоты 1613 года.

К середине XIX века ученые стали более детально интересоваться проблемой выбора монарха в годы Смуты. В 1852 году появилась статья Н.А. Лавровского «Избрание Михаила Федоровича Романова на царство», в которой исследователь задавался вопросами: как проходил Земский собор, какую власть по объему получил Михаил Федорович. Для этого он привлек не только официальный источник – избирательную грамоту, но и использовал возможности других многочисленных актовых материалов тех лет. Такие историки, как С.М. Соловьев, М.П. Булгаков (митрополит Макарий) и Н.Г. Устрялов, касаясь тематики конца Смутного времени, делали акцент на деятельности церкви, показывая ее значимость, что отражало мировоззренческую основу общества.

К середине XIX века с дальнейшим разрушением традиционности и развитием в России модных идей утопической и революционной направленности появилось радикальное направление в историософии, яркими приверженцами которого были А.И. Герцен и Н.П. Огарев, видевшие в попытке избрания первого Романова модернизацию монархической формы правления. В своих поисках революционности в годы Смутного времени они еще больше отошли от понимания сущности традиционного общества, уводя

историческую науку в пространство анахронизма, выражающегося в подмене мировоззренческих компонентов разных по своему характеру эпох.

Значимость этого историографического периода с точки зрения методологии состоит в том, что именно в это время начинается поиск, сбор и обработка первоисточников, набирается документальная база для критического анализа изучаемой эпохи и, соответственно, самого феномена избрания Михаила Романова. Следствием этого стала заложенная основа проблемного отношения к теме и получение первичных результатов в виде систематизированного изложения хода истории и Смуты в том числе. Но теоретико-методологическая основа в исследованиях практически не прослеживается, поскольку историческая наука, находясь в младенческом возрасте, не успела в полной мере разработать данный блок. Монархия, являющаяся реально действующей частью социокультурной действительности, в дополнительной доказательности своей разумности не нуждалась. Каждый исследователь понимал, что в XVII веке в России только данная форма правления может существовать беспрепятственно, не нарушая порядок привычного жизнеустройства людей. Исключением были лишь исследователи близкие к революционному движению, пытавшиеся объяснить необходимость модернизации данной формы правления через неумелые попытки фальсификации ментальной основы средневекового мышления, что выражалось в своеобразной интерпретации избрания Михаила Романова на царство.

Таким образом, уже в эпоху дореформенного классического периода в трудах отечественных историков прослеживалось наложение контекста исследователя на контекст исследования. Причем если контексты по мировоззренческой основе и времени достаточно близки, тем уровень адекватности выше, хотя излишняя близость, приводит к повышению нарратива (т.е. сюжетного написания реальности), создавая при этом интерпретационные сложности в виде «само-собойразумеемости». А данное

явление по словам М. Шелера как раз носит «наиопаснейший характер, какой только вообще может принять идея: характер «само-собойразумеющегося»¹.

Только в пореформенный период ввиду пересмотра прошлого и роста интереса к нему из-за либерализации сознания, когда историческое пространство перестало быть для историков естественно понятным и «само-собойразумеющимся», появился большой интерес к темам подобного рода, в том числе и к личности Михаила Федоровича. Фигуру юного правителя и связанный с ней исторический контекст историки начали оценивать двояко как с положительной, так и с отрицательной стороны; стали активнее интересоваться причинами его избранием; более подробно раскрыли работу Земского собора и выделили его значение в тяжелое для страны время. Это как раз показывает тенденцию осовременивания российского общества, когда интеллигенция и сам народ уже в меньшей степени ощущали под собой почву традиционности, уже не в полной мере понимали и практически не улавливали мировоззренческий контекст эпохи Средневековой Москвы. В силу этого исследователи начали делать попытки объяснения тех или иных существенных вопросов с разной долей произвольности, которая приводила к наложению друг на друга контекстов исследователя и исследования.

Фактически сразу после отмены крепостного права в 1863 году к 250-летнему юбилею правящего дома вышла статья М.Д. Хрымова «Избрание и вступление на царство Михаила Федоровича Романова». Большой вклад в изучении данной темы внесли такие видные историки как Д.И. Иловайский, Н.И. Костомаров, К.Н. Бестужев-Рюмин и другие. Именно в это время разрабатывались фундаментальные исследования, которые достаточно подробно раскрывали тематику избрания Михаила Романова. Здесь, безусловно, стоит отметить труды С.Ф. Платонова, посвященные истории Смутного времени, где он достаточно основательно проработал тему избрания. Большой вклад внесли ученик С.Ф. Платонова П.Г. Васенко в

¹ Шелер М. Человек и история // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1., №3. С. 139.

исследовании «Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича», а также историки, опубликовавшие свои труды к 300-летию юбилею дома Романовых, А.И. Маркевич «Избрание на царство М.Ф. Романова», П.Н. Жукович «Смутное время и воцарение Романовых», «Очерки из Русской истории за время 1613 по 1913», Д.В. Цветаев «Избрание Михаила Федоровича Романова на царство», А.А. Кизеветтер «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова» и другие.

Исследования поздней классики, безусловно, носили более научный характер, хотя бы исходя из понимания необходимости переработки своего отношения к действительности. Это связано с вестернизационными процессами, в рамках которых общество объективно уходило даже от квазитрадиционного состояния, прежде всего, в мировоззренческой сфере, тесно связанной с развитием образования, расширением информационной среды и др. В данной ситуации возникало естественное желание переинтерпретации или реинтерпретации прошлого, так как терялась состояние «само-собой разумеемости». Из-за чего происходило характерное явление в «наивной» историографии, выражающееся в нахождении историком для себя «точки отчета», связанной с естественным и универсальным представлением о времени, в котором он живет: «I. Человек вследствие бесконечной природы человеческого ума делает самого себя правилом Вселенной там, где ум теряется от незнания. <...> II. Другое свойство человеческого ума состоит в том, что там, где люди не могут составить никакого представления о далеких и неизвестных вещах, они судят о них по вещам известным и имеющимся налицо. <...> Эта же Аксиома показывает, что Тщеславие – дочь Невежества и Самолюбия, которое нас как бы раздувает: ведь в нас существует много слишком укоренившихся идей о нас самих и о близких нам вещах, и посредством их мы как глупцы смотрим на непонятные нам вещи»¹.

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.-К., 1994. С. 73.

Историки советского периода не ставили себе задачу подробно рассматривать избрание Михаила Федоровича на царство, поскольку эта тема для них не являлась первоочередной.

В переходный период исторического знания от классической концепции историописания к советской данная тема получила лишь незначительное освещение в трудах А.Е. Преснякова, где он в основном заострил внимание на значимости деятельности Филарета, а избранию монарха и его фигуре практически не придавал значения (данный посыл сохранился на протяжении всего периода существования советской науки).

В 1920-х гг. в связи с кардинальным пересмотром концептуальных основ истории, вопросы, имеющие отношения к монархической форме правления освящались исключительно в негативном свете. Например, И.М. Василевский при описании исторического сюжета, связанного с избранием, высмеивал первого Романова, приписывая ему все возможные беды, которые были остаточным элементом на исходе Смуты.

К середине XX века после огосударствления исторической науки оценки стали смягчаться, но события Смуты так же рассматривались сквозь призму классовой борьбы, заострялось внимание на подвигах К. Минина, Д. Пожарского, Ивана Сусанина, самому избранию Михаила Романова должного значения не придавалось. Историки лишь скупно упоминали о нем в общих трудах. Более подробно эта тема нашла отражение у Р.Г. Скрынникова, В.Б. Кобринина, А.Л. Станиславского, Л.В. Черепнина. Большинство советских историков считало, что успеху Михаила Романова при избрании на царство способствовали молодость и богатство земельных владений его семьи, а также опровергало позицию, что это событие являлось ключевым в завершении Смутного времени.

Таким образом, в советский период прирост историографического знания заключался в переосмыслении событий избрания Михаила Федоровича Романова на царство через концептуальную основу философии марксизма.

С точки зрения методологии советская историография являлась наследницей позднеклассической. Хотя стоит подчеркнуть, что ее главной целью было находить во всем доказательства правильности марксистской теории. Это еще в большей степени усугубило ситуацию, связанную с расхождением контекстов исследователя и исследования. Советская наука воспринимала монархию и такие общества в целом, как идеологически враждебные, а идеологизация системы создавала ситуацию необходимости непримиримой борьбы с ними. Отсюда, задача исторической науки в период становления СССР была скорее идеологической, нежели реально исследовательской, это само собой приводило к определенной потере научности в вопросах подобного рода. Кроме этого, моноидеология в принципе не способствовала рассмотрению теоретических аспектов любой проблематики с разных точек зрения, так как была необходимость подгонять все сферы жизни под строгую концепцию марксистского общественнознания, что приводило к ускользанию многих нюансов от взора исследователей. Н.В. Гришина об этом периоде пишет следующее: «догматизация марксизма, смещение «с анализа методологии исследования к поиску соответствия общепризнанным выводам», распространение «власти слов» («цитатничества») значительно обеднили содержание научных исследований, заставили ученых оглядываться на общепринятые стандарты, в определенных случаях отказываться от собственных установок»¹. Также подчеркнём: данная теория была просто не в состоянии объяснить компетентно многие вещи, поэтому они зачастую или не рассматривались, или подгонялись под нужную матрицу исследователя. То есть историческая наука в этот период носила социально-ориентированный характер, который удовлетворял потребности общества в нужном прошлом и производил контроль над социальной

¹ Гришина Н.В. Историческая наука в первое десятилетие советской власти в самоощущениях отечественных гуманитариев // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №30(321). С. 112.

памятью¹. Марксистская историческая наука квалифицировала политические процессы как явление надстроечное, сосредотачивая свое внимание на привычных для неё «базисных» социально-экономических процессах, соответственно, даже та малая часть историков, которая касалась тематики Смуты, освещала ее как классовую борьбу между угнетенными и угнетателями, видела приход к власти Филарета, а не Михаила Романова, чья роль в истории государства была обесценена. В связи с вышеизложенным, используемый советскими историками марксистский подход не может быть априори применен к логике патриархальных обществ, поскольку не объясняет мировоззренческой конъюнктуры той среды, на которой базировался весь уклад жизни.

В современной российской историографии выделяется две группы историков и обществоведов. Первая при интерпретации и реинтерпретации в большей степени соглашается с трактовками классической концепции изложения истории и берет ее за основу. В трудах этих исследователей личность царя и его приход к власти, в большинстве своем, оценивается положительно, также в позитивном ключе рассматриваются аспекты, связанные с работой Земского собора, ролью народных масс, а, самое главное, избрание Михаила Федоровича трактуется как событие, завершившее Смуту. Но в этих работах не всегда прослеживается значимость мировоззренческого компонента и присутствует реально действующая теоретико-методологическая основа, что существенно ограничивает исследовательский компонент. К этой группе исследователей можно отнести Л.Е. Морозову, Л.Б. Сукину, В.Н. Козлякова и др.

Вторая группа мыслителей склоняется к трактовкам советского историописания, хотя и в более смягченной форме без яркого проявления революционизма, но с сохранением марксистского позитивизма и

¹ Маловичко С.И. Национально-государственный нарратив как вид социально ориентированного историописания // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 2. Вып.4. С. 127.

экономоцентризма как универсального объяснения исторического процесса. События междуцарствия они рассматривают также сквозь призму социально-экономических отношений и классовой борьбы, уделяя большое значение патриотическим аспектам. В их трудах личность Михаила Федоровича оценивается не очень высоко, показывается, с их точки зрения, не корректная работа Земского собора, а феномен избрания освещается как один из этапов Смуты, который не являлся завершающим. Наиболее яркими представителями этой группы исследователей являются А.Б. Ширококорд, Д.В. Лисейцев и др.

В современной историографии вопроса избрания Михаила Федоровича Романова нет принципиально новых сведений. Историки при изучении узких тем отказываются от выявления новых объясняющих оснований, что сводится к бесконечной произвольной интерпретационной активности, порождая сомнения в возможности получения объективных результатов¹. Историки без четко выстроенного методологического основания лишь вновь и вновь множат объяснения известных фактов в зависимости от своего положительного или негативного отношения к данному событию.

С одной стороны, современная историография освободилась в обязательном порядке от марксистской интерпретации, получив при этом идеологический плюрализм, с другой, она создала своеобразный симбиоз поздней классики и советского основания, очищенного от революционного радикализма, но с полным сохранением материалистического экономоцентризма. При этом многие авторы идут по пути инверсий старых подходов. В данном случае методологическая проблема заключается в том, что старые концепции практически исчерпали себя, а повторение одних и тех же схем приводит современную науку к очередному изложению проблемы, носящему нарративный характер. А «метаисторическая нарративность как принцип исторического мышления, который логически противостоит всякой

¹ Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М., 2005. С. 27-28.

научной объективности в представлении прошлого как истории»¹, мешает ее развитию. Современная российская историография реально упускает шанс переосмысления событий Смутного времени и других важных исторических аспектов, хотя на данный момент никаких препятствий в плане идеологии или жёсткой цензуры не существует, т.е. есть абсолютно все шансы для компетентного анализа, к которому можно прийти, используя, например, коммуникативную теорию исторического процесса или структуру, предложенную Л.П. Репиной: «1) общенаучную картину мира, 2) идеалы, нормы и ценности научного сообщества, 3) философскую компоненту, 4) социальный контекст эпохи, 5) индивидуальные воззрения историков»².

Поэтому, во-вторых, для того чтобы предпринять попытку преодоления противоречий между контекстом исследования и контекстом исследователя, мы посчитали необходимым при анализе и интерпретации историографических источников привлечь не использовавшиеся ранее новые теоретические подходы, например, коммуникативную теорию исторического процесса. В соответствии с ней для любого религиозного общества, каковым, несомненно, была и Московская Русь, только избрание легитимного правителя, поддерживаемого институтом религии, могло дать отправную точку для реставрации структур Порядка. Порядок, в данном случае, – это нормальное функционирование норм в обществе, основанном на определенной логике, где поведение людей подчинено строгому императиву. Исходя из этой логики, свобода действий правителя не может быть ограничена никем кроме верховного источника власти, то есть Бога. Таким образом, преодоление такого явления, как междуцарствие³, было возможно только с воцарением законного монарха по всем основаниям, поскольку в

¹ Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии // Харківський історіографічний збірник. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. Вип. 10. С. 15.

² Репина Л.П. Идеи – концепции – люди, или как писать историю медиевистики сегодня? (К 100-летию Е.В. Гутновой) // Средние века. 2014. Вып. 75(4). С. 420.

³ Дементьева В.В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 51.

понимании людей эпохи XVII века, только «монархическое начало является <...> единственным организующим началом, главным орудием дисциплины»¹. Отсюда мы видим, что с избранием Михаила Романова Смута в Московском государстве начинает утихать, жизнь возвращается в свое нормальное русло. Все это доказывает то, что русская монархия базировалась «не на юридических, не на экономических, а на чисто моральных основах»². Особенно важно отметить, что именно усилия церкви, объявившей об угрозе вере, заставили подняться народ, осознавшего возможную катастрофу, заключающуюся в утрате определенности основ жизнеустройства, держащихся на православии, исчезновения которых было вполне вероятно, поскольку претендентами на Московский престол были поляки-католики. Достаточно точно отметил К.Д. Кавелин, что в этот период, осознавая угрозу, «Россия сама встала на свою защиту во имя веры и Москвы, тогдашнего государственного центра нашего отечества»³. В данной ситуации мы видим, что как только церковь, которая выступает смысловым центром, консолидирующим вокруг себя все слои населения страны, оповещает об этой угрозе, вокруг нее моментально начинается сплочение русского народа. Это очень хорошо показывает сущность традиционного общества, основанного на религиозном сознании. Необходимо отметить: пока религиозный институт не вмешался в мирские дела, логика распада неумолимо нарастала. Но как только произошло осознание людьми того, что существует угроза падения веры, так сразу призыв церкви мобилизовал народ. Это произошло потому, что «в Москве Государство и Церковь и Нация жили определенными религиозными (или, если хотите, – религиозно-национальными) идеалами и чувствовали себя единой индивидуальностью»⁴. Только поэтому страна смогла быстро выйти из хаоса, сформировать структуру порядка, хотя формально никаких серьезных

¹ Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М. 2010. С. 59.

² Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010. С. 156-157.

³ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт Древней России // Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 56.

⁴ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010. С. 443.

материальных положительных изменений ни в социально-политической, ни в экономической жизни не произошло. Сплотившись вокруг единого смыслового центра, народ обретает центростремительное самосознание. Именно отсюда можно прийти к выводу, что мировоззренческий компонент в подобных вопросах является основным. Это, к примеру, также подтверждается трудами А.Я. Гуревича¹.

Таким образом, при анализе эволюции концептуальных подходов в отечественной историографии к трактовке проблемы избрания на царство Михаила Фёдоровича Романова было выявлено, что подходы отечественной историографии в рассмотрении событий конца Смутного времени в большей степени основываются на мировоззренческом контексте эпохи исследователя, а это в прочтении и интерпретации тем подобного рода влечет за собой определенные последствия. Как подчеркнуто в работе Л.П. Репиной, В.В. Зверевой и М.Ю. Пармоновой «История исторического знания»: «Прошлое используется историческим знанием не только как сокровищница моральных и политико-идеологических примеров. В нем стремятся обнаружить истоки современных явлений. Подобный подход приводит к модернизации, вольному или невольному искажению картины прошлого. Минувшие эпохи воспринимаются исключительно как колыбель, из которой вышло современное общество. В результате искусственно выстраивается схема преемственности определенных явлений, причем эти явления наделяются характеристиками, которые порождены современностью и не имеют отношения к прошлому»². Данное высказывание достаточно актуально в нашем случае, да и сама работа также несет много интересных идей на эту тематику, в свою очередь В.П. Корзун и В.Г. Рыженко характеризуют ее «своеобразным маркером современного историографического процесса»³.

¹ Гуревич А.Я. Культура средневековья и историк конца XX века // История мировой культуры. Наследие Запада: Античность – Средневековье – Возрождение. М., 1998. С. 246-247.

² Репина Л.П. История исторического знания: Пособие для вузов. М., 2004. С. 21.

³ Корзун В.П., Рыженко В.Г. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве: размышления над учебным пособием Л.П. Репиной, В.В.

Отсюда, мы делаем закономерный вывод, что никакие отсылки к социально-экономическим и социально-политическим условиям, акцент на которые делали многие историки на протяжении всего историографического периода, не могли объяснить исход Смуты, поскольку не учитывали систематизирующую логику данного общества, проистекающую из его религиоцентризма. То есть это общество было самодостаточное, фигура конкретного монарха, в нашем случае Михаила Федоровича Романова (а не его личные способности), была важна и играла системообразующую роль, поскольку легитимный правитель являлся посредником между сакральным и профанным. В связи с особенностями менталитета российских историков данные обстоятельства, естественно, не всегда учитывались, поскольку фигура государя воспринималась как символическая (формальная), а не системообразующая. Поэтому, на наш взгляд, в современной историографии при изучении тем подобного рода уместно использовать возможности новых исторических подходов, обладающих способностью «эффективно и качественно исследовать любую историческую реальность. В абсолютной системе координат, заданных дедуктивно-археологическим подходом, каждый поступок индивида может быть оценен не произвольно-субъективно, а научно-объективно, основываясь на абсолютных смысловых началах. Когнитивные возможности «коммуникативной теории исторического процесса» основаны на предельных абсолютных началах, что обеспечивает его соответствие всем принципам исторического познания, таким как историзм, объективность, научность, системность»¹.

Таким образом, при реализации цели нашего исследования, заключающейся в критическом анализе эволюции концептуальных подходов в отечественной историографии к трактовке проблемы избрания на царство Михаила Фёдоровича Романова, была дана оценка этому событию при

Зверевой и М.Ю. Парамоновой «История исторического знания» // Мир Клио: сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной. М., 2007. Т. 2. С. 266.

¹ Балакин В.С., Загребин С.С. Русь и Россия: теория и история цивилизационной эволюции в XI – XX вв. Челябинск, 2018. С. 44.

помощи теоретических оснований новых концептов, был отражен прирост историографического знания на каждом историческом этапе развития, выявлены сильные и слабые стороны исследований и сделан вывод, что в отечественной историографии недостаточно исследованы проблемы причин, сущности и значения феномена восстановления монархии, не в полной мере понимается механизм завершения Смуты, также дискуссионным остается вопрос о характере полученной власти, спорным остается положение о времени завершения Смуты. Дальнейшее изучение историографии призвано показать, что за частной проблемой избрания Михаила Федоровича Романова скрывается важность того, что историки должны увидеть ключевой смыслообразующий стержень эпохи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Нормативно-правовые документы, летописи и литературные произведения XVII века

1. Арсеньевские шведские бумаги 1611 – 1615 гг. [Текст] // Сборник новгородского общества любителей древностей. – Вып. 5. – Новгород, 1911. – С. 4-117.
2. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии [Текст]. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850. – Т. 1. – 1184 стб.
3. Домострой. Поучения и наставления всякому христианину [Текст] / отв. ред. О. А. Платонов; сост., вступит. ст. и коммент. В. В. Колесова. – М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. – 448 с.
4. Запись, разосланная от Московского Земского Совета во все Российские города, для приведения по оной всякого чина и звания людей к присяге в верности избранному на Всероссийский престол Государем Михаилу Феодоровичу [Текст] // Сборник государственных грамот и договоров. – М.: Типография Селивановского, 1822. – Т. 3. – №5. – С. 14-15.
5. Зимин, А.А. Акты Земского собора 1612 – 1613 гг. [Текст] / А.А. Зимин // Записки Отдела рукописей ГБЛ. – 1957. – Вып. 19. – С. 185-193.
6. Корецкий, В.И. Документы о национально-освободительной борьбе в России 1612 – 1613 гг. [Текст] / В.И. Корецкий, М.П. Лукичев, А.Л. Станиславский // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1989. – М.: Наука, 1989. – С. 240-267.
7. Котошихин, Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича [Электронный ресурс] / Г.К. Котошихин. – СПб.: Издание

археологической комиссии, 1859. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/kotoshih.htm> – (дата обращения: 23.07.2019).

8. Крестноприводная запись белозерцев на верность службы царю Михаилу Федоровичу [Текст] // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – №1. – СПб., 1846. – Т. 2. – С. 1-3.
9. Новый летописец [Текст] // Полное собрание русских летописей. – СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. – Т.14/2. – С.23 -154.
10. Окружная грамота от Московского Земского Совета во все Российские города: о признании, избранного в Москове Государем, Михаила Феодоровича Романова-Юрьева единственным всея России Обладателем и учинении в верности ему присяги // Сборник государственных грамот и договоров. – М.: Типография Селивановского, 1822. – Т. 3. – №4. – С. 11-14.
11. Палицын, Авраамий. Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы и о бывших потом в России мятежах [Текст] / Авраамий Палицын – М.: Синодальная тип., 1822. – 324 с.
12. Судебник 1550 года [Электронный ресурс] // Российское законодательство X-XX веков. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. – Режим доступа: http://yakov.works/acts/16/2/pravo_02.htm – (дата обращения: 23.06.2019).
13. Утвержденная грамота об избрании на Московское Государство Михаила Феодоровича Романова [Электронный ресурс] // Российская Православная Церковь. – Режим доступа: https://ispovednik.org/официальные_документы/_utverzhdennaya-gramota-ob-izbranii-na-moskovskoe-gosudarstvo-mihaila/ – (дата обращения: 23.06.2019).

Научные труды исследователей дореволюционного периода

14. Бестужев-Рюмин, К.Н. Русская история [Текст]: в 2 т. / К.Н. Бестужев-Рюмин. – СПб.: Изд-во Д.Е. Кожанчикова; Тип. А. Траншеля, 1872. – Т. 1. – 742 с.

15. Бестужев-Рюмин, К.Н. Русская история [Текст]: в 2 т. / К.Н. Бестужев-Рюмин. – СПб.: Тип.А. Траншеля, 1885. – Т.2. – 320 с.
16. Бестужев-Рюмин, К.Н. Обзор событий от смерти царя Иоана Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова [Текст] / К.Н. Бестужев-Рюмин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1887. – №252. – С.245-295.
17. Бестужев-Рюмин, К.Н. Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о смутном времени [Текст] / К.Н. Бестужев-Рюмин. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. – 85 с.
18. Бутурлин Д.П. История Смутного времени в начале XVII века [Текст] / Д.П. Бутурлин. – СПб., тип. Александра Смирдина, 1839. – Ч.1. – 128 с.
19. Бутурлин Д.П. История Смутного времени в начале XVII века [Текст] / Д.П. Бутурлин. – СПб., тип. А. Бородина и К°, 1841. – Ч.2. – 127 с.
20. Бутурлин Д.П. История Смутного времени в начале XVII века [Текст] / Д.П. Бутурлин. – СПб.: тип. К.И. Жернакова, 1846. – Ч.3. – 247 с.
21. Валишевский, К.Ф. Первые Романовы [Текст] / К.Ф. Валишевский. – М.: Книгоиздательство «Современные проблемы» 1911. – 476 с.
22. Васенко, П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича [Текст] / П.Г. Васенко. – СПб.: Гос.тип., 1913. – 234 с.
23. Васенко, П.Г. Начало династии Романовых. Исторические очерки. [Текст] / П.Г. Васенко, С.Ф. Платонов, Е.Ф. Тураева-Церетели. – СПб.: издание Я. Башмакова и К°, 1912. – 248 с.
24. Герцен, А.И. О Развитии революционных идей в России [Текст]: Собр. соч.: в 30-ти т. / А.И. Герцен. – М.: Академия наук СССР, 1956. – Т.7. – 467 с.
25. Дьяков, М.А. Избрание Михаила Федоровича на царство [Текст] / М.А. Дьяков. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1913. – 32 с.
26. Жукович, П.Н. Смутное время и воцарение Романовых [Текст] / П.Н. Жукович. – М.: Типография И.Д. Сытина, 1913. – 111 с.

27. Жукович, П.Н. Россия под скипетром Романовых: Очерки из русской истории за время 1613-1913 [Текст] / П.Н. Жукович. – Симферополь: Крым. упр. по печати, 1991. – 318 с.
28. Иловайский Д.И. История России [Текст]: в 5 тт. Вып. 1. Смутное время Московского государства / Д.И. Иловайский. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1894. – Т. 4. – Вып. 1. – 343 с.
29. Иловайский Д.И. История России [Текст]: в 5 тт. Вып. 2. Эпоха Михаила Феодоровича Романова / Д.И. Иловайский. – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1899. – Т. 4. – Вып. 2. – 375 с.
30. Кавелин, К.Д. Взгляд на юридический быт Древней России [Текст] / К.Д. Кавелин // Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М.: Правда, 1989. – С. 11-67.
31. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст]: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. – Т. 1. – 492 с.
32. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст]: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. – Т. 2. – 584 с.
33. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст]: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. – Т. 3. – 507 с.
34. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст]: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. – Т. 4. – 556 с.
35. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст]: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. – Т. 5. – 699 с.
36. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст]: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. – Т. 6. – 543 с.
37. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст]: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. – Т. 7. – 359 с.
38. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст]: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. – Т. 8. – 487 с.
39. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст]: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1821. – Т. 9. – 770 с.

40. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст]: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1824. – Т. 10. – 460 с.
41. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст]: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1824. – Т. 11. – 477 с.
42. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст]: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1829. – Т. 12. – 583 с.
43. Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [Текст] / Н.М. Карамзин. – М.: «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1991. – 127 с.
44. Кизеветтер, А.А. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова [Текст] / А.А. Кизеветтер // Голос минувшего. – 1913. – №3. – С. 231-236.
45. Ключевский, В.О. Избранные лекции «Курс русской истории» [Текст] / В.О. Ключевский. – Ростов н/Д.: Феникс, 2002 – 672 с.
46. Ключевский, В.О. Курс русской истории [Текст]: в 9 т. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – 414 с.
47. Костомаров, Н.И. Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 году и избрании царя Михаила [Текст] / Н.И. Костомаров. – М.: Книга, 1989. – 108 с.
48. Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей [Текст]: псс: в 3 т. / Н.И. Костомаров. – М.: Книга, 1991. – Т. 2. – 536 с.
49. Лавровский, Н.А. Избрание Михаила Федоровича на Царство [Текст] / Н.А. Лавровский // Опыты историко-филологических трудов студентов Главного педагогического института VI выпуска. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1852. – С. 255-256.
50. Маркевич, А.И. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова [Текст] / А.И. Маркевич // Журнал Министерства народного просвещения. – 1891. – №277. – С. 176-203.
51. Мельгунов, С.П. Как создалась в России государственная церковь? [Текст] / С.П. Мельгунов. – М.: Задруга, 1917. – 15 с.

52. Митрополит Макарий. История русской церкви [Текст]: в 12 т. / Митрополит Макарий. – СПб.: Тип. Р. Голике, 1881. – Т. 10. Кн. 1. – 500 с.
53. Огарев, Н.П. Расчистка некоторых вопросов. Статья вторая. Конституция и Земский Собор [Текст] / Н.П. Огарев // Избранные социально-политические произведения. – М.: Госполитиздат, 1952. – Т. 1. – С. 630-632.
54. Платонов, С.Ф. Очерки по истории смуты в московском государстве XVI – XVII вв. [Текст] / С.Ф. Платонов. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 499 с.
55. Платонов, С.Ф. Полный курс лекций по русской истории [Текст] / С.Ф. Платонов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – 576 с.
56. Платонов, С.Ф. Смутное время [Текст] / С.Ф. Платонов. – СПб.: Лань, 2001. – 480 с.
57. Платонов, С.Ф. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков [Текст] / С.Ф. Платонов. – М.: «АИРО–XXI»; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. – 204 с.
58. Платонов, С.Ф. К вопросу об избрании М.Ф. Романова в русской литературе [Текст] / С.Ф. Платонов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1913. – №2. – С. 177-191.
59. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен [Текст] / С.М. Соловьев. – СПб.: Товарищ. «Общественная польза», 1851–1879. – Т. VI–X. – 1408 с.
60. Соловьев, С.М. Об истории Древней России [Текст] / С.М. Соловьев. – М.: Просвещение, 1992. – 544 с.
61. Соловьев, С.М. Обзор царствования Михаила Федоровича Романова [Текст] / С.М. Соловьев // Современник. – 1852. – № 1. – С. 1-50.
62. Соловьев, С.М. Обзор царствования Михаила Федоровича Романова [Текст] / С.М. Соловьев // Современник. – 1852. – № 2. – С. 79-122.
63. Сташевский, Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича [Текст] / Е.Д. Сташевский. – Киев: тип. 2-й Артели, 1913 – Ч.1. – 254 с.

64. Татищев, В.Н. История Российская [Текст]: в 8 т. / В.Н. Татищев. – Л.: Наука, 1968. – Т. 7. – 555 с.
65. Устрялов, Н.Г. О системе прагматической русской истории [Текст] / Н.Г. Устрялов. – СПб.: тип. Л. Снегирева и К°, 1836. – 84 с.
66. Устрялов, Н.Г. Русская история до 1855 года [Текст] / Н.Г. Устрялов. – Петрозаводск: Фолиум, 1997. – 958 с.
67. Хрымов, М.Д. Избрание и вступление на царство Михаила Федоровича Романова [Текст] / М.Д. Хрымов // Северное сияние. Русский художественный альбом. – СПб.: Типография В. Спиридонова и Ко, 1863. – Т. 2. – С. 687-720.
68. Цветаев, Д.В. Избрание Михаила Федоровича на царство [Текст] / Д.В. Цветаев. – М.: Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1913. – 79 с.
69. Шмурло, Е.Ф. История России 862 – 1917 гг. [Текст] / Е.Ф. Шмурло. – М.: Аграф, 1997. – 736 с.
70. Шмурло, Е.Ф. Курс русской истории [Текст]: в 4 т. / Е.Ф. Шмурло. – СПб.: Алетейя, 1999. – Т.4. – 328 с.

Научные труды исследователей советского периода

71. Василевский, И.М. Романовы. Портреты и характеристики [Текст] / И.М. Василевский. – Пг.-М.: Издательство «Петроград», 1923. – 333 с.
72. Вовина, В.Г. Патриарх Филарет (Федор Никитич Романов) [Текст] / В.Г. Вовина // Вопросы истории. – 1991. – №7-8. – С. 53-74.
73. Зимин, А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. [Текст] / А.А. Зимин. – М.: Наука, 1988. – 348 с.
74. Каменский, А.Б. Были ли Романовы Романовыми? [Текст] / А.Б. Каменский // Вопросы истории. – 1990. – №8. – С. 186-187.
75. Кобрин, В.Б. Смутное время – утраченные возможности [Текст] / В.Б. Кобрин // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX века. – М.: Политиздат, 1991. – С. 163-185.

76. Любомиров, П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. [Текст] / П.Г. Любомиров. – М.: Соцэкгиз, 1939. – 342 с.
77. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен [Текст] / М.Н. Покровский // Избранные произведения: в 4-х кн. – М.: Мысль, 1966. – Т.1-2. Кн. 1. – 725 с.
78. Пресняков, А.Е. Российские самодержцы [Текст] / А.Е. Пресняков. – М.: Книга, 1990. – 464 с.
79. Румянцева, В.С. Тенденции развития общественного сознания и просвещения в России XVII века [Текст] / В.С. Румянцева // Вопросы истории. – 1988. – №2. – С. 26-40.
80. Скрынников, Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников [Текст] / Р.Г. Скрынников. – Л.: Наука, 1988. – 255 с.
81. Скрынников, Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута» [Текст] / Р.Г. Скрынников. – М.: Мысль, 1988. – 283 с.
82. Станиславский, А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории [Текст] / А.Л. Станиславский. – М.: Мысль, 1990. – 270 с.
83. Черепнин, Л.В. «Смута» и историография XVII века (Из истории древнерусского летописания) [Текст] / Л.В. Черепнин // Исторические записки. – М.: Изд-во АН СССР, 1945. – Т. 14. – С. 81-128.
84. Черепнин, Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв. [Текст] / Л.В. Черепнин. – М.: Наука, 1978. – 417 с.

Научные труды исследователей современного периода

85. Балязин, В.Н. Иван Грозный и воцарения Романовых [Электронный ресурс] / В.Н. Балязин. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/ivan-groznyj-i-vocarenie-romanovyh-read-80024-1.html> – (дата обращения: 09.06.2018).
86. Горелов, И.Е. Рецензия на книги: Е.В. Пчелов. Рюриковичи. История династии. 479 с.; Е.В. Пчелов. Романовы. История династии. 494 с. / Е.В.

- Пчелов. – М.: «Олма-пресс», 2001 [Рецензия] / И.Е. Горелов // Вопросы истории. – 2002. – №11. – С.170-172.
87. Гумилев, Л.Н. От Руси к России [Текст] / Л.Н. Гумилев: – М.: «Издательство АСТ», 2002. – 392 с.
88. Давиденко, Д.Г. Московский Симонов монастырь в годы Смуты [Текст] / Д.Г. Давиденко // Вопросы истории. – 2009. – №10. – С. 153-160.
89. Егоров, С.Ю. Судьба Михаила Федоровича Романова в истории России [Текст] / С.Ю. Егоров // Культура народов Причерноморья. – 2013. – №260. – С. 47-51.
90. Кобзарева, Е.И. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613-1617) [Текст] / Е.И. Кобзарева // Отечественная история. – 2006. – №5. – С. 16-28.
91. Коваленко, Г. Карл Филипп или Михаил Романов? [Текст] / Г. Коваленко // Родина. – 2013. – №2. – С. 24-26.
92. Козляков, В.Н. Рецензия на книгу: Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича / Институт российской истории РАН. М.: Наука, 2005. 467 с. [Рецензия] / В.Н. Козляков // Отечественные архивы. – 2006. – №2. – С. 109-114.
93. Козляков, В.Н. Смута в России. XVII век [Текст] / В.Н. Козляков. – М.: Омега, 2007. – 528 с.
94. Козляков, В.Н. Михаил Федорович [Текст] / В.Н. Козляков. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 346 с.
95. Красницкая, А.В. Земский собор 1613 г. по выборам нового царя и его влияние на формирования российской государственности после Смуты начала XVII в. [Текст] / А.В. Красницкая // Право и государство: теория и практика. – 2011. – №5(77). – С. 111-115.
96. Леонтьева, Г.А. Рецензия на книгу: Демидова Н.Ф. Первые Романовы на российском престоле / Н.Ф. Демидова, Л.Е. Морозова, А.А. Преображенский. М.: Институт российской истории РАН, 1996. 217 с.

- [Рецензия] / Г.А. Леонтьева // Вопросы истории. – 1998. – №11-12. – С. 167-169.
97. Лисейцев, Д.В. Россия после Смуты-время выбора [Текст] / Д.В. Лисейцев, Н.М. Рогожин // Отечественная история. – 2008. – №5. – С. 39-50.
98. Лисейцев, Д.В. Демократия Смутного времени. Как проходил Земский собор 1613 года [Текст] / Д.В. Лисейцев // Родина. – 2013. – №2. – С. 14-17.
99. Лисейцев, Д.В. Легитимность верховной власти в России в эпоху Смуты: к вопросу о статусе «выборных людей» [Текст] / Д.В. Лисейцев // Российская история. – 2014. – №4. – С. 146-154.
100. Мамонов, В.Ф. В дни мятежей и смут кровавых: Казачество во времена Смуты в Московском государстве на рубеже XVI – XVII веков [Текст] / В.Ф. Мамонов. – Челябинск, Изд-во ЧГПУ, 1999. – 110 с.
101. Михайлова, И. Вставайте, люди русские! [Текст] / И. Михайлова // Родина. – 2013. – №2. – С.10-13.
102. Морозова, Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича: монография [Текст] / Л.Е. Морозова. – М.: Наука, 2005. – 467 с.
103. Морозова, Л.Е. Михаил Федорович [Текст] / Л.Е. Морозова // Вопросы истории. – 1992. – №1. – С. 32-47.
104. Морозова, Л.Е. История России в лицах: Государственные деятели XVII века [Текст] / Л.Е. Морозова, А.В. Демкин. – М.: Школа-Пресс, 2001. – 112 с.
105. Морозова, Л.Е. Смута на Руси: Выбор пути [Текст]: монография / Л.Е. Морозова. – М.: Аст-пресс книга, 2007. – 288 с.
106. Морозова, Л.Е. История России. Смутное время [Текст] / Л.Е. Морозова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 543 с.
107. Поздеева, И.В. Первые Романовы и царистская идея (XVII век) [Текст] / И.В. Поздеева // Вопросы истории. – 1996. – № 1. – С. 41-52.
108. Преображенский, А.А. Первые Романовы на Российском престоле [Текст] / А.А. Преображенский, Л.Е. Морозова, Н.Ф. Демидова. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2011. – 456 с.

109. Пчелов, Е.В. Генеалогия Романовых. 1613 – 2001 [Текст] / Е. В. Пчелов. – М.: Экслибрис-Пресс, 2001. – 227 с.
110. Пчелов, Е.В. Романовы. История династии [Текст] / Е.В. Пчелов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 494 с.
111. Пчелов, Е.В. Рюриковичи. История династии [Текст] / Е.В. Пчелов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 479 с.
112. Савинов, А. Михаил Романов [Текст] / А. Савинов // Серия: Российские князья, цари, императоры. – М.: Ашетт Коллекция, 2012. – Т. 6. – 48 с.
113. Скрынников, Р.Г. Русь. X – XVII века [Текст] / Р.Г. Скрынников. – СПб.: Питер, 1999. – 352с.
114. Скрынников, Р.Г. Смутное время: Крушение царства [Текст] / Р.Г. Скрынников. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 542 с.
115. Скрынников, Р.Г. Михаил Романов [Текст] / Р.Г. Скрынников. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 334 с.
116. Сукина, Л.Б. Первые Романовы. Жажда власти и любви [Текст] / Л.Б. Сукина. – СПб.: Питер, 2007. – 352 с.
117. Флоря, Б.Н. Избрания царя Михаила [Текст] / Б.Н. Флоря // Родина. – 2013. – №2. – С. 2-7.
118. Чакшов, В.Н. Романовы: кто они? [Текст] / В.Н. Чакшов // Отечественная история. – 1998. – №1. – С. 167-176.
119. Чугреева, Н.Н. Казанская икона Богоматери и династия Романовых [Текст] / Н.Н. Чугреева // Вопросы истории. – 2013. – №9. – С. 144-148.
120. Шамбаров, В.Е. Рождение династии, или Тайна воцарения Романовых [Текст] / В.Е. Шамбаров. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2011. – 592 с.
121. Широкопад, А.Б. Путь к трону. Историческое исследование [Текст] / А.Д. Широкопад. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 445 с.
122. Широкопад, А.Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября [Текст] / А.Д. Широкопад. – М.: Вече, 2005. – 416 с.
123. Широкопад, А.Б. Тайны Великой смуты [Текст] / А.Д. Широкопад. – М.: Вече, 2005. – 320 с.

124. Широкоград, А.Б. Бояре Романовы в Великой смуте [Текст] / А.Д. Широкоград. – М.: АСТ, 2010. – 412 с.
125. Шокарев, С.Ю. Смутное время в Москве [Текст] / С.Ю. Шокарев. – М.: Вече, 2013. – 304 с.

ЛИТЕРАТУРА

Научные труды по вопросам теории и методологии и по отдельным вопросам истории и историографии

126. Алеврас, Н.Н. Историографический текст как эго-документ: к постановке и обсуждению подхода [Текст] / Н.Н. Алеврас // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. – С. 41-54.
127. Алеврас, Н.Н. Что такое «историографический быт»? Из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции [Текст] / Н.Н. Алеврас // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. – М.: изд. ЛКИ, 2011. – 608 с.
128. Алеврас, Н.Н. Историографическое знание и проблема историографического быта: смысл и происхождение научной категории [Текст] / Н.Н. Алеврас // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2012. – №22(276). – С. 79-85.
129. Алеврас, Н.Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений [Текст] / Н.Н. Алеврас // Мир историка: историографический сборник. – Омск: изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 100-121.
130. Балязин, В.Н. Неофициальная история России [Текст] / В.Н. Балязин. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 608 с.

131. Балакин, В.С. Русь и Россия: теория и история цивилизационной эволюции в XI – XX вв. [Текст] / В.С. Балакин, С.С. Загребин. – Челябинск: Цицеро, 2018. – 166 с.
132. Баландье, Ж. Политическая антропология [Текст] / Ж. Баландье. – М.: Научный мир, 2001. – 204 с.
133. Бэшем, А. Цивилизация Древней Индии [Текст] / А. Бэшем. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 496 с.
134. Бицилли, П.М. Элементы средневековой культуры [Текст] / П.М. Бицилли. – СПб.: Мифрил, 1995. – 244 с.
135. Блок, М. Феодалное общество [Текст] / М. Блок. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.
136. Брачев, В.С. Травля русских историков [Текст] / В.С. Брачев. – М.: Изд-во Алгоритм, 2006. – 320 с.
137. Ванина, Е.Ю. Средневековое мышление: индийский вариант [Текст] / Е.Ю. Ванина; Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. Лит., 2007. – 375 с.
138. Варьяш, И.И. Священное право короля – творить право [Текст] / И.И. Варьяш // Священное тело короля. Ритуалы и мифология. – М.: Наука, 2006. – С. 52-77.
139. Вейнберг, И.П. Человек в культуре древнего Ближнего востока [Текст] / И.П. Вейнберг. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 208 с.
140. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций [Текст] / Дж. Вико. – М.-К.: REFL-book, ИСА, 1994. – 656 с.
141. Годелье, М. Загадка дара [Текст] / М. Годелье. – М.: Вост. Лит., 2007. – 295 с.
142. Грачев, Н.И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практики государственного строительства традиционного сообщества [Текст] / Н.И. Грачев. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. – 320 с.
143. Гришина, Н.В. Историческая наука в первое десятилетие советской власти в самоощущениях отечественных гуманитариев [Текст] / Н.В.

- Гришина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №30(321). – С. 109-113.
144. Гуревич, А.Я. Культура средневековья и историк конца XX века [Текст] / А.Я. Гуревич // История мировой культуры. Наследие Запада: Античность – Средневековье – Возрождение. – М.: Изд-во РГГУ, 1998. – С.210-318.
145. Дементьева, В.В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт [Текст] / В.В. Дементьева. – М.: Инфо-Медиа, 1998. – 137 с.
146. Дмитрина, С.Г. Проблема легитимности власти в несовременных обществах с точки зрения коммуникативной теории исторического процесса [Текст] / С.Г. Дмитрина // Традиционные общества: неизвестное прошлое материалы X Междунар. науч.-практ. конф., 21-22 апреля 2014 г. – Челябинск: Издательство ООО ПИРС, 2014. – С. 80-83.
147. Дубровский, А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) [Текст] / А.М. Дубровский. – Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005. – 800 с.
148. Загребин, С.С. Проблема изучения культурной политики в динамике исторического развития: опыт историко-культурологического анализа [Текст] / С.С. Загребин // Фундаментальные проблемы культурологии. – М., СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. – Т. VII.: Культурное многообразие: теории и стратегии. – С. 197-204.
149. Загребин, С.С. Традиционная культура как основа новой культурной политики в России [Текст] / С.С. Загребин // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – №2. – С. 82-87.
150. Зеньковский, С.А. Русское старообрядчество [Текст]: в 2 т. / С.А. Зеньковский. – М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. –Т.1. – 688 с.
151. Ильин, И.А. О монархии [Текст]: Собр. соч.: в 10-ти т. / И.А. Ильин. – М. Русская книга, 1994. – Т. 4. – 624 с.

152. Ильин, М. В., Мельвиль, А. Ю. Власть [Текст] // Полис. Политические исследования: Научный и культурно-просветительский журнал. – 1997. – №6. – С. 146-165.
153. Кайуа, Р. Миф и человек. Человек и сакральное [Текст] / Р. Кайуа. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.
154. Канторович, Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии [Текст] / Э. Канторович. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015. – 752 с.
155. Кара-Мурза, С.Г. "Общество знания": подавления этики [Текст] / С.Г. Кара-Мурза // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – №1. – С. 39-55.
156. Кара-Мурза, С.Г. Демонтаж народа [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2007. – 705 с.
157. Кара-Мурза, С.Г. Россия не Запад, или что нас ждет [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. – 256 с.
158. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования [Текст] / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
159. Костяев, А.И. Современная Российская цивилизациология: подходы, проблемы, понятия [Текст] / А.И. Костяев, Н.Ю. Максимова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 326 с.
160. Корзун, В.П. Коммуникативное поле современной исторической науки: от размышлений историографов к опытам описания [Текст] / В.П. Корзун, В.Г. Рыженко // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 37. – С. 24-44.
161. Корзун, В.П. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве: размышления над учебным пособием Л.П. Репиной, В.В. Зверевой и М.Ю. Парамоновой «История исторического знания» [Текст] / В.П. Корзун, В.Г. Рыженко // Мир Клио: сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной: в 2 тт. – М.: ИВИ РАН, 2007. – Т. 2. – С. 266-278.
162. Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. [Текст] / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2000. – 328 с.

163. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада. [Текст] / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 560 с.
164. Леонтьев, К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России [Текст] / К.Н. Леонтьев. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 1232 с.
165. Лукин, П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века [Текст] / П.В. Лукин. – М.: Наука, 2000. – 294 с.
166. Маловичко, С.И. Национально-государственный нарратив как вид социально ориентированного историописания [Текст] / С.И. Маловичко // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2015. – Сер. 2. – Вып. 4. – С. 125-135.
167. Манчестер, Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России [Текст] / Л. Манчестер. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.
168. Мартынов, А.С. Представление о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции [Текст] / А.С. Мартынов // Народы Азии и Африки. – 1972. – №5. – С. 72-82.
169. Мюллер, М. Смысловые толкования истории [Текст] / М. Мюллер // Философия истории. Антология. – М.: Аспект Пресс. 1995. – С. 274-282.
170. Новгородцев, П. И. Восстановление святынь (Посвящается памяти В. Д. Набокова) [Текст] / П.И. Новгородцев // Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – С. 559-580.
171. Павленко, Н.И. История России с древнейших времен до 1861 года [Текст]: учеб. для вузов / Н.И. Павленко, И.Л. Андреев, В.А. Федоров. – М.: Высшая школа, 2007. – 536 с.
172. Пашков, И.С. Роль земли в этногенезе и развитии национального самосознания [Текст] / И.С. Пашков // Культурологічний вісник Нижньої Наддніпрянщини. – 2010. – №25.
173. Поляков, Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы [Текст] / Ю.А. Поляков. – М.: Росспэн, 1999. – 454 с.

174. Репина, Л.П. Теоретические новации в современной историографии [Текст] / Л.П. Репина // Харківський історіографічний збірник. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, – 2010. – Вип. 10. – С. 10-40.
175. Репина, Л.П. Идеи – концепции – люди, или как писать историю медиевистики сегодня? (К 100-летию Е.В. Гутновой) [Текст] / Л.П. Репина // Средние века. – М.: Наука, 2014. – Вып. 75(4). – С. 406-422.
176. Репина, Л.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации [Текст] / Л.П. Репина, Г.П. Мягков // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. – 2014. – Вып. 3. – С. 137-142.
177. Репина, Л.П. История исторического знания: Пособие для вузов [Текст] / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
178. Рыбаков, В.М. И руль истории нам сладок и приятен [Текст] / В.М. Рыбаков. // «Нева». – 2009. – № 4. – С. 114-137.
179. Санников, С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов раннесредневековой западноевропейской историографии [Текст] / С.В. Санников. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. – 216 с.
180. Сверчкова, Л.П. Субъект духовного производства: методологический анализ [Текст] / Л.П. Сверчкова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 128 с.
181. Смоленский, Н.И. Теория и методология истории [Текст] / Н.И. Смоленский. – М.: «Академия», 2011. – 272 с.
182. Соколов, А.В. Поколение русской интеллигенции [Текст] / А.В. Соколов. – СПб.: СПбГУП, 2009. – 664 с.
183. Соколов, К.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность [Текст] / К.Б. Соколов // Русская интеллигенция. История и судьба. – М.: «Наука» РАН, 1999. – С. 149-208.
184. Солоневич, И.Л. Народная монархия [Текст] / И.Л. Солоневич. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 624 с.
185. Тимощук, А.С. Онтология и аксиология традиционной культуры [Текст] / А.С. Тимощук // Ориентиры. – 2006. – №3. – С. 133-163.

186. Тихомиров, Л.А. Носитель идеала [Электронный ресурс] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. – 1894. – № 298. – Режим доступа: <http://monarhist.info/RP/Tikhomiroff/Tikhomiroff-5.htm> – (дата обращения: 15.06.2018).
187. Тихонов, В.В. Методы историографии: современное состояние и перспективы [Электронный ресурс] / В.В. Тихонов. – Режим доступа: http://www.clioherit.ru/view_post.php?id=41 – (дата обращения: 01.12.2018).
188. Уваров, П.Б. «Дедуктивная археология» как принцип исторического познания: сущность и когнитивные возможности реконструкции прошлого [Текст] / П.Б. Уваров // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – №3. – С. 54-68.
189. Уваров, П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции [Текст] / П.Б. Уваров. – М.: АИРО-XX, 2005. – 200 с.
190. Фавье, Ж. Столетняя война [Текст] / Ж. Фавье. – СПб.: Евразия, 2009. – 656 с.
191. Федоров, Р.И. Интеллектуальная история как направление в методологии исторических исследований [Текст] / Р.И. Федоров // История. Экономика. Геополитика. – 2016. – №2. – С. 47-60.
192. Хвалин, А.Ю. Восстановление монархии в России Приамурский Земский Собор 1922 года: Материалы и документы [Текст] / А.Ю. Хвалин. – М.: Православное Братство во имя Царя-великомученика Николая, 1993. – 168 с.
193. Шелер, М. Человек и история [Текст] / М. Шелер // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – Т. 1, №3. – С. 132-154.
194. Юрганов, А.Л. Категории русской средневековой культуры [Текст] / А.Л. Юрганов. – М.: МИРОС, 1998. – 448 с.
195. Cherniavsky, M. Tsar and people: studies in Russian myths [Text] / M. Cherniavsky. – N. Y.: Random Hous, 1969. – 258 p.

Материалы научных конференций

196. Маловичко, С.И. Феноменологическая концепция источниковедения как теоретическая основа источниковедения историографии [Электронный ресурс]: / С.И. Маловичко // Концепция когнитивной истории: круглый стол, посвящ. 90-летию со дня рождения О.М. Медушевской. Источниковедение.ru. – Режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_malovichko/15-1-0-130 – (дата обращения: 28.06. 2016).
197. Павлов, А.П. «Совет всея земли» и избирательная борьба в 1613 г. [Текст] / А.П. Павлов // Смутное время и земские ополчения в начале XVII в. К 400-летию создания первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова. – Рязань: РИАМЗ, 2011. – С. 74-85.
198. Уваров, П.Б. Коммуникативный формат как матрица исторического процесса [Текст] // Традиционные общества: неизвестное прошлое. – Челябинск: Челяб. гос. пед. ун-тет, 2008. – С. 44-63.

Справочные и энциклопедические издания

199. Даль, В.И. Пословицы русского народа [Текст] / В.И. Даль. – М.: ЭКСМО-Пресс, Издательство НИН, 2002. – 616 с.
200. Историография истории России до 1917 г. [Текст]: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т./ М.Ю. Лабочевой. – М.: ВЛАДОС, 2004. – Т.2 – 383 с.
201. Историография истории России до 1917 г. [Текст]: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т./ М.Ю. Лабочевой. – М.: ВЛАДОС, 2004. – Т.1 – 382 с.
202. Источниковедение [Текст]: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
203. Любомиров, П. Г. [Электронный ресурс] // Биографика СПбГУ. – Режим доступа: <http://bioslovhist.spbu.ru/person/473-lyubomirov-pavel-grigoryevich.html> – (дата обращения: 01.07.2018).

204. Наумова, Г.Р. Историография истории России [Текст]: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030401 "История" направления подготовки 030400 "История" // Г.Р. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: «Академия», 2008. – 480 с.

Авторефераты и диссертации

205. Красницкая, А.В. Земские соборы как важнейший политико-правовой институт в процессе укрепления государственности Московской Руси XVII в. [Текст]: Дис. ... канд. юридич. наук: 12.00.01 / А.В. Красницкая. – Краснодар, 2012. – 213 с.
206. Красницкая, А.В. Земские соборы как важнейший политико-правовой институт в процессе укрепления государственности Московской Руси XVII в. [Текст]: Автореф. дис. ... канд. юридич. наук: 12.00.01 / А.В. Красницкая. – Краснодар, 2012. – 24 с.
207. Морозова Л.Е. Смутное время начала XVII века в сочинениях русских современников [Текст]: Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.09 / Л.Е. Морозова. – М., 2001. – 367 с.
208. Соколова, Э.В. Эволюция сословно-представительной власти в России с середины XVI до середины XVII вв. [Текст]: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Э.В. Соколова. – Иваново, 2007. – 232 с.
209. Соколова, Э.В. Эволюция сословно-представительной власти в России с середины XVI до середины XVII вв. [Текст]: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Э.В. Соколова. – Иваново, 2007. – 25 с.
210. Уваров, П.Б. Исторические методы исследования интеллигенции: концептуальные основания и когнитивные возможности [Текст]: Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.09 / П.Б. Уваров. – Челябинск, 2010. – 405 с.
211. Уваров, П.Б. Исторические методы исследования интеллигенции: концептуальные основания и когнитивные возможности [Текст]: Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.09 / П.Б. Уваров. – Челябинск, 2010. – 49 с.